

занимался, рѣшены менѣе ярко, опредѣленно и проникновенно.

За предѣлами первыхъ 78 страницъ характеръ сочиненія—совсѣмъ иной: пособій, изъ которыхъ черпалъ раньше нашъ авторъ матеріалъ для своей работы, здѣсь почти нѣтъ, рѣчь течетъ свободно, изложеніе, если не всегда глубокое, то, по крайней мѣрѣ, живое, литературное. Правда, *замѣчанія истолковательнаго характера* не всегда удачны (см. напр. 180—182, 187—188, 197 стр.), но въ общемъ можно утверждать, что конецъ первой и вторая часть удались автору. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что, переходя въ область идеологии, о. Поляковъ начинаетъ чувствовать себя въ болѣе сродной ему сферѣ. Разумѣется, онъ здѣсь немного увлекается—преувеличивая достоинство идейнаго содержанія 3-ей книги Ездры. Эта книга, по мнѣнію нашего автора, даетъ цѣлое міровоззрѣніе (стр. 110), по его словамъ „о причинахъ... тягостнаго и безотраднаго состоянія народа Израильскаго, томящагося въ тяжелой неволѣ Вавилонскаго плѣна“ здѣсь изложены „*религіозно—философскія сужденія*“ (стр. I).

Увлечение о. Полякова *своей* книгой сказывается и въ томъ, что, прилежно изучивъ только ее, онъ этимъ и ограничился. Пособія, бывшія подъ руками у него, подсказали ему краткія сближенія къ апокалиптической литературой, сопоставленія съ новозавѣтными памятниками. Но существо дѣла подсказывало нашему автору, что нужно изучать 3-ью книгу Ездры въ цѣли идей ветхозавѣтныхъ, и этого онъ не сдѣлалъ. 3-ья книга Ездры въ нашей Библии находится на грани (выраженіе автора—стр. III) двухъ завѣтовъ, и хотя ея идейное отношеніе къ книгамъ ветхозавѣтнымъ представляется загадочнымъ и неопредѣленнымъ, но отсюда слѣдуетъ какъ разъ необходимость внимательно и тщательно разрѣшить вопросъ, опредѣленно установить идейную близость 3-ей книги Ездры къ ветхозавѣтной библейской письменности. Для изученія книги это дало бы цѣлое богатство цѣннаго матеріала, а самому сочиненію придало бы яркій колоритъ изслѣдованія библейскаго ветхозавѣтнаго памятника. Вотъ частный, малозначительный примѣръ: *замѣчаніе* къ 3, 6 (стр. 187) было бы инымъ, если бы авторъ привелъ только Пс. 79, 16.

Общее впечатлѣніе отъ сочиненія о. Полякова весьма благо-

приятно. Очень скромно, не претендуя на специфически ученый характер своего изслѣдованія, и въ то же время очень добросовѣстно (это мы уже отмѣтили) о. Поляковъ выполнилъ свою задачу: онъ съ успѣхомъ приложилъ свои усилія къ одной изъ тѣхъ „сокровенныхъ“ книгъ (3 Ездры 12, 37), „гдѣ источникъ мудрости и рѣка знанія“ (14, 18). Отмѣчая въ заключеніе церковность въ направленіи работы о. Полякова, имъ подчеркнутую (стр. VIII; ср. 129), и его преданность святоотеческому пониманію изученной имъ книги, мы считаемъ автора вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

36) О сочиненіи студента священника *Прозорова Николая* на тему: „Характеръ отношеній между Римской и Константинопольской каедрами въ періодъ отъ смерти папы Льва Великаго до 7-го вселенскаго собора включительно“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Эпоха отъ смерти папы Льва Великаго до 7-го вселенскаго собора включительно представляетъ собою такой періодъ въ развитіи церковно-политическихъ отношеній между Римомъ и Византіей, когда роковая распря между христіанскимъ Востокомъ и Западомъ, съ ихъ противоположными культурно-историческими традиціями и интересами, стала принимать все болѣе и болѣе рѣзкія формы, выражаясь въ болѣе или менѣе продолжительныхъ расколахъ между Римской и Константинопольской каедрами, подготавливая окончательное раздѣленіе церквей, завершившееся въ 9—11 вѣкахъ. Прослѣдить развитіе этой постепенно усиливавшейся (въ теченіе указаннаго въ темѣ періода) распри и отчужденія между Римомъ и Византіей, въ связи съ возраставшими на Западѣ и Востокѣ противоположными укладомъ и идеалами церковно-политической жизни, и составляло задачу работы о. Прозорова. Авторъ раскрываетъ предметъ своей темы въ слѣдующихъ 7 главахъ. Послѣ небольшого введенія (1—13 стр.), авторъ въ 1-й главѣ своего сочиненія довольно подробно выясняетъ „церковное значеніе римской и константинопольской каедры и ихъ взаимныя отношенія до Халкидонскаго собора включительно“ (14—89 стр.). 2-я глава рассматриваетъ отношенія между Римомъ и Константино-

цолемъ „въ періодъ продолженія на востокъ монофизитской ереси (461—527 гг.)“ выясняетъ по преимуществу исторію т. н. акакіанскаго раскола, съ его различными перипетіями (90—263 стр.). Въ 3-й главѣ о. Прозоровъ характеризуетъ отношенія между Римомъ и Византіей въ эпоху имп. Юстиніана, рассматривая главнымъ образомъ исторію сношеній Рима съ Востокомъ по вопросу о „трехъ главахъ“ (264—366 стр.). Въ 4-й главѣ авторъ обозрѣваетъ столкновение папы Григорія Великаго съ патріархами Іоанномъ Постыникомъ и Кириакомъ по вопросу о титулѣ „вселенскій“ (367—433 стр.). 5-я глава характеризуетъ отношенія между Римской и Константинопольской кафедрами въ эпоху моноелитскихъ волненій (434—533 стр.), а 6-я—въ эпоху иконоборчества (534—574 стр.). Въ 7-й, „заключительной“, главѣ авторъ даетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ разсмотрѣнной имъ борьбы между Римомъ и Византіей (575—593 стр.).

Авторъ отнесся къ своей работѣ добросовѣстно и серьезно. Онъ внимательно изучилъ рекомендованную ему литературу темы (Hergenröther, Langen, Hefele, Вахманн, Кургановъ, Барсовъ, Андреевъ и др.), равно какъ въ той или иной степени ознакомился и съ ея первоисточниками (по Mansi) и представилъ рядъ обстоятельно, съ точными ссылками на соответствующіе документы, написанныхъ очерковъ, изображающихъ всѣ сколько-нибудь значительные моменты взаимоотношеній между Римомъ и Константинополемъ за указанную въ темѣ эпоху. Изложеніе автора—отчетливое, сжатое, и, за немногими исключениями, вполне литературное.

Въ качествѣ недостатковъ работы о. Прозорова отмѣчу, во 1-хъ, нѣкоторую поверхностность „заключительной“ его главы. Выполнивъ свою работу аналитическимъ методомъ, обрисовавъ цѣлый рядъ довольно разнохарактерныхъ эпизодовъ изъ церковно-политической исторіи Рима и Византіи 5—8-го вѣковъ, автору въ „заключительной“ главѣ сочиненія слѣдовало бы тщательно синтезировать свои наблюденія и выводы, отрывочно разбросанные на протяжении всей работы (а мѣстами и подробно развиты ихъ), не ограничиваясь общими лишь замѣчаніями. Безъ такого суммированія сдѣланныя авторомъ наблюденія надъ историко-догматическими, церковно-каноническими и національно-политическими столкновениями между христіанскимъ Западомъ и Востокомъ не

даютъ исполнѣнъ цѣльнаго представленія о характерѣ и значеніи изученной авторомъ эпохи въ общемъ ходѣ роковой междуцерковной распри.

Во 2-хъ, встрѣчаются въ сочиненіи о. Прозорова нѣкоторыя фактическія погрѣшности и неточности. Укажу нѣсколько примѣровъ. На стр. 124 авторъ утверждаетъ, что папа Феликсъ 3-й былъ первымъ папой, примѣнившимъ „по отношенію къ Востоку тактику (?)“ „требовать къ апостольскому трибуналу епископовъ, на которыхъ поступали какія-либо жалобы“. Но, если уже оставить въ сторонѣ вмѣшательство папы Юлія въ борьбу „Восточныхъ“ противъ Аванасія Александрійскаго, на каковой прецедентъ, какъ извѣстно автору, ссылался самъ Феликсъ въ своемъ *libellus'ŷ citationis* къ Акакію Константинопольскому (*Mansi 7, 1108*), противъ утвержденія автора свидѣтельствуетъ выступленіе папы Иннокентія 1-го, требовавшаго къ себѣ, на римскій соборъ, Теофила Александрійскаго, по поводу низложенія І. Златоуста (*Mansi 3, 1096*). На стр. 221 авторъ, ссылаясь на *Langen'a (Geschichte d. röm. Kirche v. Leo I... 237)*, утверждаетъ, что извѣстный подложный памятникъ „Дареніе Константина“ появился въ эпоху папы Симплиція. На самомъ же дѣлѣ *Langen*ъ относитъ къ этой эпохѣ лишь *Constitutum Silvestri*, памятникъ, отличный отъ *Donatio Constantini*. На стр. 52-й и далѣе авторъ вообще сгущаетъ антиримскія тенденціи Трулльскаго собора. На стр. 72 и слѣд. авторъ даетъ нѣсколько одностороннюю характеристику единодушія Восточныхъ на Халкидонскомъ соборѣ по вопросу о возвышеніи Константинопольской кафедры, каковое единодушіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что „восточные отцы, воспитанные на живомъ сознаніи соборности церкви, въ возвышеніи *своего* іерарха, хотѣли создать рѣшительное противодѣйствіе прогрессивно-увеличивавшемуся расширенію папской власти“. Но, не говоря о томъ, что дѣянія Халкидонскаго собора не даютъ основаній къ такому мнѣнію о желаніи Восточныхъ отцовъ свести рѣшительные счеты съ нарождающимся „монархическимъ абсолютизмомъ папы“, о. Прозорову, конечно, извѣстна (хотя бы изъ использованной имъ книги Барсова, стр. 64; см. *Hefele 2, 516*) и закулисная сторона видимаго успѣха 28-го канона на Халкидонскомъ соборѣ, т. е. своеобразная конъюктура отношеній между представителями

главнѣйшихъ кафедръ восточной церкви въ моментъ Халкидонскаго собора. Самъ авторъ на 112 стр. своего сочиненія проговаривается о „старой традиціи Александріи, подобно Риму, свысока смотрѣть на Константинопольскую кафедру, отнявшую у нея 2-е мѣсто“.

Наконецъ, въ 3-хъ, нельзя не отмѣтить крайней несправности въ перепискѣ сочиненія о. Прозорова. На обязанности автора лежало внимательно перечитать свое сочиненіе и исправить многочисленныя описки и орфографическія ошибки своего недостаточно грамотнаго переписчика.

Несмотря на отмѣченные недостатки, сочиненіе о. Прозорова является дѣльной кандидатской работой, а его авторъ вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *Аргимандрита Анатоля*:

„Сочиненіе о. Прозорова посвящено обзорнѣю и характеристикѣ взаимоотношеній двухъ важнѣйшихъ церковныхъ кафедръ—древняго и новаго Рима въ періодъ, когда созрѣвалъ глубоко-печальный великій римскій расколъ или такъ называемое раздѣленіе церквей. Интересъ подобной темы—церковно-историческій и даже церковно-практическій въ виду все вновь воскресающихъ прекрасныхъ мечтаній о присоединеніи отпавшихъ отъ церковнаго единства западныхъ исповѣданій—внѣ всякаго сомнѣнія. Въ отвѣтъ на интересную, но, конечно, и не легкую тему о. Прозоровъ представилъ сочиненіе, свидѣтельствующее о томъ, что авторъ его далъ себѣ трудъ познакомиться съ многочисленными источниками и еще бѣльшей литературой, затѣмъ продумать весь свой матеріалъ и изложить его въ формѣ историческаго повѣствованія, въ общемъ безукоризненнаго. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ формулировкой темы о. Прозоровъ преимущественно рассказываетъ читателю о взаимныхъ отношеніяхъ патріарховъ двухъ столицъ. Слабѣе у него выступаютъ междуцерковныя отношенія Востока и Запада хотя, только не упуская изъ виду эти послѣднія, и можно во всей силѣ постигнуть совершавшійся процессъ. Въ числѣ условій, способствовавшихъ возрастанію папства, о. Прозоровъ указываетъ, но недостаточно оцѣниваетъ отсутствіе

императорской власти на Западъ въ данный періодъ. Очень жаль, что о. Прозорову остались неизвѣстными лекціи В. В. Болотова, именно третій ихъ томъ. Здѣсь на соответствующихъ страницахъ онъ нашелъ бы прекрасное изложеніе папской теоріи Льва Великаго и своеобразную глубоконаучную постановку вопроса о междуцерковныхъ отношеніяхъ Рима и Византіи и въ значительной степени подобранный матеріаль. Не имѣлъ нашъ авторъ подъ руками и нѣкоторыхъ спеціальныхъ монографій и статей на русскомъ языкѣ (диссертациіи Н. В. Малицкаго и о. Ф. И. Успенскаго и статья А. П. Лебедева). По отношенію къ иностраннымъ трудамъ и то количество ихъ, какое имъ привлечено къ изученію вопроса, можно признать достаточнымъ.

Любимая идея о. Прозорова, которой онъ вдохновляется и во всемъ своемъ изслѣдованіи и которую онъ *explicito* высказываетъ въ началѣ и въ концѣ своего труда.—это провиденціальное назначеніе грековъ—послужить раскрытію церковной истины, ради чего они мирились будто - бы и съ императорскимъ вмѣшательствомъ въ догматическіе споры и церковныя дѣла. Но многочисленныя ереси, какъ это хорошо извѣстно и о. Прозорову, суть порожденіе восточнаго христіанства, а съ императорскимъ насиліемъ восточные іерархи мирились иногда просто по человѣческой слабости.

Изъ мелкихъ недочетовъ отмѣтимъ слѣдующіе. Авторъ часто пользуется Гергенпрётеромъ и дѣлаетъ ссылки на него, не перенося цитатъ изъ первоисточниковъ, которыя имѣются у этого автора, и заставляя читателя обращаться къ этому пособию. На стр. 203 слово *secretarium* авторъ переводитъ: тайная комната, хотя на стр. 347 то же слово передано: судебная палата. Никифоръ Каллисть—писатель во всякомъ случаѣ не IX в. (стр. 298). На стр. 475 дата прибытія папы Мартина въ Константинополь опредѣляется 17 сент. 654 г., а чрезъ 3 стр. послѣ этой встрѣчается такое сообщеніе: папа Мартинъ отправленъ былъ въ ссылку изъ Константинополя 17 марта 654 г. На стр. 535 авторъ говоритъ, что въ числѣ подданныхъ византійскаго правительства стало числиться (въ концѣ даннаго періода) много магометанъ. Должно быть здѣсь авторъ позабылъ дѣйствительную исторію конца VII и начала VIII вв.. Наконецъ, должно быть поставлено въ упрекъ автору полное отсутствіе корректуры очень безгра-

мотной переписки его труда, хотя авторъ, конечно, самъ пишетъ вполне правильно.

Принимая во вниманіе трудность темы, большую вдумчивость, которая замѣчается на страницахъ труда о. Прозорова, образность его рѣчи, наблюдательность и вниманіе, съ которыми онъ подмѣчаетъ различіе текстовъ, расчлененіе и другія формальныя качества, признаю сочиненіе о. Прозорова прекрасной студенческой диссертацией, а автора—вполнѣ достойнымъ первой ученой степени.“

37) О сочиненіи студента *Пылаева Владимира* на тему: „Духовно - нравственный обликъ Новгородскихъ подвижниковъ домонгольского періода.“

а) Ректора Академіи *Епископа Осодора*:

„Авторъ самъ новгородецъ и потому понятна та любовь, съ какой онъ отнесся къ своей работѣ. По существу задачи эта работа автора колоссальна. Нужно было живо воссоздать и представить какъ бы цѣлую живую галерею исторически извѣстныхъ великихъ подвижниковъ вѣры и благочестія давно уже минувшаго періода нашей исторіи. Нужно было для этого изучать и добывать не только чисто біографическій матеріалъ, но и обследовать болѣе широкую сферу церковно-общественной и гражданской жизни, въ которой проходила жизнь и дѣятельность этихъ подвижниковъ. И здѣсь и тамъ, т. е. и въ біографіи и въ исторіи нужно было взять то, что шло-бы къ воссозданію вѣрнаго исторически и живого духовно облика этихъ лицъ. Авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, и представилъ громадный трудъ (1087 стр.), богато иллюстрированный портретами лицъ, о коихъ онъ пишетъ (35 иллюстрацій), и виньетками, взятыми съ орнаментовъ древнихъ новгородскихъ храмовъ. Но тѣ трудности, которыя пришлось автору преодолевать при исполненіи своей задачи, повліяли невыгодно на самое ея выполненіе. Дѣло въ томъ, что о многихъ лицахъ, которыя должны были входить въ воссоздаемую авторомъ галерею, почти не сохранилось никакихъ біографическихъ и историческихъ данныхъ. Вотъ что, напр., авторъ пишетъ на стр.

153—154 своего сочиненія: „густой туманъ вѣковъ совсѣмъ закрылъ собой труды святителей новгородскихъ Стефана, Ѳеодора и Германа и только, какъ небольшіе проблески, до нашихъ дней долетали отголоски объ ихъ жизни. Эти отголоски только крупницы, небольшія бисеринки, по которымъ трудно и даже невозможно обрисовать духовно - нравственный обликъ этихъ святителей.“

Въ такомъ - же положеніи авторъ оказывается и въ отношеніи ко многимъ другимъ лицамъ, о коихъ онъ д. говорить въ своемъ сочиненіи; напр. о святителѣ Аркадіи, о свят. Григоріи и о благовѣрныхъ князьяхъ Владимірѣ, Мстиславѣ и др. Замѣтимъ, что авторъ въ данномъ случаѣ избѣгаетъ еще большіхъ затрудненій, такъ какъ ограничиваетъ свой трудъ описаніемъ жизни и дѣятельности только святителей новгородскихъ и прославленныхъ князей, а не касается подвижниковъ не святителей.

Такъ какъ возсозданіе живого, духовно - нравственнаго облика святителей зависѣло отъ полноты историческихъ свѣдѣній о нихъ, то въ силу недостатка послѣднихъ у автора въ приложеніи ко многимъ изъ нихъ получился только рядъ весьма блѣдныхъ біографій съ краткимъ указателемъ литературной и практической дѣятельности ихъ. Такъ обстоитъ дѣло особенно въ приложеніи къ свят. Стефану, Ѳеодору, Аркадію и др. Въ сочиненіи, имѣющемъ цѣлю возсоздать духовно - нравственный обликъ подвижниковъ, это допустимо развѣ только въ цѣляхъ полнаго перечня этихъ подвижниковъ, въ цѣляхъ составить какъ бы нѣкій патерикъ новгородскихъ святыхъ. Отъ этой же скудости матеріала, характернаго, конечно, для каждаго лица особо, получилось, что всѣ лица подвижниковъ у автора написаны какъ бы на одинъ образецъ; они всѣ похожи одинъ на другого и авторъ въ характеристикѣ ихъ принужденъ ограничиваться однѣми общими фразами, приложимыми ко всякому духовному святому дѣятелю, ничуть не характерными для того или иного въ частности. Эта печать сходства между всѣми святителями и какъ бы отсутствіе индивидуальности характерна вообще для сочиненія автора* и объясняется уже не только скудостью матеріала, а, пожалуй, и недостаткомъ художественно - научнаго творчества. Разница между святителями не въ типичности ихъ, а просто въ томъ, что объ

одномъ болѣе біографическаго матеріала, а о другомъ менѣе, но обликъ получается одинъ и авторъ вездѣ пишетъ по одному шаблону. Онъ даже пользуется какъ бы случаемъ, что объ извѣстномъ святителѣ есть болѣе свѣдѣній, побольше поговорить о немъ и даже не въ цѣляхъ выясненія его духовно - нравственнаго облика, а просто ради полноты повѣствованія. Такъ онъ очень подробно передаетъ объ искушеніи свят. Никиты, а при повѣствованіи о свят. Нифонтѣ оч. много удѣляетъ вниманія гражданскимъ событіямъ. Впрочемъ этой сторонѣ жизни онъ вообще удѣляетъ много вниманія, благо объ этомъ можно почерпнуть свѣдѣнія легче изъ гражд. исторіи. При этомъ иногда самыя событія излагаются сбивчиво и спутанно, особенно на стр. 312—330 при описаніи войны между Мономаховичами и Ольговичами и участіи тутъ свят. Нифонта. Особенно эти экскурсы въ область гражданской исторіи доминируютъ у автора при описаніи святыхъ князей. Правда, здѣсь они болѣе умѣстны, чѣмъ въ рѣчи о святителяхъ, такъ какъ и жизнь св. князей проходила въ сферѣ этихъ событій, но заслонять ими живой духовно-нравственный обликъ св. князей, это значитъ уклоняться отъ темы. Въ указанномъ нами—главный недостатокъ труда автора, съ добавленіемъ сюда странностей его литературнаго языка: ставить прилагательное всегда послѣ существительнаго, придавая рѣчи характеръ какихъ-то бѣлыхъ стиховъ. Мы цѣнимъ его трудъ, какъ попытку собрать воедино данныя о цѣломъ рядѣ новгородскихъ подвижниковъ (авторъ говоритъ о 18 лицахъ), какъ опытъ литературной обработки этого матеріала и какъ даръ любви къ святымъ своего роднаго края. Несомнѣнно, это сочиненіе было бы съ интересомъ прочитано новгородцами, если-бы его напечатать хотя въ Епарх. Вѣдомостяхъ. Степени кандидата богословія авторъ вполне достоинъ.“

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Задачей настоящаго сочиненія—является обрисовать духовно-нравственный обликъ... подвижниковъ новгородскихъ, т. е., какъ-бы ввести читателя въ духовный міръ этихъ подвижниковъ, указать по возможности всѣ черты жизнедеятельности, какими отличались они въ жизни своей, охарак-

теризовать ихъ возможно полнѣе, такъ-что бы понятны они были для ума и сердца“. „Тяжела, трудна задача эта“. „Много препятствій встрѣчалось на пути при составленіи этого сочиненія. Много было разочарованій въ погонѣ за матеріаломъ, и, какъ помогъ Господь, я старался подойти къ выполнению своей задачи“ (стр. 26, 27, 41). Солидный объемъ—1086 страницъ въ четверку крупнаго шрифта пишущей машины—подтверждаетъ слова автора.

Сочиненіе г. Пылаева состоитъ изъ 18 агіографическихъ очерковъ: Іоакимъ Корсунянинъ, Лука Жидята, Стефанъ, ст. Теодоръ, Германъ, Никита, Нифонтъ, Аркадій, Ілія (Іоаннъ), Григорій, Мартирій, Антоній Римлянинъ, Варлаамъ Хутынской, кн. Анна, кн. Владиміръ, кн. Мстиславъ, кн. Теодоръ. Въ заключеніи (стр. 1009—1084) авторъ суммируетъ въ одно черты духовно-нравственнаго облика перечисленныхъ новгородскихъ подвижниковъ домонгольскаго періода.

Авторъ настоящаго сочиненія правильно опредѣлилъ свою задачу—методъ: „надо проникнуть въ тайники ихъ (подвижниковъ) внутренніе, невѣдомые никому, нужно жить ихъ чувствами, ихъ мыслями, вмѣстѣ съ ними какъ-бы переносить ихъ труды тяжелые, участвовать съ ними во всемъ подвигѣ ихъ жизни“ (стр. 27). Однако пойти этимъ методомъ онъ не смогъ, а обратился къ обычному историческому методу: на основаніи изученія лѣтописныхъ и житійныхъ сказаній, штудированія подлежащей литературы составилъ 18 агіографическихъ очерковъ, занявшихъ у него 966 страницъ, и непропорціально малымъ заключеніемъ—всего 79 страницъ—попытался дать характеристику духовно-нравственнаго облика новгородскихъ подвижниковъ. Такъ-что, строго говоря, г. Пылаевъ, оставивъ въ сторонѣ свою тему и правильно поставленную (стр. 26—27) задачу, представилъ нѣчто иное—жизнеописанія 18 новгородскихъ подвижниковъ домонгольскаго періода. Что-же касается собственно отвѣта на тему, то онъ удѣлилъ ей только $\frac{1}{13}$ часть своего большаго труда... Но и здѣсь читатель не найдетъ ясной, живой, картинной *характеристики*: сбивчиво, блѣдно и расплывчато [говоритъ авторъ въ этой главной части своего труда. Есть строки, когда хочется сказать, что напрасно онъ *вытягиваетъ* изъ бывшаго у него подъ руками матеріала то, чего тамъ нѣтъ. Много повтореній вредитъ ясности плана,

заставляетъ часто при чтеніи возвращаться къ сказанному раньше и т. д.

Но гораздо больше у г. Пылаева положительныхъ сторонъ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что авторъ—искренно вѣрующій, глубоко-убѣжденный сынъ Православной Церкви. Это сквозитъ почти на каждой страницѣ его интереснаго и глубоко поучительнаго сочиненія. Онъ съ благоговѣніемъ говорить о подвигахъ свв. подвижниковъ новгородскихъ, восторгается ими и въ нихъ только находитъ истинное наслажденіе. Его введеніе (стр. 1—41) производитъ впечатлѣніе музыкальной поэтической картины, гдѣ авторъ восторженнымъ языкомъ, можно сказать, языкомъ поэтическимъ говорить о самомъ свѣтломъ, лучшемъ въ человѣчествѣ—свв. подвижникахъ. Чувствуется, что авторъ какъ-бы живетъ въ этой высокой средѣ, оттуда черпаетъ силы и высокое духовное настроеніе. Онъ самъ новгородецъ, любитъ свой старый сѣдой Новгородъ съ его могучими, величавыми храмами, которые своей мощью какъ-бы говорятъ о духовной мощи своихъ строителей—тѣхъ св. подвижниковъ, о которыхъ авторъ ведетъ рѣчь въ первой части своего сочиненія. И думается, что, если-бы г. Пылаевъ захотѣлъ взять темой для сочиненія культурно-церковный обликъ древняго Новгорода и въ немъ, какъ главный факторъ—дѣятельность первыхъ христіанскихъ его князей и святителей, онъ далъ бы цѣнный вкладъ въ литературу по исторіи XI сл. вѣковъ. Онъ хорошо знакомъ съ соотвѣтствующими памятниками родной литературой и новыми открытіями въ области древняго Новгорода. Такая археологическая струнка сказала въ г. Пылаевѣ и при составленіи настоящаго сочиненія, которое по темѣ относится, конечно, къ Аскетикѣ, но по внѣшней своей сторонѣ къ археологіи. Хотя темой и не требовались иллюстраціи, однако читатель находитъ ихъ у г. Пылаева въ изобиліи. Опытный фотографъ и рисовальщикъ, онъ далъ много фотографическихъ снимковъ съ древнихъ соборовъ, монастырей новгородскихъ, акварельныхъ репродукцій съ орнаментовъ новгородской св. Софін. Можно составить изъ этого матеріала цѣлый цѣнный альбомъ, который можетъ имѣть научную цѣнность, потому-что авторъ воспроизводитъ все это въ полномъ согласіи съ требованіями археологиче-

ской критики. Здѣсь—натуральныя краски, даже золото, снимки памятниковъ съ тѣхъ именно сторонъ, которыя имѣютъ особенный интересъ и пр. Съ этой художественной стороны сочиненіе г. Пылаева заслуживаетъ полной похвалы и поощренія. И это тѣмъ болѣе, что иллюстраціи онъ даетъ отнюдь не свободно, а въ зависимости отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Говорить-ли онъ о пр. Варлаамѣ Хутынскомъ, мы встрѣчаемъ снимокъ съ Хутынскаго монастыря (табл. XXXII); рассказываетъ-ли объ обученіи пр. Варлаама, дѣлаетъ на калькѣ репродукцію сцены обученія его въ лицевомъ житіи на иконѣ Хутынскаго монастыря (табл. XXXIII) и т. д.

Все это доказываетъ, что г. Пылаевъ много и съ любовью потрудился надъ своимъ сочиненіемъ, а не отнесся къ темъ, какъ къ извѣстному средству. Оттого его агіографическіе очерки читаются съ такимъ интересомъ и легкостью, и если бы не нѣкоторые стилистическіе и под. недочеты (ср. напр. *недьясталь* — стр. 1070), рецензентъ посоветывалъ-бы эти очерки напечатать.

Степени кандидата богословія г. Пылаевъ за свое сочиненіе заслуживаетъ вполне“.

38) О сочиненіи студента *Ремезова Александра* на тему: „Альфредъ Луази. (Къ характеристикѣ и оцѣнкѣ католическаго модернизма во Франціи)“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Ремезова состоитъ изъ 6 главъ. Въ 1-й главѣ (1—37 стр.) авторъ выясняетъ біографическія условія, подъ влияніемъ которыхъ сложился научно-литературный обликъ А. Луази, и даетъ общій обзоръ его писательской дѣятельности. Во 2-й главѣ (38—82 стр.) г. Ремезовъ обрисовываетъ „логическую (?) и историческую перспективу къ основнымъ воззрѣніямъ А. Луази,—характеризуетъ богословско-гносеологическія воззрѣнія сродныхъ Луази представителей французской философской мысли (Паскаль, Бутру, Бергсонъ, Олле-Лапренъ, Ле-Руа), равно какъ и иностранныхъ философскихъ теченій, стоящихъ въ извѣстной идейной близости къ богословско-гносеологическимъ теоріямъ французскаго модерниста (Кантъ, Р. Эйкенъ, Липссъ, Джемсъ, Ричль и его

школа). Третья глава („Основные воззрѣнія А. Луази. Концепція религіи съ ея статической и динамической сторонъ“, 83—135 стр.) посвящена выясненію общихъ принциповъ богословско-философской теоріи Луази,—имманентизму, агностицизму и эволюціонизму. Въ этой главѣ авторъ раскрываетъ ученіе Луази о сущности религіи и религіознаго познанія, о символизмѣ религіозныхъ представленій, о догматѣ, о принципиальномъ различіи между религіознымъ и научнымъ воспріятіемъ тѣхъ или другихъ объектовъ христіанской догмы (иллюстрируя это положеніе извѣстнымъ ученіемъ Луази о различіи между „Христомъ вѣры“ и „Христомъ исторіи“),—затѣмъ излагаетъ взглядъ Луази на „развитіе религіи вообще и христіанскихъ догматовъ въ частности“ (сопоставляя эти воззрѣнія Луази съ воззрѣніями Ньюмана), и, наконецъ, выясняетъ понятіе Луази о церковномъ преданіи. Установивъ въ отмѣченной главѣ основной интересъ богословско-гносеологической теоріи Луази, построенной на началахъ имманентизма, агностицизма и эволюціонизма,—въ стремленіи оградить взаимную самостоятельность религіозной вѣры и научно-богословской мысли, г. Ремезовъ въ 4-й главѣ своего сочиненія („Идея полновластія церкви въ сферѣ вѣры“, 136—188 стр.) частіе обрисовываетъ воззрѣнія Луази на самобытный характеръ и закономѣрный ростъ какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ религіозныхъ вѣрованій, раскрывая, съ одной стороны, въ какомъ взаимоотношеніи, по Луази, находятся личный религіозный опытъ каждаго индивидуума и церковь, какъ соціальное начало въ области религіозной жизни, а съ другой стороны, выясняя взглядъ Луази (на основаніи его сочиненій „Исторія ветхозавѣтнаго канона“ и „Исторія новозавѣтнаго канона“) на отношеніе церкви къ Свящ. Писанію. 5-я глава работы г. Ремезова („Идея самостоятельности науки“, 189—216 стр.) раскрываетъ ученіе Луази объ автономныхъ правахъ богословской науки, выясняя взаимоотношеніе между религіознымъ и научнымъ интересами по вопросамъ о подлинности библейскихъ книгъ, ихъ непогрѣшимости и ихъ истолкованіи, и показывая образцы „практическаго примѣненія“ принциповъ свободнаго научно-богословскаго изслѣдованія въ трудахъ Луази: „Исторія текста и переводовъ Библии“, „Вавилонскіе миѣны“, „Первыя главы книги Бытія“ и „Религія Израиля“.

6-я глава сочиненія г. Ремезова („Историческій синтезъ“, 217—249 стр.) посвящена характеристикѣ извѣстнаго сочиненія Луази „Евангеліе и церковь“, каковой трудъ г. Ремезовъ разсматриваетъ, какъ образецъ модернистической апологетики, стремящейся къ примиренію интересовъ церковно-католическаго преданія и требованій научно-критической мысли въ области евангельской и церковной исторіи.

Изъ представленнаго обзора работы г. Ремезова видно, что она охватываетъ богословскія воззрѣнія Луази со всѣхъ наиболѣе существенныхъ ихъ сторонъ, устанавливая и ихъ отношеніе къ религіознымъ теченіямъ западной богословской мысли. Не удѣляя специальной главы для оцѣнки взглядовъ Луази съ точки зрѣнія православной богословской науки, авторъ на страницахъ своего сочиненія даетъ, однако, не мало цѣнныхъ замѣчаній, выясняющихъ принципиальную несостоятельность богословскихъ воззрѣній Луази, обнаруживая знакомство съ литературой, содержащей въ себѣ матеріалъ и для болѣе детальной ихъ оцѣнки. При выполненіи своей работы г. Ремезовъ, такимъ образомъ, не только съ большей или меньшей обстоятельностью ознакомился съ сочиненіями Луази, но и съ довольно сложной литературой (на русскомъ и французскомъ языкахъ) по соприкосновеннымъ съ его темой вопросамъ. Разумѣется, сочиненіе г. Ремезова не представляетъ собою исчерпывающаго изслѣдованія о Луази, но какъ студенческая работа, выполненная въ теченіе одного года, оно отличается и достаточной полнотой изученнаго авторомъ матеріала, и достаточной широтой его научнаго освѣщенія.

Изложеніе г. Ремезова—вдумчивое и сжатое. Не вдаваясь въ подробности при характеристикѣ воззрѣній Луази, авторъ, однако, отмѣчаетъ всѣ наиболѣе существенныя ихъ черты, такъ что при сравнительной незначительности объема сочиненія г. Ремезова оно даетъ вполнѣ правильный и довольно цѣлостный обликъ Луази, какъ наиболѣе крупнаго представителя французскаго католическаго модернизма.

Изъ недостатковъ сочиненія г. Ремезова отмѣчу, прежде всего, нѣкоторый архитектурическій его дефектъ. Авторъ отдаетъ въ своей работѣ слишкомъ преимущественное вниманіе богословско-философской сторонѣ доктринъ Луази, разсматривая библейско-критическія и церковно-историческія

построенія французскаго модерниста лишь постольку, поскольку они иллюстрируют его общіе богословско-гносеологическіе принципы. Въ связи съ такимъ неравномѣрнымъ интересомъ автора къ богословско-гносеологической теоріи Луази и другимъ отраслямъ его богословско-литературной дѣятельности, авторъ неодинаково внимательно обрисовываетъ и историческую перспективу тѣхъ и другихъ воззрѣній Луази. Удѣляя особую главу обзору различнаго рода богословско-философскихъ теченій, такъ или иначе соприкасающихся съ богословско-гносеологическими взглядами Луази, восходя въ этой главѣ даже къ эпохѣ Лютера (при выясненіи принциповъ ричліанской школы), г. Ремезовъ дѣлаетъ лишь бѣгмыя и довольно случайныя справки по вопросу объ отношеніи библейско-критическихъ и церковно-историческихъ воззрѣній Луази къ раннѣйшимъ представителямъ этихъ наукъ (хотя бы во Франціи).

Другимъ недостаткомъ сочиненія г. Ремезова является крайняя необработанность его въ стилистическомъ отношеніи. Если авторъ, въ общемъ хорошо знающій французскій языкъ, сравнительно рѣдко допускаетъ ошибки въ передачѣ мыслей французскихъ авторовъ (ср. стр. 95, 97, 100, 121, 122, 146, 151, 193), то его переводы, отличаясь излишнимъ буквализмомъ, нерѣдко очень нуждаются въ литературной отдѣлкѣ (ср. стр. 81, 90, 91, 92, 104, 106, 117, 126, 143, 150, 183, 236). Есть немало неудачныхъ выраженій и въ собственной рѣчи автора (31, 32, 33, 36, 48, 57, 131, 140, 147, 181, 201, 212). Эта необработанность изложенія, объясняемая, вѣроятно, спѣшностью работы автора, является тѣмъ болѣе досадной, что г. Ремезовъ, какъ свидѣтельствуютъ многія страницы его сочиненія, умѣетъ выражать свои мысли съ безукоризненною точностью и даже изяществомъ.

Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ“.

б) Доцента *геродиакона П. Маріони (Тропичаго)*:

„Сочиненіе г. Ремезова посвящено виднѣйшему представителю французскаго католическаго модернизма Альфреду Луази, отлученному отъ католичества аббату, тому самому Луази, который въ 1908 г. писалъ: „тѣ, которыхъ теперь официально называютъ модернистами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ назывались луазистами“. Значеніемъ Луази въ исто-

рії модернізму и оправдується то вниманіє, которое удѣлилъ ему г. Ремезовъ. Авторъ рецензируемаго сочиненія познакомился съ большинствомъ сочиненій самого Луази на французскомъ языкѣ, пересмотрѣлъ нѣсколько французскихъ журналовъ за послѣдніе 10—15 лѣтъ, тщательно отмѣчая все, что касается французскаго модернізму вообще и А. Луази въ частности. Авторъ не даетъ списка своихъ пособій, но какъ видно по его обычно точнымъ цитатамъ, пособій у него было много и труда на собраніе литературы и на ознакомленіе съ ней потрачено г. Ремезовымъ не мало. Освѣдомленность автора съ литературой, посвященной модернізму, открыла ему возможность дать вопросу въ своемъ сочиненіи широкую постановку и написать все сочиненіе весьма содержательно и интересно. Авторъ съ успѣхомъ исполнилъ свое обѣщаніе (стр. 36) давать историческія справки. Одна изъ такихъ справокъ разрослась въ цѣлую главу (II)—„Логическая и историческая перспектива къ основнымъ воззрѣніямъ А. Луази“ (стр. 39—82). Въ области философіи эта перспектива открывается до Канта и даже Паскаля, охватываетъ новую французскую философію даже до Бергсона, касается Эйкена, Липпса и прагматизма. Историческая же справка изъ области теологіи (стр. 72—80), всецѣло впрочемъ покоящаяся на книгѣ проф. В. Керенскаго, говоритъ о ричліанской школѣ и доходитъ до ея историческихъ корней. Указывая въ третьей главѣ (стр. 83—135) три такъ сказать стихіи основныхъ воззрѣній А. Луази—имманентизмъ, агностицизмъ и эволюціонизмъ,—авторъ и здѣсь даетъ историческія справки и о первомъ, и о второмъ, и о третьемъ. Главы 4, 5 и 6 посвящены изложенію и оцѣнкѣ взглядовъ А. Луази научно-богословскихъ. 4-я глава раскрываетъ его „Идею полновластія Церкви въ сферѣ вѣры“ (стр. 136—187), а 5-я „Идею самостоятельности науки“ (стр. 188—216). Эти двѣ идеи выражены А. Луази не въ какихъ-либо особыхъ систематическихъ трактатахъ; скорѣе, это основныя тенденціи его ученыхъ трудовъ, касающихся преимущественно Священнаго Писанія. Г. Ремезовъ внимательно просмотрѣлъ эти труды Луази и весьма удачно отмѣтилъ въ нихъ характерное для общихъ научно-богословскихъ взглядовъ изслѣдуемаго автора. Г. Ремезова интересовали не частности научныхъ изслѣдованій А. Луази—мало для науки интерес-

ных!—а его идея взаимоотношенія Церкви и науки, позволявшая ему въ ученыхъ трудахъ одновременно быть и отрицателемъ и „добрымъ католикомъ“. Наконецъ, 6-я глава— „Историческій синтезъ“—характеризуетъ модернистическую апологетику. Здѣсь излагается и разбирается сочиненіе Луази— „L'évangile et l'église“, эта своеобразная апологія исторической церкви. Въ послѣднихъ главахъ, такимъ образомъ, дана довольно полная характеристика взглядовъ какъ Луази, такъ и вообще модернистовъ.

Подробно и въ широкой перспективѣ характеризуя А. Луази, г. Ремезовъ обнаружилъ не одну только *освѣдомленность* въ литературѣ, но и хорошую *освоенность*. Хотя въ сочиненіи много иногда довольно пространныхъ выписокъ, но это ничуть не значитъ, что сочиненіе компилятивно. Нѣтъ, прочитавъ обширную литературу, авторъ не мало и подумалъ надъ прочитаннымъ. Литература и чужія сужденія нисколько его не подавили; не растерялся онъ и во множествѣ идей и лицъ, которыхъ неизбѣжно пришлось коснуться при отмѣченной широтѣ постановки всего дѣла изслѣдованія. Онъ остался самостоятельнымъ въ характеристикѣ модернистическихъ взглядовъ и въ построеніи всего своего сочиненія. При достаточной обширности (стр. 249—около 200 стр. печатныхъ) сочиненіе г. Ремезова представляется цѣльнымъ и стройнымъ, не страдаетъ отъ повтореній или уклоненій въ сторону.

Въ полномъ согласіи съ темой г. Ремезовъ не ограничивается характеристикой модернизма, но даетъ и оцѣнку тѣхъ или другихъ пунктовъ излагаемыхъ воззрѣній. Производить эту оцѣнку автору помогали прочитанныя имъ критическія статьи; имъ обязанъ онъ многими изъ своихъ интересныхъ и мѣткихъ критическихъ сужденій (напр. стр. 123 слл.), но и собственные критическія замѣчанія г. Ремезова иногда весьма дѣльны. Такъ онъ блестяще вскрываетъ, напр., непоследовательность сужденій А. Луази по вопросу о формации новозавѣтнаго капона независимо отъ апостольскаго происхожденія отдѣльныхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ (стр. 172—177). Какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, критика имманентна разбираемымъ взглядамъ, судить ихъ по ихъ же собственнымъ законамъ, а потому справедлива и убѣдительна.

Таковы крупнѣйшія достоинства работы студента Ремезова.

Есть въ ней и нѣкоторые недостатки. Чувство досады возбуждастъ въ рецензентѣ стиль сочиненія. Правда, прочитанныя авторомъ французскія книги не могутъ быть названы образцовыми въ стилистическомъ отношеніи; имъ не достаетъ настоящей французской легкости и изящности. Однако лучшія черты пособій отразились на стилѣ и г. Ремезова. Его стиль обыкновенно легкій и не имѣетъ глубокомысленной туманности; его сужденія прозрачны; его рѣчь понятна. Тѣмъ досаднѣе становятся многочисленныя стилистическія шероховатости и ошибки, которыхъ не мало и въ переводахъ и въ собственной рѣчи автора. Слѣдствіемъ ли работы вообще или недостаткомъ въ концѣ года времени для отдѣлки стиля были тому причиной,—но приходится отмѣтить непріятный фактъ: почти на каждой страницѣ сочиненія что-нибудь обстоитъ не вполне благополучно по части стиля (См. стр. 2. 3. 9. 23. 48. 49. 50. 52. 86. 89. 90. 95. 103. 106. 117. 120. 121. 122. 125. 127. 131. 144. 145. 146. 150. 151. 152. 161. 171. 173. 181. 188. 192. 193. 214. 218. 244).

Въ гл. 4 и 5 авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя „историческія справки“ по инымъ частнымъ вопросамъ. Эти справки несравненно болѣе слабы, чѣмъ справки въ гл. 2 и 3. Авторъ не могъ указать мѣсто работъ А. Луази по исторіи канона въ средѣ подобныхъ же ученыхъ работъ. Исторія канона за послѣднее время составляетъ собственность нѣмецкой науки. Въ нѣмецкихъ трудахъ по исторіи канона и можно указать источникъ многихъ мыслей Луази—его раздѣленія каноничности и подлинности, мысли о значеніи практическаго фактора въ образованіи канона и о вліяніи на установленіе новозавѣтнаго канона уже установившагося канона ветхозавѣтнаго. Авторъ же указываетъ (стр. 152) лишь Рейсса, какъ „ближайшаго предшественника А. Луази въ работѣ надъ исторіей канона“; при томъ невѣрно называетъ (стр. 154) трудъ Рейсса, касающійся исторіи канона.

На стр. 184 сл. авторъ обнаруживаетъ недостаточную освѣдомленность въ исторіи девтеро-каноническихъ или неканоническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ на Востокѣ.

Излишни для цѣлей автора нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи ветхозавѣтнаго текста, которыя онъ беретъ у Луази (стр.

202—209). Свѣдѣнія эти вовсе не характерны и стоятъ въ сочиненіи какъ-то случайно.

Нерѣдко хотѣлось бы видѣть болѣе обстоятельную критику излагаемыхъ воззрѣній, особенно богословскихъ. Такъ, изложивъ концепцію религіи Луази (теорію имманенціи), авторъ спрашиваетъ: „Что можетъ сказать современный православный богословъ относительно (этой) концепціи религіи?“ Дальше, на стр. 133—135, авторъ въ качествѣ современнаго православнаго богослова говорить и мало и поверхностно. Критикуя *L'église et l'évangile* (стр. 241—248), авторъ обращается къ евангельскому тексту и даетъ разборъ аргументаціи Луази, но разборъ кратокъ и конспективенъ, носитъ характеръ скорѣе замѣтокъ.

Нѣтъ у автора ни предисловія, ни заключенія. Онъ не обобщилъ своихъ выводовъ касательно модернизма; они у него разсѣяны по всему сочиненію. Стройное и цѣльное, какъ сказано, сочиненіе производитъ впечатлѣніе оборваннаго при самомъ концѣ.

Въ рѣчь автора о развитіи догматовъ вкралось одно очень досадное недоразумѣніе: въ своихъ французскихъ пособіяхъ онъ не узналъ преподобнаго Викентія Лиринскаго, принялъ его за француза и чуть ли даже не за модерниста. Преподобный Викентій обратился у него въ *Vincent'a de Larins*. Въ 4 прим. на стр. 119 читаемъ: „Houtin указываетъ статьи, гдѣ сопоставляются эволюціонистическія теоріи Ньюмана, Vincent'a и Боссюэта. Но за неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи этого матеріала, мы не считаемъ своей задачей уходить дальше Ньюмана.“ Но познакомиться съ преп. Викентіемъ было-бы гораздо легче, чѣмъ съ Ньюманомъ; его *Comptorium* давно существуетъ въ русскомъ переводѣ. Если-бы преп. Викентій извѣстенъ былъ г. Ремезову, онъ, конечно, безъ труда узналъ-бы его во французскомъ Vincent'ѣ.

Отмѣченные недостатки нисколько не препятствуютъ рецензенту въ качествѣ общаго сужденія сказать: для годичнаго срока г. Ремезовъ сдѣлалъ и много и хорошо. Онъ обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи и широту взгляда, и серьезность отношенія къ дѣлу, и незаурядную способность отчетливо и цѣльно представлять цѣлыя движенія и направленія въ области западно-европейской философской и богословской мысли.

За свою интересную, весьма содержательную и талантливую работу г. Ремезовъ безспорно заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и нарочитой похвалы.“

39) О сочиненіи студента *Романова Александра* на тему: „Расколъ старообрядчества въ Поморьѣ въ XVII—XVIII вв.“

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Авторъ ставитъ „своей задачей прослѣдить жизнь раскола на сѣверѣ Россіи—въ Поморьѣ“ (стр. XXVI). При этомъ онъ оговаривается, „что хотя „Поморьемъ“ на административномъ языкѣ XVII ст. назывались мѣстности на сѣверѣ Европейской Россіи не только по берегамъ Бѣлаго моря и по Онежскому озеру, но и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печерѣ и Кемѣ съ Вяткой, но... мы рассматриваемъ расколъ главнымъ образомъ по берегамъ Бѣлаго моря и по Онежскому озеру, такъ какъ здѣсь главнымъ образомъ сосредоточивалась жизнь поморскаго раскола и такъ какъ этой мѣстности по преимуществу усвоится раскольниками названіе „Поморья“ (стр. XXVII—XXVIII).

Соотвѣтственно указанной задачѣ авторъ рассматриваетъ условія, благопріятствовавшія распространенію раскола въ Поморьѣ (гл. I), и самую здѣсь жизнь раскола до созданія крупнаго раскольничьяго центра на Выгѣ (гл. II); затѣмъ постепенный ростъ Выговской пустыни, причины его, внѣшнюю и внутреннюю организацію общины (гл. III—IX), наконецъ (гл. X) вкратцѣ исторію поморскаго раскола въ царствованіе Екатерины II до конца XVIII в. (стр. 1—496). Такимъ образомъ авторъ захватываетъ въ своемъ сочиненіи всѣ важнѣйшія стороны жизни поморскаго раскола. При детальномъ выполненіи своей работы онъ обнаружилъ и достаточное умѣнье справляться съ массой матеріала. Онъ хорошо проштудировалъ немалое количество источниковъ и пособій, относящихся къ своему предмету, извлекъ изъ нихъ нужныя для себя свѣдѣнія и изложилъ ихъ въ удовлетворительной системѣ.

Недостатокъ сочиненія составляютъ нѣкоторые недосмотры, повидимому, происшедшіе въ зависимости отъ спѣшности работы. Такъ въ гл. V-ой авторъ замѣчаетъ: „вмѣстѣ съ этими трудами о *внутреннемъ* и *внѣшнемъ* благоустроеніи

жизни выговскихъ пустынножителей“ и т. д. (стр. 306). Въ дѣйствительности о внутреннемъ благоустроеніи Выговской общины авторъ разсуждаетъ въ дальнѣйшихъ главахъ, а не въ этой. На стр. 478 и 480 авторъ, сверхъ объема своей темы, касается времени Александра I и Николая I. безъ всякой для себя надобности. На стр. 125 царевну Софью называетъ „авторь“ 12 статей о расколѣ.

Какъ работа для получения степени кандидата богословія сочиненіе г. Романова очень хорошее“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе г. Романова не представляетъ чего-н. новаго и оригинальнаго по взятому вопросу: извѣстные уже въ наукѣ источники и достаточная литература помогли ему довольно ясно и послѣдовательно передать исторію старообрядства въ Поморьѣ за XVII и XVIII стол., главнымъ образомъ, конечно, знаменитой Выговской пустыни. Планъ сочиненія естественный, не замѣтно излишняго многословія. Недостаткомъ работы надо признать прежде всего пробѣлы въ источникахъ и литературѣ вопроса,—напр., излагая исторію самоожигательства въ Поморскомъ краѣ и стараясь осмыслить это явленіе, авторъ не ссылается ни разу на интересный трактатъ „О самоубійственныхъ смертѣхъ“, открытый и изданный *Хр. М. Лопаревымъ*; изучая исторію Поморья, онъ не прочелъ, видимо, II томъ изслѣдованія *проф. М. М. Богословскаго* „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, гдѣ нашель бы очень полезный для себя отдѣлъ о сѣв.-русскомъ приходѣ.—Стиль сочиненія въ общемъ удовлетворительный, но встрѣчаются по мѣстамъ нескладицы, стр. 161, 222, 205, несуществующія слова и непринятія выраженія, напр. „сосредоточіе“. „страшно-мистическій взглядъ“ (246, 220).—Но главный недостатокъ работы—странная оцѣнка отношеній правительства къ старообрядству вообще и къ поморскому въ частности. Авторъ исполнець вѣры, что нормальныя отношенія государства къ старообрядству—это гоненія съ цѣлью искорененія. Описываетъ онъ преслѣдованія противниковъ церкви и рядъ случаевъ массоваго самоожженія въ к. XVII в., вслѣдствіе чего расколъ на сѣверѣ не успѣлъ пока сьорганизоваться въ общежитіе подобное Выгорѣцкому. Казалось бы, что можетъ быть ошибочнѣе такой политики

и что можетъ быть ужаснѣе того явленія, которое она вызвала? Между тѣмъ г. Романовъ непосредственно послѣ этого пишетъ буквально слѣдующее. „Къ несчастію, условія не замедлили сложиться въ духѣ, благопріятствовавшемъ расколу, когда періодъ гоненія на раскольниковъ смѣнился болѣе спокойнымъ къ нему отношеніемъ со стороны правительства. Это время—время царствованія Петра Великаго“ (118—119 стр.). Въ 1725 г. внесено было въ Синодъ предложеніе „уничтожить самое гнѣздо выгорѣцкаго раскола, расселивъ по разнымъ мѣстамъ его жителей, большею частью бѣжавшихъ съ разныхъ городовъ и селеній... Но, къ сожалѣнію, дѣло это не имѣло дальнѣйшаго хода и осталось лишь однимъ писаннымъ проектомъ, равно какъ и другое постановленіе Синода (отъ 7 авг. 1727 г.) объ отобраніи у раскольниковъ книгъ и арестѣ главныхъ учителей Даниила, Андрея и другихъ“ (394—95). Подобныя заявленія производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе. И какою фальшью звучать у г. Романова заключительныя строки его сочиненія: „И долгъ всякаго культурнаго человѣка, въ комъ ярко говоритъ свѣтильникъ братства и любви къ ближнимъ, кто болѣетъ и страдаетъ душею за русскій народъ-богоносецъ,—помочь сбросить расколу этотъ темный покровъ „съ догматовъ и установленій“, направить эту силу въ должную сторону и объединить, всѣхъ подъ кровомъ любящей нашей матери—единой св. православной церкви Христовой“ (496). Неужели же г. Романовъ полагаетъ, что считать несчастьемъ спокойное отношеніе правительства къ старообрядству и сожалѣть о неудачѣ разгрома ихъ пустыни совмѣстимо съ долгомъ культурнаго человѣка, съ чувствомъ братства и любви къ ближнимъ, съ состраданіемъ къ нашему многотерпѣливому народу и, наконецъ, съ пользой церкви?! Не есть ли это, напротивъ, „темный покровъ“, печальный для человѣка, оканчивающаго высшую богословскую школу? Авторъ не замѣчаетъ, что именно преслѣдованія и усиливали расколь, дѣлали его все тверже и тверже, и успѣхи поморскаго старообрядства при Петрѣ обуславливались въ концѣ концовъ ошибками предшествующей политики, а вовсе не излишней снисходительностью преобразователя Россіи.

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Романова достаточно*.

40) О сочиненіи студента *Семенова Андрея* на тему: „Патріархи Авраамъ, Исаакъ и Иаковъ по твореніямъ Амвросія Медиоланскаго“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Въ святоотеческой литературѣ нерѣдко анализируется глубокая психологія библейскихъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія писанія отцовъ Церкви имѣютъ особый интересъ для библеиста, какъ вскрывающія внутреннія переживанія свѣточей древняго израиля—патріарховъ и пророковъ.“

Студентъ Семеновъ, по требованію темы, долженъ былъ остановить свое вниманіе на трехъ ветхозавѣтныхъ патріархахъ—Авраамѣ, Исаакѣ и Иаковѣ. Въ своемъ сочиненіи онъ и дѣлаетъ это, основываясь въ своихъ сужденіяхъ на твореніяхъ Амвросія Медиоланскаго.

Все сочиненіе г. Семенова распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) Призваніе Авраама; 2) путешествіе Авраама въ Египеть; 3) разлученіе Авраама съ Лотомъ; освобожденіе послѣдняго изъ плѣна и встрѣча съ Мельхиседекомъ; 4) обѣтованіе Божіе Аврааму; 5) Агарь и Измаиль, обѣтованіе о рожденіи Исаака и установленіе обрѣзанія; 6) явленіе Аврааму Бога; 7) пребываніе Авраама въ Герарѣ, рожденіе Исаака и изгнаніе Агари; 8) жертвоприношеніе Исаака; 9) женитьба Исаака; 10) Иаковъ.

Для выполненія работы г. Семенову пришлось сдѣлать переводъ слѣдующихъ трактатовъ изъ сочиненій Амвросія Медиоланскаго: „De Patriarchis“, „De Abraham“, „De Isaac“, „De Iacob“. Эту работу и выполнилъ нашъ авторъ, пользовавшійся при переводѣ необходимыми для него трактатовъ какъ изданіемъ Migne'я, такъ и новымъ изданіемъ сочиненій того же отца Церкви въ Corpus Script. Ecclesiastic. Latinor.

Изъ сочиненія автора видно, что онъ отнесся къ своей темѣ съ надлежащимъ вниманіемъ. Переводъ трактатовъ, за немногими исключеніями, довольно точный. Внимательно слѣдя за ходомъ мыслей у Амвросія Медиоланскаго, авторъ съ особенною тщательностью останавливается на тѣхъ мѣстахъ, которыя представляютъ не малыя трудности при изясненіи ихъ. Къ такимъ мѣстамъ нужно отнести, напри- мѣръ, повѣствованіе Библии о рожденіи Измаила отъ рабыни, о Мельхиседекѣ, о благословеніи дѣтей Иаковомъ.

Понялъ авторъ и значеніе сравнительной оцѣнки сужденій св. Амвросія. Онъ или приводитъ параллели, или указываетъ пункты расхожденія св. Амвросія съ другими отцами Церкви, уяснявшими отдѣльные моменты изъ жизни великихъ патріарховъ. Для этой цѣли онъ обращается къ сочиненіямъ Іустина Философа, Тертулліана, Иринея, Аванасія Александрійскаго, Іоанна Златоуста и др.

Но рецензентъ долженъ отмѣтить, что, сопоставляя сужденія св. Амвросія съ сужденіями другихъ отцовъ Церкви, г. Семеновъ не выясняетъ побужденій, по которымъ онъ дѣлаетъ это, благодаря чему его сопоставленія носятъ, до нѣкоторой степени, случайный характеръ. Правда, у автора имѣется одно мотивированное сопоставленіе трактатовъ св. Амвросія съ сужденіями Филона, напр.: объ именахъ Авраама, Агаря, Мельхиседека, о символикѣ чиселъ. Но это сопоставленіе ограничивается всего нѣсколькими сближеніями мыслей св. отца съ однородными мыслями Филона. Между тѣмъ г. Семеновъ утверждаетъ, что св. Амвросій „несомнѣнно“ пользовался Филономъ и не только пользовался имъ, но черпалъ „иногда полною рукою изъ находившихся предъ нимъ источниковъ и пособій“ и „компилировалъ (?) заимствованное (?)“.

Говоря объ *источникахъ* и *пособіяхъ*, авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду одного Филона и его сочиненія, такъ какъ только о немъ говоритъ съ рѣшительностью, какъ о писателѣ, вліявшемъ на св. Амвросія. Но чтобы съ правомъ утверждать это, г. Семенову не слѣдовало ограничиваться четырьмя или пятью параллелями сходныхъ сужденій двухъ авторовъ, какъ дѣлаетъ онъ, но необходимо было обстоятельно отмѣтить возможно большее количество сходныхъ мыслей. Между тѣмъ онъ говоритъ, что „можно указать много и другихъ примѣровъ“, на основаніи коихъ слѣдуетъ установить взаимоотношеніе трактатовъ св. Амвросія и сочиненій Филона—и въ то же время даетъ слишкомъ мало этихъ примѣровъ. Последнее рецензентъ и считаетъ главнымъ недочетомъ разсматриваемаго сочиненія.

Но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что г. Семеновъ съ похвальнымъ усердіемъ выполнилъ легкій трудъ перевода интересовавшихъ его трактатовъ изъ сочиненій св. Амвросія и не только передалъ его мысли, но всюду ста-

рался говорить его языкомъ, мы должны признать, что авторъ добросовѣстно выполнилъ существенную часть своей работы, почему онъ и долженъ быть признанъ вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Стрехова*:

„Авторъ поставилъ своею задачею изслѣдовать исторію патріарховъ Авраама, Исаака и Иакова по твореніямъ св. Амвросія Медиоланскаго. Все сочиненіе автора, естественно, распадается на три части. Въ первой части излагается исторія патріарха Авраама, во второй—исторія патріарха Исаака и въ третьей—Иакова. Источникомъ для первой части служитъ сочиненіе св. Амвросія „De Abraham“; для второй—это же сочиненіе и „De Isaac“, для третьей — „De Patriarchis“. Выполненіе авторомъ своей задачи нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. Авторъ забываетъ, что ему надо изслѣдовать исторію названныхъ еврейскихъ патріарховъ по твореніямъ св. Амвросія Медиоланскаго, и сбивается на общія разсужденія объ этихъ патріархахъ по пособіямъ со всеѣмъ другого характера. Напр. онъ часто цитуетъ „Исторію и будущность теократіи“ Вл. С. Соловьева, „Библейскую Исторію“ Лопухина, „Священную Лѣтопись“ Властова и др. Автору слѣдовало бы строго имѣть въ виду свою задачу и указывать на особенности экзегезиса св. Амвросія тамъ, гдѣ это нужно, а не писать обыкновенныхъ библейскихъ трактатій объ Авраамѣ, Исаакѣ и Иаковѣ: объ этихъ патріархахъ уже написано много и лучше, чѣмъ это сдѣлано авторомъ.

Указанная методологическая ошибка автора нѣсколько покрывается болѣе или менѣе тщательнымъ изученіемъ названныхъ твореній св. Амвросія и удовлетворительнымъ изложеніемъ его правоучительнаго и, главнымъ образомъ, аллегорическаго толкованія исторіи патріарховъ Авраама, Исаака и Иакова. Творенія св. Амвросія авторъ изучалъ по изданію Миня и по новѣйшему Вѣнскому изданію (*Corpus ser. Eccles. Latinorum*). Авторскій переводъ сочиненій св. Амвросія нельзя назвать вездѣ удачнымъ и правильнымъ. Слово *disciplina*, напр., авторъ переводитъ словомъ „порядочность“ (с. 18). выраженіе—*a primo vestibulo domus* переводитъ: „по наруж-

ному виду дома“ (с. 18). Очень тяжело и нескладенъ переводъ на стр. 117—118. Встрѣчаются и другія погрѣшности въ сочиненіи автора. Въ концѣ сочиненія авторъ затронулъ вопросъ о зависимости Амвросія въ его иносказательныхъ объясненіяхъ отъ Филона, но отвѣтилъ на него такъ общо, слабо и бездоказательно, что было бы лучше этого вопроса совсѣмъ не касаться. Стилль автора не вездѣ правиленъ и чистъ, особенно на сс. 17 („нравственно-гнилые люди“), 59, 192, 195 и др.

Принимая во вниманіе, однако, строго библейское освѣщеніе авторомъ исторіи патриарховъ Авраама, Исаака и Іакова, болѣе или менѣе удовлетворительный переводъ упомянутыхъ сочиненій Амвросія и, несомнѣнно, добросовѣстное отношеніе автора къ своему дѣлу, — я нахожу возможнымъ признать г. Семенова достойнымъ кандидатской степени“.

41) О сочиненіи студента *Сидоренкова Алексѣя* па тему: „Отношеніе гражданской власти къ расколу въ царствованіе Александра I“.

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Вопросъ объ отношеніи гражданской власти къ расколу въ царствованіе Александра I принадлежитъ къ числу неразработанныхъ въ наукѣ. Автору предстояло самому разбираться въ существующихъ фактахъ, разрозненныхъ и разбросанныхъ, самому собирать ихъ и группировать въ одно цѣлое. „Моя работа, справедливо заявляетъ авторъ, первый опытъ по данному вопросу“ (IX стр.). Въ этой самостоятельности несомнѣнная заслуга автора.

Надлежащаго же умѣнья въ распредѣленіи матеріала авторъ не обнаружилъ. Добытыя свѣдѣнія г. Сидоренковъ располагаетъ въ пяти главахъ безъ всякихъ мотивовъ, просто потому, что „изъ всѣхъ предносившихся въ его сознаніи плановъ“ избранный имъ „показался“ ему „наиболѣе подходящимъ“. Составленный безъ достаточныхъ основаній планъ оказался не вполнѣ удачный. Въ исторіи отношеній правительства Александра I къ расколу авторъ различаетъ два періода—первый съ 1801 по 1810 г., второй—съ 1810 по 1825 г. Въ главѣ IV-й авторъ характеризуетъ „общее состояніе раскола“

и „отношеніе къ нему гражданской власти *въ первый періодъ*“. И здѣсь же говоритъ объ „установкѣ новаго взгляда на расколь“ и „о перемѣнѣ убѣжденій государя“,—разсуждаетъ о томъ, чѣмъ начинается второй періодъ. Матеріаль этой главы, по его характеру, цѣлесообразнѣе было помѣстить частью въ предыдущихъ главахъ, касающихся перваго періода; частью—въ V-й главѣ, гдѣ рѣчь ведется о второмъ періодѣ.—Въ заглавіи III-й главы („Отношеніе къ расколу исполнительной власти — губернаторовъ и чиновниковъ“) авторъ не отмѣчаетъ періода времени, который онъ имѣетъ въ виду. Но глава эта непосредственно примыкаетъ къ предшествующей и начинается такими фразами: „Такова была программа дѣйствій и таковы были распоряженія Александра I относительно раскола *за первый періодъ*“. Какъ же „къ этимъ начинаніямъ“ правительства относилась власть исполнительная“ (72 стр.). Затѣмъ въ началѣ слѣдующей, IV-й главы говорится опять о первомъ періодѣ. Къ разсмотрѣнію 2-го періода авторъ приступаетъ уже на дальнѣйшихъ страницахъ. Словомъ, содержаніе III-й главы, судя по приведеннымъ даннымъ, должно было обнимать время съ 1801 по 1810 г. Въ дѣйствительности авторъ описываетъ въ ней факты и позднѣйшаго времени—1818 г., 1820 г., 1822 г. (стр. 82—84).—Подобная же путаница наблюдается на стр 99—106.

Въ самомъ содержаніи сочиненія встрѣчаются мысли невѣрныя. Такъ авторъ, по недоразумѣнію, причисляетъ къ „новымъ сектамъ“, „во множествѣ“ появившимся въ царствованіе Александра I, „секту (?) поморскую“, открывшуюся въ 1808 г. въ Нижегородской губерніи (стр. 103—104). „Съ 1804 г., по мнѣнію автора, начала усиливаться секта послѣдователей Иргизскихъ монастырей“ (стр. 104). Какъ будто монастыри на Иргизѣ населены были какою-то сектою?! На стр. 92 авторъ утверждаетъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ впервые были получены свѣдѣнія отъ московскаго гражданского начальства о рогожскомъ кладбищѣ только въ 1823 г.; до того времени о немъ въ помянутомъ министерствѣ не было „ни малѣйшаго извѣстія“. Въ пособияхъ, указанныхъ авторомъ во введеніи, имѣются документальныя свѣдѣнія, не соотвѣтствующія означеннымъ увѣреніямъ.

Для получения степени кандидата богословія сочиненіе г. Сидоренкова удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Сидоренкова, состоящее изъ пяти главъ, распадается на двѣ части. Первая изъ нихъ посвящена характеристикѣ отношенія правительства Александра I къ старообрядчеству и положенію старообрядцевъ до 1810 г.; во второй—авторъ разсматриваетъ послѣдніе 15 лѣтъ Александровскаго царствованія. Разчленивъ такимъ образомъ изученіе побудило его различіе въ отношеніи правительственной власти къ расколу въ эти два періода, а это различіе авторъ ставитъ въ связь съ перемѣной въ настроеніи самого Александра I. Однако, на нашъ взглядъ, какъ релігіозное настроеніе императора Александра Павловича въ первые годы царствованія, такъ и перемѣны въ немъ происшедшія изображены авторомъ недостаточно отчетливо и' полно. Непонятнымъ мѣстомъ остались для насъ слова автора въ характеристикѣ Александра на стр. 6: „государственное направленіе Александра I выработалось среди противоположныхъ и сильныхъ впечатлѣній его юныхъ лѣтъ, сначала впечатлѣній крайняго революціоннаго движенія въ Европѣ конца XVIII вѣка, потомъ впечатлѣній такихъ же крайностей монархической реакціи царствованія Екатерины II“. Недоумѣваю, въ чемъ авторъ усмотрѣлъ монархическую реакцію въ царствованіи Екатерины II, конецъ котораго какъ разъ и совпадаетъ съ революціей во Франціи. Но въ общемъ сочиненіе написано ясно и читается съ интересомъ“.

42) О сочиненіи студента *Скворцова Сергѣя* на тему: „Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго въ отношеніи къ Церкви“.

а) И. д. доцента *Н. Д. Кузнецова*:

„Кандидатское сочиненіе Сергѣя Скворцова: „Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго въ отношеніи къ Церкви“ представляетъ изъ себя хорошую работу. Какъ подобаетъ каждому серьезному изслѣдователю, авторъ разсматриваетъ этотъ вопросъ въ исторической перспективѣ, что

позволяетъ ему приходиться къ болѣе правильнымъ заключеніямъ при опредѣленіи значенія реформы Петра. Такая вполне научная постановка вопроса является особенно необходимой въ наше время, когда многіе берутъ реформу Петра I независимо отъ вызвавшихъ ее историческихъ условій и производятъ надъ ней свой поверхностный судъ подъ вліяніемъ личныхъ симпатій или антипатій и тѣмъ вводятъ въ заблужденіе другихъ, которые сами уже не могутъ разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Соотвѣтственно такой постановкѣ вопроса сочиненіе г. Скворцова раздѣляется на двѣ части. Въ первой части онъ старается выяснить положеніе церковныхъ дѣлъ на Руси за время до Петра Великаго. Естественно, авторъ долженъ былъ обратить вниманіе на ту роль, которая принадлежала въ нихъ Царю, и тѣмъ подорвать распространяемую многими со слабыми историческими познаніями лицами сказку о свободѣ Русской Церкви отъ опеки государства до Петра I.

Роль царя въ Россіи авторъ справедливо ставитъ въ связь съ началами, заимствованными нами изъ Византіи. Но, къ сожалѣнію, самая роль царя въ церковномъ управленіи въ Россіи въ очень характерныхъ для нея подробностяхъ авторомъ выяснена недостаточно. Повидимому, онъ не пользовался, напримѣръ, такими интересными и серьезными изслѣдованіями въ этой области, какъ послѣднія сочиненія профессора Московской Академіи Н. Θ. Каптерева. Въ сочиненіи г. Скворцова нѣтъ ни одной ссылки на эти работы, а между тѣмъ съ ними во всякомъ случаѣ долженъ такъ или иначе считаться каждый, желающій изучить вопросъ о состояніи церковнаго управленія въ Россіи до Петра I. Вѣроятно, этимъ незнакомствомъ съ изслѣдованіями профессора Н. Θ. Каптерева нужно объяснить неясныя и едва-ли справедливыя замѣчанія автора, какъ напримѣръ; что митрополиты и патріархи управляли Церковью при участіи царя, или что государственная власть является какой-то пособницей патріарху.

Если же обратиться по этому вопросу къ сочиненіямъ профессора Каптерева, то мы видимъ, что Московскій царь управлялъ церковными дѣлами вовсе не въ качествѣ пособника патріарху, а по меньшей мѣрѣ самостоятельно, независимо отъ патріарха. Самъ профессоръ Каптеревъ, какъ извѣстно,

идеть даже далѣе и находить возможнымъ утверждать, что русскіе церковные соборы въ Московскомъ государствѣ представляли лишь совѣщательные органы царя по дѣламъ церковнымъ, а патріархи, не исключая и Никона, во всѣхъ отношеніяхъ находились въ большой зависимости отъ царя и часто являлись простыми исполнителями его воли.

Не слѣдуетъ забывать, что вѣдь и самъ патріархъ Никонъ писалъ Константинопольскому патріарху—Діонисію, что на Руси „нынѣ вся бываетъ царскимъ хотѣніемъ...“

Центральное церковное управленіе при патріархахъ авторъ справедливо характеризуетъ, какъ приказное. Оно все распалось на рядъ приказовъ и несло въ себѣ множество недостатковъ, вредно отзывавшихся на всей церковной жизни.

Бюрократизмъ русскаго церковнаго управленія, на который жалуются теперь, до Петра былъ не меньше и лишь имѣлъ другую форму.

Авторъ справедливо пишетъ, что центральное управленіе дѣлами церкви, сосредоточившееся въ патріаршихъ приказахъ, проходило чрезъ многочисленный классъ десятильниковъ, приказныхъ дьяковъ и подъячихъ, которые намѣренно умножали приказныя дѣла, потому что за разбирательство ихъ брали пошлины въ свою пользу. Прикрываясь именованіемъ властію патріарха, они перѣдко совершали разныя преступленія, которыя помимо воли патріарха возбуждали въ обществѣ недовольство патріаршимъ управленіемъ и тѣмъ еще болѣе отдаляли патріарха отъ его паствы. Съ устройствомъ приказовъ и усиленіемъ приказной системы въ протестахъ противъ нихъ яркими красками рисуются непріятныя черты этой системы въ церковномъ управленіи.

Переходя къ епархіальному управленію до Петра, авторъ отмѣчаетъ ненормальное положеніе въ немъ архіерея, который еще въ то время началъ выступать на Руси въ качествѣ духовнаго сановника, склоннаго къ произволу и не имѣющаго достаточно нравственно-духовной связи съ паствою.

Около архіерея стоялъ, на примѣръ, рядъ служилыхъ людей, отдѣлявшихъ его отъ паствы, относительно которыхъ въ Духовномъ Регламентѣ прямо сказано: „Слуги архіерейскіе обычно бываютъ лакомыя скотины и, гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются...“

Дальше г. Скворцовъ останавливаетъ вниманіе на положеніи прихода въ древней Руси. Онъ указываетъ на его недостатки, на отсутствіе ясно установленнаго порядка управленія, вызывавшаго иногда самоволіе со стороны прихожанъ и вредъ для пастырской дѣятельности духовенства. Отмѣтитъ все это вполне своевременно въ виду стремленія нѣкоторыхъ возстановить у насъ приходскую жизнь въ томъ видѣ, какъ она была до Петра.

Наконецъ, авторъ заключаетъ первую часть своей работы разсмотрѣніемъ положенія церковныхъ вотчинъ до Петра и находитъ управленіе ими неправильнымъ. Изученный авторомъ такимъ образомъ историческій матеріалъ приводитъ его къ выводу, что церковныя дѣла на Руси вопіяли о преобразованіяхъ. Петру Великому, по его замѣчанію, исторія русской церкви поставила цѣлый рядъ жгучихъ и неотложныхъ вопросовъ, покончить съ которыми нужно было разъ навсегда.

Вторую часть своего сочиненія г. Скворцовъ посвящаетъ церковной реформѣ Петра и старается показать въ отношеніи ея вліяніе на Петра Великаго идей естественнаго права, къ числу которыхъ относится и коллегіальная система управленія.

Выясненіемъ положенія церковныхъ дѣлъ до Петра авторъ подготовилъ сознаніе читателя къ возможно широкому пониманію реформы Петра. Въ головѣ читателя возникаетъ относительно ея много вопросовъ, которые требуютъ разрѣшенія или по крайней мѣрѣ обсужденія во второй части труда. Но, къ сожалѣнію, авторъ оставилъ безъ вниманія многіе изъ этихъ вопросовъ и, такъ сказать, не до конца использовали нарисованную имъ историческую перспективу. Слѣдуя обычному теперь способу оцѣнки реформы Петра указаніемъ вліянія на нее естественнаго права, авторъ подобно многимъ другимъ изслѣдователямъ не задается вопросомъ, да почему же Петръ поддался этому вліянію и находилъ возможнымъ поступить такъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ дѣлахъ церковныхъ преобразованій?

Не была ли подготовлена для всего этого почва еще въ древней Руси? Не древняя ли Русь въ лицѣ прежнихъ московскихъ царей создала для сознанія Петра возможность дѣйствовать, какъ онъ находилъ нужнымъ? Вѣдь еще до Петра I въ Россіи потеряла свое значеніе въ церковномъ

управленіи идея соборности, что особенно обнаружилось въ періодъ патріаршіи. Петръ, какъ видно изъ содержанія Духовнаго Регламентъ, чувствовалъ большой недостатокъ въ церковномъ управленіи именно въ этомъ отношеніи. Но самъ царь не былъ въ состояніи разобраться въ этомъ, а люди, которые должны были помочь ему въ этомъ важномъ дѣлѣ, не исполнили лежащей на нихъ обязанности. За восстановление идеи соборности была принята нѣсколько напоминающая ее идея коллегіальности. Конечно, эта идея съ точки зрѣнія нормъ церковнаго права не можетъ быть проводима въ церковное управленіе, и реформу Петра въ этомъ смыслѣ нужно признать не соответствующей духу канонѡвъ. Но когда эту реформу берутъ отрывочно, то выходитъ, что Петръ I—то и явился первымъ нарушителемъ канонѡвъ и устройства управленія Русской церкви. Между тѣмъ каноническое достоинство реформы Петра нужно обсуждать въ связи съ прежнимъ церковнымъ устройствомъ. Прежняя приказная система церковнаго управленія во главѣ съ духовнымъ сановникомъ патріархомъ, претендовавшимъ на равенство съ государемъ, столь же мало соответствовала духу канонѡвъ. Не представляетъ ли реформа Петра просто замѣну однихъ недостатковъ русскаго церковнаго управленія другими? Бюрократизмъ его, облеченный въ форму приказѡвъ, выступилъ теперь лишь подъ другой формой.

Еще большой вопросъ, когда устройство русскаго церковнаго управленія ушло дальше отъ требованія канонической нормы,—въ приказахъ ли и въ положеніи епископовъ въ Руси до Петра Великаго или въ коллегіальной системѣ и связанныхъ съ ней порядкахъ со времени Петра?

Всѣ эти важные для всесторонняго пониманія реформы Петра вопросы г. Скворцовъ подобно многимъ другимъ изслѣдователямъ совершенно не затрагиваетъ.

Но несмотря на все это сочиненіе г. Скворцова всетаки обладаетъ многими достоинствами, обнаруживаетъ въ немъ умѣнье разбираться въ историческомъ матеріалѣ и, конечно, по моему мнѣнію, вполне заслуживаетъ степени кандидата.“

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Анатолія*:

„Студентъ Скворцовъ взялъ обилитную и отвѣтственную

тому. О церковныхъ реформахъ Императора Петра I хотя много написано, но споръ идетъ еще и по данное время. Эти реформы требуютъ внимательнаго изученія и строго-объективной, исторической и канонической, оцѣнки не только сами по себѣ, но потому, что онѣ положили начало нынѣшнему церковному строю и затрогиваютъ порой самыя болыныя стороны этого строя. Г. Скворцовъ не далъ въ полной мѣрѣ ни той, ни другой оцѣнки реформъ Петра В. въ отношеніи къ церкви. Для этого надо было изучить вопросъ и глубже и детальнѣе. Авторъ предложилъ своего рода конспектъ (стр. 75—174), правда, очень толковый, предваренный большою историческою справкою о состояніи церковнаго управленія, прихода и хозяйства въ до-петровскую эпоху (18—65 стр.). Общую точку зрѣнія на трактуемый имъ предметъ, т. е. церковную реформу Петра Великаго, авторъ высказываетъ въ заключительныхъ строкахъ своей небольшой работы. „Если эти реформы“, говоритъ онъ, „съ церковно-канонической точки зрѣнія не всегда были удовлетворительны, то съ новой современной Петру государственной точки зрѣнія онѣ были идеальны и безупречны во всѣхъ отношеніяхъ“. Едва ли критерій для оцѣнки реформы Петра В. выбранъ авторомъ правильно. Автору надо было, если онъ хотѣлъ сколько-нибудь оправдать реформу Петра, выдвинуть принципъ цѣлесообразности, или церковнаго блага,— тотъ самый, который былъ формулированъ въ свое время проф. В. В. Болотовымъ въ такихъ словахъ: „та церковная реформа истинно-каноническая, которая, будучи введена, заявила себя наилучшими результатами, хотя бы за нее не было ни единого прецедента“. Но тогда надо было хотя кратко, но точно обрисовать весь синодальный періодъ русской церковной исторіи въ его существенныхъ чертахъ и результатахъ, чего авторъ и не пытается дѣлать. Онъ беретъ реформу Петра Великаго саму по себѣ и въ отношеніи къ предшествующему положенію церковныхъ дѣлъ и въ значительной мѣрѣ объясняетъ ее вліяніемъ идеи естественнаго права. Но и въ такой постановкѣ авторъ достаточными штрихами обрисовалъ радикализмъ и широту церковной реформы Петра Великаго. Между прочимъ, одна деталь этой реформы осталась автору неизвѣстной. Уничтожая патриаршество и отрѣзывая пути къ его возстановленію, Петръ Ве-

ликій не только велѣлъ спрятать въ ризницы всѣ патриарнія регалии, но и пожаловалъ право ношенія саккоса. до сихъ поръ принадлежавшее одному только патриарху, всѣмъ вообще епископамъ. Авторъ усвоилъ результаты специальныхъ работъ своихъ предшественниковъ и представилъ ихъ въ приличномъ изложеніи. Степени кандидата авторъ, на мой взглядъ, заслуживаетъ.“

43) О сочиненіи студента священника Соколова Иоанна на тему: „Историческія науки въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ XIX столѣтія и желательная постановка ихъ“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора А. П. Шостына:

„Въ началѣ сочиненія о. Соколовъ даетъ длинный перечень своихъ источниковъ и пособій, изъ котораго видно, съ какой обширной и разнообразной литературой пришлось ему имѣть дѣло. Тутъ и уставы духовныхъ учебныхъ заведеній съ объяснительными записками къ нимъ, тутъ и программы разныхъ историческихъ наукъ съ цѣлыми курсами и краткими учебниками по нимъ, тутъ и исторіи духовныхъ семинарій, тутъ наконецъ многообразныя методики и журнальныя статьи и т. д. И дальнѣйшее изложеніе самаго изслѣдованія воочію убѣждаетъ насъ, что вся эта громадная литература не только просмотрѣна и перечислена, но и внимательно проштудирована нашимъ авторомъ. Благодаря этому, сочиненіе его отличается, можно сказать, исчерывающею полнотою и обстоятельностью, особенно въ историко-критической части.

Послѣ общихъ разсужденій объ „образовательно-воспитательномъ значеніи историческихъ наукъ“ (стр. 1—38) авторъ переходитъ далѣе къ описанію постановки этихъ наукъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ въ XIX столѣтіи и раздѣльно говоритъ о постановкѣ *гражданской* исторіи—всеобщей и русской (стр. 54—217), затѣмъ *библейской* (стр. 218—252) и наконецъ—*церковной*—общей и русской (стр. 253—390). Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ онъ подробно разсматриваетъ, прежде всего, программы по даннымъ предметамъ и объяснительныя къ нимъ записки, а потомъ—бывшіе въ упо-

требленіи учебники. Приговоры его объ этихъ послѣднихъ, по большей части, очень суровы и отрицательны.

Въ положительной части изслѣдованія, говоря о *желательной постановкѣ* историческихъ наукъ (стр. 321—478), о. Соколовъ кратко разбираетъ различные методы изложенія и преподаванія ихъ и высказываетъ рѣшительно убѣжденіе въ необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ самыхъ программахъ этихъ наукъ и въ составленіи новыхъ учебниковъ по нимъ, болѣе соответствующихъ основной цѣли воспитанія и образованія.

Заканчивается сочиненіе совершенно излишнимъ и неслучившимъ къ темѣ разсужденіемъ о вредѣ балловъ и экзаменовъ: словно баллы и экзамены имѣютъ мѣсто лишь при историческомъ обученіи?...

Въ этой второй части сочиненія приходится отмѣтить у о. Соколова довольно странное смѣшеніе понятій „методъ“ и „пріемъ“ преподаванія, влѣдствіе чего „методами“ называются „пособія и повторенія“ (стр. 414) и даже кинематографы! (417). Кроме того, въ отдѣлѣ о *концентрическомъ* методѣ онъ непонятнымъ образомъ и постоянно пишетъ о „*концертахъ* въ изложеніи историческаго учебнаго матеріала“ вм. *концентровъ* (399—400)!...

Впрочемъ, вообще должно признать корректуру въ разсматриваемомъ сочиненіи очень недостаточною. Много разъ пишется, напр.: „очерокъ“ вм. очеркъ (стр. 347, 442, 461—2 и др.), „міропомазаніе“ (282—3), „самонадѣятельность“ вм. самоудѣятельность (201), св. Анатолій“ вм. св. Антоній (299), „исторической дѣятельности“ вм. исторической дѣйствительности (384) и мн. т. под. Встрѣчаются и стилистически-нескладныя выраженія, какъ напр. „смѣшеніе разновременныхъ явленій является не случайнымъ явленіемъ“ (213).

Но при всѣхъ этихъ мелкихъ и досадныхъ недостаткахъ сочиненіе о. Соколова должно быть признано весьма почтеннымъ научнымъ трудомъ, дающимъ автору полное право на степень кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *Н. Д. Протасова*:

„Сочиненіе о. Соколова прежде всего производитъ впечатлѣніе своей величиной: 478 страницъ крупнаго почтового формата, заполненныхъ шрифтомъ пишущей машины. Видно.

что у автора было много времени, энергии и интереса къ взятой темѣ.

Работа автора значительно облегчалась самой темой, въ которой данъ планъ и методъ. И авторъ съ этой стороны отъ себя не привнесъ ничего. Его сочиненіе можно назвать историко-критическимъ по преимуществу, потому-что такимъ путемъ онъ шелъ не только въ первой части темы, но и вторую обратилъ въ критическій экскурсъ. Это не было трудно, такъ-какъ шитомцы нашей Богословской школы особенно любятъ критику и съ успѣхомъ, по своему мнѣнію, примѣняютъ ее тамъ, гдѣ прежде всего требуется положительное творчество.

Въ началѣ сочиненія авторъ перечисляетъ 211 источниковъ и пособій для своей работы: кое-что ему приходилось штудировать и въ Московской Публичной библиотекѣ. Далѣе, послѣ подробнаго плана своего сочиненія, онъ приступаетъ къ образовательно-воспитательному значенію историческихъ наукъ, подчеркиваетъ послѣднее и переходитъ къ постановкѣ историческихъ наукъ въ собственномъ смыслѣ. Въ этой главной, по мнѣнію автора, части, историко-критическій анализъ постановокъ гражданской исторіи (всемірной и русской), библейской исторіи, церковной исторіи (общей и русской) однообразенъ. Авторъ подробно разбираетъ программы семинарскихъ уставовъ, объяснительныя записки и бывшіе въ употребленіи учебники. Отъ его внимательнаго и опытнаго взгляда не скрывается здѣсь ничто, такъ или иначе понижающее значеніе историческихъ наукъ. Заканчиваетъ авторъ эту часть указаніемъ слѣдствій неудовлетворительной постановки историческихъ наукъ въ семинаріяхъ XIX столѣтія: это—формализмъ учащихся и учащихся.

Во второй части авторъ говоритъ о желательной постановкѣ историческихъ наукъ. Коснувшись общихъ принциповъ методики историческихъ наукъ, онъ переходитъ къ исторіи гражданской (всемірной и русской) и исторіи церковной. Историко-критическій анализъ убѣждаетъ его въ необходимости нѣкоторыхъ программныхъ измѣненій, составленія новыхъ лучшихъ учебниковъ. Въ заключеніе авторъ горячо ратуетъ за отмену балловъ и экзаменовъ: они бесполезны, вредны и безцѣльны.

О. Соколовъ затратилъ на свое сочиненіе много времени,

труда, высказалъ много трезвыхъ мыслей, показалъ историческія знанія въ учебной постановкѣ и, думается, могъ-бы съ пользой поработать надъ ознакомленіемъ питомцевъ Духовной школы съ историческими дисциплинами.

Перейдемъ къ оцѣнкѣ сочиненія о Соколова.

Разбирать настоящее сочиненіе по существу—напрасный трудъ, потому-что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о *желаніяхъ*, авторы бываютъ почти неуязвимы: вкусы вообще субъективны...

Коснемся формальныхъ недостатковъ. Ихъ у автора не мало. Прежде всего о методѣ. Конечно, самымъ легкимъ методомъ былъ тотъ, который подсказывался самой темой и, отчасти, рекомендовался самимъ подлежащимъ матеріаломъ: методъ историко-критическій. О. Соколовъ работаетъ не въ кабинетѣ, а у читателя на глазахъ. Вы видите, какъ онъ беретъ программу, анализируетъ ее подъ своимъ угломъ зрѣнія, беретъ объяснительную записку, учебникъ, съ ними поступаетъ такимъ-же образомъ. Получается работа какъ бы сборная, состоящая изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, не связанныхъ между собою ни генетически, ни органически. Это для автора легко, безопасно и надежно, потому-что здѣсь онъ прежде всего критикъ, котораго желанія контролировать трудно: дѣло вкуса. Но если разсуждать объективно, то нужно сказать, что въ такомъ методѣ научнаго немного. Здѣсь нѣтъ прежде всего творчества, здѣсь предъ нами—черновая работа, которую авторъ долженъ былъ продѣлать для себя,—это въ лучшемъ случаѣ хорошее знакомство читателя съ подлежащимъ матеріаломъ, и—только. Наоборотъ, авторъ долженъ былъ эту работу скрыть отъ читателя, спрятать ее въ подстрочныя примѣчанія, что-бы она не клонила читателя ко сну, который и безъ автора достаточно властенъ... Утомительны всѣ эти длинныя выдержки изъ программъ, учебниковъ, совершенно бесполезны, потому-что мѣшаютъ ясности рѣчи. Нужны яркія, рельефныя выдержки, на которыхъ можно отдохнуть, суммировать сказанное раньше въ выпукломъ образѣ. О. Соколовъ не захотѣлъ дать читателю этого. Ему пришлось-бы весь подлежащій матеріалъ хорошенько самому проанализировать, изучить сравнительнымъ методомъ, сжать въ рамкахъ *одного* стройнаго цѣлаго и только тогда уже въ легкой формѣ написать о положеніи историческихъ наукъ въ русскихъ семинаріяхъ XIX вѣка.

Въ такой монографіи и вопросъ о желательной постановкѣ этихъ наукъ былъ-бы болѣе ясенъ для читателя, потому-что вниманіе не тратилось-бы на ненужныя мелочи. Въ настоящей-же постановкѣ автору приходится и въ этой части своего сочиненія быть критикомъ, чего не требуется самой темой. Можно и нужно было здѣсь быть прежде всего краткимъ, но красочно нарисовать нѣсколько картинъ: это былъ бы благодарный трудъ и для автора, онъ не растерялся-бы въ массѣ матеріала и своихъ выписокъ и далъ-бы и подробное оглавленіе съ цитаціей страницъ, и болѣе цѣлесообразное дѣленіе на главы, и не утомлялъ-бы читателя совершенно ненужнымъ (въ виду конструкціи темы) анализомъ постановки библейской исторіи, теперь отмѣненной въ семинаріяхъ. Отсутствие отчетливаго плана засорило сочиненіе о Соколова: въ первой части онъ покончилъ съ анализомъ учебниковъ по церковной исторіи, но вспомнилъ объ учебникѣ П. И. Малицкаго и, не стѣняясь задачами второй части—положительной,—даетъ на стр. 458 сл. разборъ его.

Изъ частныхъ недочетовъ останавливаютъ вниманіе слѣдующіе.

Нѣмецкія выписки на стр. 145 лишни: цитаты подобныя понижаютъ цѣнность русскаго сочиненія, потому-что говорить о плохомъ знаніи того или другого языка и неумѣныи перевести.

Авторъ или совсѣмъ развязенъ („учебникъ Иловайскаго совершенно бесполезенъ“, стр. 217) или слишкомъ скромнень („учебникъ Знаменскаго удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ“, стр. 456, однако на стр. 378 сл. авторъ говоритъ иное).

О. Соколовъ сообщаетъ не совсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія о членахъ палестинскихъ синадріоновъ и ссылается при этомъ на Юг. Лайтфута (Амстердамъ, 1679). Это результатъ *случайности* справки, иначе авторъ, несомнѣнно, воспользовался-бы болѣе авторитетнымъ источникомъ.

Непонятно, зачѣмъ автору понадобилось привести выдержку на латинскомъ языкѣ изъ предисловія къ учебнику Меодія Смирнова и въ скобкахъ указать русское значеніе наиболее извѣстныхъ словъ (предисловіе, во первыхъ, дурно, нечестиво и пр.). Лучше было дать правильный переводъ (280 с.). Почему о. Соколовъ ставитъ въ вину П. И. Малиц-

кому признаваніе вліянія Галерія на Діоклетіана (стр. 459) и извиняеть это-же Дюшану (стр. 260)? Въ заключеніе нужно отмѣтить, что авторъ главнымъ регуляторомъ преподаванія исторіи въ семинаріяхъ считаетъ хорошій учебникъ. Съ этимъ нельзя согласиться, потому-что умѣлый преподаватель и съ плохимъ учебникомъ достигаетъ успѣховъ. Если какой отдѣлъ въ учебникѣ плохо изложенъ, оцѣ исправитъ его посредствомъ сочиненій: дастъ ученикамъ тему отдѣла и укажетъ нужную литературу. О сочиненіяхъ по историческимъ наукамъ у о. Соколова нѣтъ и намека, это—важный пропускъ.

Далѣе. Авторъ сторонникъ отмѣны балловъ и экзаменовъ, но—безъ особенной аргументаціи это у него равняется просто догматическому требованію (467).

Несмотря на отмѣченные дефекты сочиненія о. Соколова, должно признать его вполне заслуживающимъ степени кандидата, его старательное отношеніе къ взятому матеріалу похвально“.

44) О сочиненіи студента *Соколова Николая* на тему: „Христосъ Спаситель въ сознаніи русскаго народа по даннымъ русскаго народнаго творчества“.

а) И. д. доцента *Н. .Т. Тунникгаго*:

„Обширное сочиненіе г. Соколова Николая (I—XIII+1—415 стрр. почт. бум. большого формата) построено по вполне цѣлесообразному плану. Послѣ ориентирующаго читателя предисловія и небольшого введенія, устанавливающаго источника народныхъ воззрѣній на Христа Спасителя, въ сочиненіи послѣдовательно излагаются: способы представленія и имени Иисуса Христа въ народной поэзіи (гл. I), событія жизни Спасителя на землѣ до Его страданій, какъ о нихъ разсказывается въ народной словесности (гл. II), недѣля страданій Спасителя по народнымъ представленіямъ (III), воскресеніе Христово и слѣдующія за нимъ событія повозвѣтной исторіи (IV), нѣкоторыя отдѣльныя подробности народныхъ представленій о Христѣ Спасителѣ—мѣсто обитанія и образъ жизни Его, хожденія Его по землѣ, смѣшиваніе въ народной поэзіи Иисуса Христа съ ангелами и святыми, вѣщній обликъ Его (гл. V), нравственныя воззрѣнія

русского народа въ связи съ понятіемъ о Христѣ Спасителѣ (гл. VI), страшный судъ въ народной словесности (гл. VII).

По этому плану авторомъ весьма умѣло скомбинированъ обширный матеріалъ, извлеченный изъ множества произведеній народнаго творчества, изученныхъ имъ на основаніи тщательныхъ поисковъ, сближеній и сопоставленій. Извлеченныя авторомъ народныя сказанія и вѣрованія собираются въ мозаическое, но критически продуманное и законченное изображеніе. Но, съ другой стороны, располагая свой матеріалъ въ систематическомъ видѣ, авторъ очень мало проливаетъ свѣта на его хронологическія пріуроченія, объединяя иногда моменты народнаго творчества, принадлежащіе разнымъ временамъ и эпохамъ. Однако, винить за это автора нельзя. Въ своемъ предисловіи онъ совершенно справедливо заявляетъ, что невозможность внести хронологическій моментъ въ группировку оперируемаго матеріала зависитъ отъ весьма извѣстной затруднительности хронологическихъ классификацій произведеній народнаго творчества. Можно было бы указать въ сочиненіи и нѣкоторые мелкіе недочеты, случаи слишкомъ буквальнаго пониманія выраженій народной рѣчи (напр., на стр. 42), недосмотры (148, 156 стрр.) и описки, но эти недочеты серьезнаго значенія не имѣютъ.

Въ общемъ же работа г. Соколова, потребовавшая отъ него большой затраты труда, поставлена научно, обнимаетъ вопросъ полно, свидѣтельствуетъ о начитанности автора въ области русской народной словесности и способности разбираться въ матеріалѣ, отличается продуманностью сужденій и яснымъ языкомъ. На всемъ протяженіи своего сочиненія онъ не сходитъ съ твердой почвы конкретнаго народнаго творчества и не увлекается въ сторону поспѣшныхъ обобщеній и теоретическихъ построеній. Намъ извѣстно, что онъ занимается собираніемъ матеріаловъ для „Комиссіи по народной словесности Императорскаго Общества естествознанія, антропологии и этнографіи.“ Его сочиненіе даетъ основаніе ожидать отъ него успѣшныхъ, заслуживающихъ довѣрія Комиссіи, результатовъ.

Степени кандидата богословія сочиненіе вполне заслуживаетъ.“

б) Ординарнаго профессора С. С. Глаголева:

„Г. Соколовъ отнесся къ своей работѣ внимательно и серьезно. Онъ предпослалъ сочиненію предисловіе (I—XIII), объясняющее читателю планъ, методъ и характеръ сочиненія. Далѣе онъ далъ введеніе (1—21 стр.), гдѣ говоритъ о фактахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложились народныя представленія о Христѣ Спасителѣ. Въ семи главахъ сочиненія (21—404 стр.) онъ описалъ самыя эти представленія, закончивъ изложеніемъ народныхъ взглядовъ на имѣющій быть страшный судъ Христовъ. Авторъ старался вездѣ анализировать имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ и по возможности пытался объяснять происхожденіе различныхъ поэтическихъ сказаній о Христѣ.

Его тема интересна и благодарна. Его сочиненіе охотно прочтутъ и не специалисты, а фольклористы, этнографы и богословы прочтутъ его съ пользою.

Сочиненіе обработано съ внѣшней стороны, оно литературно, опрятно, стройно, систематично.

Но нельзя сказать, чтобы толкованія и анализъ автора были всегда удачными и взгляды его всегда правильными.

На стр. 20 авторъ усматриваетъ хронологическую несообразность въ изображеніи Іоанна Крестителя съ крестомъ въ рукахъ при крещеніи Господа. Но это—символь, это—представленіе въ образѣ словъ Іоанна: „се Агнецъ Божій“...

На стр. 22 и слѣд. авторъ пытается установить, что подъ Богомъ русскій народъ мыслилъ не премірное существо и что русскій Богъ былъ для него не единственнымъ Богомъ. Авторъ не хочетъ замѣтить, что слово „Богъ“ употребляется народомъ и въ собственномъ и несобственномъ смыслѣ. И царь называется земнымъ богомъ, но ясно, что здѣсь разумѣется совсѣмъ другое, чѣмъ когда идетъ рѣчь о русскомъ Богѣ. Не считалъ народъ и Магомета богомъ подобнымъ русскому, хотя авторъ (стр. 23—24) и утверждаетъ противное.

При написаніи своей статьи о преображеніи (146—160 стр.) авторъ недостаточно внимательно ознакомился съ евангельскимъ текстомъ. Онъ пишетъ, что преображеніе совершилось „по днехъ шести“ послѣ исповѣданія Петромъ вѣры во Христа. Евангеліе не уполномочиваетъ на это утвержденіе. Въ евангеліи Марка слова „по прошествіи дней шести“ (9, 2) несомнѣнно относятся не къ исповѣданію Петрову. Затѣмъ авторъ сообщаетъ, что въ евангеліи не говорится о снѣ апо-

столовъ во время преображенія (148 стр.). Въ народные стихи, по мнѣнію автора, сообщеніе о снѣ внесено вслѣдствіе смѣшенія событія преображенія съ событіями въ геесиманскомъ саду. Но на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ народъ оказывается знающимъ евангеліе лучше нашего автора, совершенно забывшаго о евангелистѣ Лукѣ (9, 32).

Совершенно напрасно авторъ „хожденіе отрока Иисуса въ Іерусалимъ“ помѣщаетъ не въ ряду событій изъ дѣтства Христа, а въ ряду событій, предшествовавшихъ страданіямъ Христа. Пусть въ народныхъ стихахъ порою (169—170 стр.). первое хожденіе и сближается съ послѣднимъ. Здѣсь есть глубокой смыслъ: первое хожденіе было начатіемъ подвига, имѣвшаго завершиться крестною смертію, но, конечно, народъ не представлялъ, что Христа распяли десяти лѣтъ отъ роду, между тѣмъ въ стихѣ, говорящемъ о первомъ путешествіи Иисуса и приводимомъ г. Соколовымъ (169 стр.), его возрастъ опредѣляется въ 10 лѣтъ.

Для вполне успѣшнаго выполненія своей работы автору нужно было поближе ознакомиться съ сравнительной мифологіей и съ исторіей религій.

На стр. 62 и слѣд. онъ вслѣдъ за Афанасьевымъ очень легко рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи взгляда на пятницу, какъ на несчастный день. Пятница была днемъ, посвященнымъ у язычниковъ богинѣ любви, богинѣ плодородія. Почему же она стала несчастною у христіанъ? Здѣсь совсѣмъ не то, что перенесеніе чертъ Перуна на Илію или Волоса на Власія (а не на Василия, какъ у автора).

На стр. 398 авторъ скользятъ по вопросу о мытарствахъ. Знаніе эсхатологическихъ представленій египтянъ можетъ быть помогло бы ему въ дѣлѣ отысканія источника сказаній.

На стр. 400—401 авторъ затрогиваетъ вопросъ о мостѣ черезъ огненную рѣку и о перевозѣ умершихъ душъ за плату. Здѣсь чувствуется вліяніе трехъ религій: мадеизма, ислама и греческой. Авторъ глухо лишь затрогиваетъ послѣднюю.

Но неполнота изслѣдованія и промахи, допущенные авторомъ, не ослабляютъ положительныхъ качествъ его сочиненія. Для полученія степени кандидата оно вполне удовлетворительно.“

45) О сочиненіи студента *священника Сокольскаго Павла* на тему: „Московское государство и церковь въ изображеніи иностранцевъ XVII в. (Олеарія и Павла Алеппскаго)“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе свящ. Сокольскаго имѣетъ своимъ предметомъ критическій разборъ показаній двухъ иностранцевъ о Московскомъ государствѣ и о русской церкви въ серединѣ XVII в. Одинъ изъ этихъ иностранцевъ—Олеарій, дважды посѣтившій Московское государство въ 1630-хъ годахъ, оба раза въ составѣ Голштинскаго посольства; другой—архидіаконъ Павелъ, сопровождавшій антиохійскаго патріарха въ пріѣздъ его въ Россію въ 1650-хъ г.г. и оставившій подробныя записки о своемъ путешествіи. Свидѣтельства обоихъ близки по времени одно къ другому. Во многомъ эти свидѣтельства совпадаютъ. Но отношеніе къ видѣнному, или освѣщеніе сообщаемыхъ фактовъ и явленій у обоихъ иностранцевъ—различное. У голштинца Олеарія господствуетъ пессимистическій тонъ. Это—человѣкъ изъ западно-европейскаго, гораздо болѣе культурнаго міра, залетѣвшій въ варварскую Московію, къ порядкамъ и правамъ которой онъ относится свысока и пренебрежительно. Наоборотъ, Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи—оптимистъ; у него не мало розовыхъ красокъ, и понятно, почему. По сравненію съ порядками турецкой имперіи и московскіе порядки XVII вѣка могли показаться недурными.

Такое взаимоотношеніе разбираемыхъ писателей, сообщая большой интересъ работѣ, создавало для автора необходимость занять свою самостоятельную позицію между ними. Для выбора такой позиціи нужны были два условія: во-первыхъ, тщательное изученіе другихъ источниковъ по исторіи Московскаго государства и русской церкви въ XVII в.; во-вторыхъ, вдумчивое критическое отношеніе къ разбираемымъ писателямъ. Оба эти условія оказываются у автора сочиненія на лицо, и самостоятельная позиція имъ занята. Въ работѣ онъ обнаруживаетъ большую начитанность въ памятникахъ и въ литературѣ русской исторіи XVII в. Сопоставляя свидѣтельства двухъ избранныхъ для изученія иностранцевъ, авторъ постоянно прибѣгаетъ въ судъ надъ ними къ свидѣтельству третьихъ лицъ: другихъ иностранныхъ пи-

сателей о Россіи, въ особенности часто къ известной книгѣ Котошихина, къ документальнымъ даннымъ. Примѣрами такого критическаго отношенія къ прочитаннымъ показаніямъ могутъ служить: на стр. 56—57—разборъ отзывовъ Олеарія и Павла о русскомъ иконописаніи, на стр. 140—146—разборъ свидѣтельства Олеарія о взаимныхъ отношеніяхъ царской власти и народа; 187—ошибки Олеарія въ его перечнѣ приказовъ, 212 и сл.—показанія иностранцевъ, относящіяся до областного управленія, 241—разборъ свидѣтельствъ о численности московскаго войска, 323 и сл.—о царѣ колоколѣ и др. Всегда при обсужденіи разбираемыхъ, свидѣтельствъ у автора просвѣчиваетъ свой самостоятельный взглядъ, основанный на изученіи предмета, и этотъ взглядъ виденъ не только въ разрѣшеніи отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, но и въ общей оцѣнкѣ изучаемой эпохи. Въ представленіи о московскомъ обществѣ XVII в. авторъ не примыкаетъ къ пессимистическимъ характеристикамъ, даннымъ нашему обществу той эпохи Соловьевымъ, Костомаровымъ и Дитятинымъ. Самъ авторъ изъ занятій исторіей XVII вѣка приходитъ къ заключенію (45), что XVII вѣкъ не только не эпоха разложенія, какимъ его нѣкоторые склонны представлять, а напротивъ—эпоха нѣкотораго, хотя, можетъ быть, и очень слабаго подъема умственной и нравственной жизни московскаго общества.

При той тщательности критики, которую вездѣ проявляетъ авторъ, насъ не можетъ не удивить, почему онъ оставляетъ безъ критическаго разбора такія мѣста, какъ (130) свидѣтельство Павла Алеппскаго о томъ, что будто бы царь Алексѣй Михайловичъ „убилъ собственною рукою одного изъ вельможъ среди дивана (засѣданія думы),—и это повторяется на стр. 208.—или какъ (165—166) показаніе того же писателя, что „воеводы въ этой странѣ—люди ученые, законовѣды, философы, логично разсуждающіе... они стремятся увеличить свои знанія, ибо мы видѣли у каждаго изъ нихъ тысячи большихъ книгъ, кои они охотно и много читаютъ днемъ и ночью“. Можетъ быть, впрочемъ, самая наивность послѣдняго свидѣтельства давала автору поводъ оставить его безъ возраженія.

Соотвѣтственно темъ, сочиненіе, начинающееся біографіями разбираемыхъ писателей, дѣлится на двѣ части: Московское

государство и русская церковь. Въ первой изъ этихъ частей можно было бы, строго держась темы, ограничиться разборъ свидѣтельствъ Олеарія и Павла, касающихся именно устройства государства, т. е. тѣмъ, что авторомъ и сдѣлано въ главахъ: верховная власть, центральное и областное управление въ Московскомъ государствѣ, внѣшняя оборона. Но авторъ, видимо, понималъ тему шире и рѣшилъ исчерпать свидѣтельства разбираемыхъ иностранцевъ до конца, и поэтому далъ еще рядъ главъ о почвѣ и климатѣ, о составѣ населенія, о нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, о вѣздѣ въ Московію иностранныхъ пословъ, о торговлѣ, о городѣ Москвѣ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти главы, каждая изъ которыхъ сама по себѣ очень интересна, были стройно и систематически расположены и тѣсно связаны между собою. Онѣ такъ и остаются отдѣльными этюдами. Отмѣтимъ отдѣльные промахи, неизбѣжные, впрочемъ, въ каждой большой работѣ (166). Напрасно авторъ полагаетъ, что постановленія боярской думы записывались вчернѣ, а потомъ перебѣлялись. Постановленіе думы записывалось думнымъ дьякомъ въ видѣ краткой „помѣты“ на самомъ докладѣ, а затѣмъ не перебѣлялось, а развивалось въ исходящихъ изъ приказовъ бумагахъ, которыя надо было въ силу помѣты разсылать (175—176). Дума сама не учреждала приказовъ—приказы учреждались царемъ; это были его порученія (304). Въ Кремлѣ XVII в. находился не Кирилло-Бѣлозерскій монастырь,—а подворье этого монастыря.

Внимательное изученіе двухъ данныхъ темой источниковъ, обширная начитанность въ литературѣ вопроса, навыкъ въ критикѣ и самостоятельность взгляда—таковы достоинства сочиненія свящ. Сокольскаго, нисколько не умаляемая указанными недочетами и пробѣлами. Авторъ искомой степени вполне заслуживаетъ“.

6) И. д. доцента *О. М. Россейкина*:

„Сочиненіе о. Сокольскаго написано на основаніи хорошаго знакомства съ источниками и литературой предмета, причемъ авторъ сумѣлъ дать въ отдѣльныхъ мѣстахъ и собственное освѣщеніе изученному матеріалу. Такъ, онъ рѣшительно разошелся съ рядомъ ученыхъ въ оцѣнкѣ ум-

ствеянаго и нравственнаго состоянія русскаго общества въ XVII вѣкѣ (стр. 40 и далѣе) и попытался, не безъ успѣха, поколебать довольно распространенный отрицательный взглядъ на это общество. Основаній онъ ищетъ и находитъ въ показаніяхъ тѣхъ-же изучаемыхъ имъ иностранцевъ, подвергая болѣе тщательной критикѣ ихъ свидѣтельства. Хорошо удалась автору критика отрицательныхъ отзывовъ Олеарія о благочестіи русскихъ, въ частности о ихъ уваженіи къ иконамъ (447). Возможно, что скрытымъ мотивомъ, побуждавшимъ автора къ реабилитаціи Московіи XVII вѣка, являлось заглавное сочувствіе къ эпохѣ расцвѣта древляго благочестія и церковности при благочестивѣйшемъ Алексѣѣ Михайловичѣ. Однако этотъ мотивъ вездѣ подчиненъ чувству исторической правды и ни разу не вывелъ автора изъ рамокъ научной объективности. Грустнымъ сочувствіемъ къ нелегкому положенію изображаемаго класса вѣетъ отъ главы, посвященной низшему бѣлому духовенству.

Планъ работы простъ и естествененъ. Но о. Сокольскій внесъ въ сочиненіе много матеріала, который очень трудно связать съ темой. Можно помириться съ главами о климатѣ страны, о почвѣ, о народонаселеніи, такъ какъ понятія территоріи и народонаселенія связаны съ понятіемъ государства почти неразрывно. Однако уже и здѣсь авторъ заводитъ рѣчь о такихъ малозначительныхъ для темы предметахъ, какъ состояніе проѣзжихъ дорогъ въ Московіи XVII вѣка. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣчаемся съ отдѣлами, которые кажутся еще менѣе нужными для темы. Подробно описанъ въѣздъ иностранцевъ въ Москву, изложенъ планъ города Москвы, рассказано о московскихъ пожарахъ, о распорядкѣ дня въ Москвѣ, сообщена довольно сложная исторія московской диковины—царя-колокола; авторъ счелъ нужнымъ познакомить читателя даже съ содержимымъ боярскихъ погребовъ. Повидимому, о. Сокольскому жаль было одустить что-либо изъ того любопытнаго и занимательнаго матеріала, который онъ собралъ изъ записокъ Олеарія и Павла Алеппскаго, и онъ постарался внести все это въ свое сочиненіе. Послѣднее выиграло въ содержательности, но, конечно, проиграло въ строгости пониманія темы.—Изложенное яснымъ, простымъ языкомъ, сочиненіе читается легко и съ интересомъ. Неудачныя выраженія встрѣчаются рѣдко (XXVIII;

111; 448).—Для получения степени кандидата богословія сочиненіе о. Сокольскаго вполне достаточно“.

46) О сочиненіи студента *Сперанскаго Василія* на тему: „Патріархъ Ермогенъ и Смутное время.“

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сдѣланный авторомъ выборъ темы объясняется интересомъ къ событіямъ Смутнаго времени, вызваннымъ юбилейными воспоминаніями объ этихъ событіяхъ. Попытку дать научно написанную біографію патріарха—мученика и борца за независимость Русской земли надо признать, какъ нельзя болѣе своевременной въ виду предполагавшейся, когда писалось сочиненіе, а теперь уже совершившейся канонизации святителя. Патріарху Ермогену авторъ отводитъ три послѣднія главы сочиненія, составляющія по объему $\frac{4}{5}$ всей работы. Изъ нихъ въ главѣ IV предлагаются собранныя авторомъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни Ермогена и о его дѣятельности въ бытность митрополитомъ въ Казани глава V содержитъ разсказъ о дѣятельности святого уже на патріаршемъ престолѣ въ царствованіе Шуйскаго, а послѣдняя VI глава посвящена дѣятельности патріарха во время междуцарствія.

Патріархъ Ермогенъ, казалось, по смыслу избранной авторомъ темы долженъ бы занимать центральное, главное мѣсто въ изслѣдованіи. Изложеніе событій Смуты могло бы имѣть значеніе лишь историческаго фона, необходимаго для выясненія дѣятельности патріарха. Между тѣмъ авторъ увлекся изложеніемъ событій Смуты. Въ изученіе ихъ онъ однако не вноситъ ничего самостоятельнаго, а ограничивается именно изложеніемъ—и поэтому работа вышла крайне расплывчатой и растянутой. Приводятся общеизвѣстные факты изъ общаго курса лекцій Платонова, а между тѣмъ положенія, которыя требуютъ обстоятельнаго развитія и доказательствъ, высказываются кратко и ничѣмъ не подкрѣпляются. Такъ напр. на стр. 114 авторъ утверждаетъ, что патріархъ Ермогенъ вызывался „для постояннаго присутствія въ преобразованной имъ по образцу западнаго сената Боярской Думѣ.“ Это преобразование слѣдовало бы разъяснить подробнѣе и особенно важно было бы знать, какой это такой

„западный сенать“ послужилъ образцомъ реформы. Глава I— „Причины Смуты“ —заключаетъ въ себѣ обзоръ взглядовъ, высказанныхъ въ предыдущей литературѣ; слѣдующія главы II— „Царь Феодоръ Иоанновичъ“ и III— „Царь Борисъ Годуновъ“ — не болѣе какъ коротенькіе, поверхностные и, надо прямо сказать, совершенно ненужные конспекты прочтенныхъ пособій. Переходъ отъ этихъ главъ, гдѣ обозрѣваются царствованія Федора и Бориса, къ главѣ IV—Первые годы жизни патріарха Ермогена—представляется слишкомъ неловкимъ и натянутымъ. Этими тремя вводными главами можно бы пожертвовать безъ всякаго ущерба и даже къ пользѣ сочиненія. Біографическія свѣдѣнія о св. Ермогенѣ до занятія имъ патріаршаго престола вообще скудны, и авторъ принужденъ ограничиваться осторожными предположеніями. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ является для насъ его категорическое положеніе о томъ, что Ермогенъ подъ руководствомъ св. Варсонофія „прекрасно изучилъ церковную исторію (73)“ и „получилъ всестороннее образованіе (стр. 85)“. Неповятна для насъ характеристика литературныхъ произведеній патріарха. „Творенія патріарха“, пишетъ авторъ, представляютъ изъ себя стройное цѣлое, несмотря на возможные зачастую дѣленія ихъ на части“ (стр. 85). Развѣ стройность и цѣльность литературнаго произведенія несомѣстимы съ подраздѣленіемъ его на части? Авторъ основываетъ свой рассказъ на первоисточникахъ и на пособіяхъ, не отдавая преимуществъ первымъ передъ вторыми, а въ выборѣ пособій онъ не дѣлаетъ различій ни по времени, ни по значенію. Цитата Карамзина смѣняется цитатой изъ Платонова, имена Платонова и Ключевского чередуются съ именами Бутурлина, Мерцалова, Рублевскаго. Никакой расцѣпки литературы авторъ не дѣлаетъ; беретъ свои свѣдѣнія изъ первой попавшейся подъ руку книги. До какой степени страдаютъ понятія автора объ источникахъ, видно напр. изъ его ссылки на стр. 97: „Изъ исторіи Казани и Казанской церкви опредѣленно извѣстно, что патріархъ былъ здѣсь священникомъ при гостинодворской церкви св. Николая. Подтверждается это и имъ самимъ (Ермогеномъ)“. Что же это такое за источникъ: исторія Казани и Казанской церкви?

Цитаты въ сочиненіи очень многочисленны, но иногда дѣлаются небрежно. Такъ напр. на стр. 193 нектати при-

водятся ссылки на А. Э. II №№ 158, 159. На стр. 199 приводятся слова Ключевского, а ссылка сдѣлана на лекціи Платонова. Нерѣдко указывается названіе журнала, но заглавіе статьи, которую имѣеть въ виду авторъ, не приводится (216. „Вѣра и Разумъ“). Слогъ мѣстами шероховатъ (64. примѣчаніе: „Казань до 1552 г. была городомъ татаръ.“ 219—„Ни одинъ бояринъ, пользовавшійся кормиломъ правленія“). Внѣшность сочиненія оставляетъ желать многого: масса описокъ, затрудняющая чтеніе.

Сочиненіе не содержитъ элементовъ самостоятельнаго изслѣдованія. Однако обнаруженная авторомъ начитанность въ источникахъ и литературѣ даютъ мнѣ право считать его достойнымъ искомой степени.“

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Сочиненіе г. Сперанскаго по количеству и по качеству написаннаго достаточно для полученія степени кандидата богословія. Мы отмѣтимъ только одинъ существенный недостатокъ, оставляющій непріятное впечатлѣніе у читателя. Авторъ не въ мѣру увлекается пособіями. Имена проф. Платонова, Мерцалова, Забѣлина, Рублевскаго и другихъ такъ и пестрятъ въ его сочиненіи. Подавленный авторитетомъ изслѣдователей, авторъ иногда придаетъ ихъ мнѣніямъ совершенно несоотвѣтствующую цѣну, поставляя ихъ рядомъ съ свидѣтельствами первоисточниковъ. „Всѣ извѣстные первоисточники, рассуждаетъ напр. авторъ, ничего не говорятъ о годѣ рожденія патріарха (Гермогена) и его происхожденіи. Нѣтъ объ этомъ свѣдѣній и у нашихъ изслѣдователей“ (стр. 63). Какъ будто у изслѣдователей могутъ быть какія—нибудь приемлемыя „свѣдѣнія о годѣ рожденія патріарха и его происхожденіи“, которыхъ нѣтъ въ первоисточникахъ. Глава II-я начинается буквальной выпиской изъ Костомарова о смерти царя Ивана Грознаго. Въ заключеніе ея авторъ восклицаетъ: „такъ повѣствуетъ намъ о смерти Грознаго г. Костомаровъ“ (стр. 37—38). Тонъ рѣчи и способъ передачи разсказа, употребленные авторомъ, приличны только по отношенію къ непосредственному наблюдателю событія, а не по отношенію къ такому отдаленному изслѣдователю его, какъ Костомаровъ. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго преклоненія предъ авторитетами собственныя сужденія автора часто не-

увѣренны, высказываются съ поправками и со ссылками на изслѣдователей вмѣсто основаній (см. напр. стр. 8, 22, 34, 70).“

47) О сочиненіи студента *Тихомирова Александра* на тему: „П. Д. Юркевичъ и его педагогическіе труды“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора А. П. *Шостыина*:

„Во *введеніи* г. Тихомировъ такъ, между прочимъ, высказывается относительно своей задачи: „составить полную біографію П. Д. Юркевича, дать понятіе о его педагогическихъ трудахъ, выяснить ихъ истинное научное значеніе,—составляетъ задачу нашего изслѣдованія“ (стр. X).

Первую половину своей задачи онъ исполнилъ довольно удовлетворительно, т. е. написалъ біографію Юркевича (хотя и не особенно *полную*), къ которой неожиданнымъ образомъ приклеилъ еще поверхностный очеркъ его философскихъ воззрѣній, безъ указанія какой-либо связи ихъ съ воззрѣніями педагогическими (стр. 30—35). Выполненіе же *второй* и важнѣйшей половины указанной задачи представляется не столь удовлетворительнымъ. Вмѣсто характеристики педагогическихъ трудовъ Юркевича и выясненія ихъ научнаго значенія, мы находимъ у г. Тихомирова лишь сокращенную передачу ихъ содержанія, причемъ передача эта совершается послѣдовательно § за §, страница за страницей и, по большей части, подлинными же словами Юркевича (иногда съ помѣтою ихъ кавычками, иногда почему-то безъ оныхъ). Такъ именно поступаетъ г. Тихомировъ во *второй* главѣ (стр. 36—152), излагая „Чтенія о воспитаніи“ и выписывая изъ нихъ цѣлыми страницами даже отдѣлы логическаго содержанія, напр., о сочетаніи понятій (стр. 77—78; срав. Юркевичъ 81—82), о категоріяхъ количества, качества, модальности (стр. 80—81. Юркев. 92—93), также о сужденіяхъ аналитическихъ и синтетическихъ, объ умозаключеніяхъ, силлогизмахъ, аналогіяхъ и т. д. Иногда, впрочемъ, авторъ дѣлаетъ попытки къ самостоятельному и сокращенному перифразу словъ Юркевича, но это оказывается у него не совѣмъ удачнымъ. Вотъ одинъ примѣръ такого сокращенія: „синтетическія сужденія образуются изъ понятій разобщен-

ныхъ, т. е. различныхъ по содержанію и возможныхъ быть связанными только по закону достаточнаго основанія“ (стр. 83. Юркев. § 51).

Совершенно такъ же поступаетъ г. Тихомировъ и въ главѣ третьей при изложеніи капитальнѣйшаго „Курса общей педагогики“ (стр. 153—277). А въ концѣ этой главы на послѣднихъ двухъ страницахъ онъ выписываетъ заглавія (только!) другихъ, болѣе мелкихъ, педагогическихъ трудовъ Юркевича (журнальныхъ статей), отъ ближайшаго разсмотрѣнія которыхъ онъ уклоняется, между прочимъ, на томъ основаніи, что они „мало извѣстны въ педагогическомъ мѣрѣ“ (227).

Столь же мало самостоятельнаго содержанія заключаетъ въ себѣ и *послѣдняя* глава (4-я), имѣющая надписаніе: „основныя педагогическія воззрѣнія Юркевича“ и представляющая собою только повтореніе нѣкоторыхъ, ранѣе уже выписанныхъ и отмѣченныхъ въ сочиненіи, мыслей Юркевича относительно цѣли воспитанія,—повтореніе къ тому же иногда дословное (срав. напр. стр. 288 и 158—9; 289—290 и 163).

Само собою разумѣется,—не могъ и не долженъ былъ нашъ авторъ поставлять свою задачу въ томъ, чтобы переписать съ нѣкоторыми сокращеніями выше-названные труды Юркевича. Слишкомъ ужъ облегчилась и упростилась такимъ образомъ его работа, но вмѣстѣ и утратила научную цѣнность!.. И лишь то можетъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ г. Тихомирову, что Юркевичъ принадлежитъ къ числу философовъ, писавшихъ очень сжато и отвлеченно, и потому трудно понимаемыхъ. Самое чтеніе и усвоеніе его сочиненій, конечно, должно было потребовать отъ нашего автора серьезнаго труда и напряженія.

Ввиду этого можно возможнымъ признать разсмотрѣнное сочиненіе г. Тихомирова достаточнымъ для присужденія ему кандидатской степени“.

б) И. д. доцента священника *И. М. Смирнова*:

„Г. Тихомирову небольшую по объему задачу своего сочиненія:—составить полную біографію Юркевича, дать понятіе о его педагогическихъ трудахъ и выяснить ихъ научное значеніе—удалось выполнить благополучно. Онъ составилъ біографію Юркевича на основаніи нѣсколькихъ некрологовъ, замѣтокъ и воспоминаній о немъ, разбѣянныхъ

по столбцамъ періодической печати (Гл. 1, стр. 1—35); изложились—частію своими словами, а болѣе—выраженіями сочиненій самого Юркевича—содержаніе двухъ его книгъ по педагогикѣ: „Чтенія о воспитаніи“ (1865 г.) и „Курсъ общей педагогики съ приложеніями“ (1869 г.)—(Гл. 2—3); и дальшю главу (гл. IV) съ указаніемъ заслугъ Юркевича въ исторіи русской педагогіи. Центральный пунктъ своего сочиненія—изложеніе содержанія трудовъ Юркевича—г. Тихомировъ выполнилъ довольно тщательно;—обозрѣніе сдѣлапо не только подробно, но мѣстами, пожалуй, даже и съ излишкомъ: 2 и 3 главы занимаютъ собою 241 стр. большого почтового формата. Правда, отъ характеристики трудовъ, т. е. отъ критическихъ обсужденій ихъ по существу, авторъ скромно уклонился, мотивируя этотъ шагъ слабостію своего личнаго педагогическаго опыта и отсутствіемъ въ педагогической литературѣ спеціального критическаго обзора названныхъ трудовъ. Но тѣмъ не менѣе посильная критика автора сопровождаетъ по мѣстамъ изложеніе трудовъ Юркевича и отмѣчаетъ тѣ или другія замѣтно бросающіяся въ глаза ихъ достоинства и недостатки. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ авторомъ въ добавленіе указываются еще и параллельныя мѣста въ сочиненіяхъ другихъ лицъ, напр. Гербарта (стр. 226 напр.) и прочихъ. Слѣд. работа г. Тихомирова со стороны своего содержанія является вполнѣ удовлетворительною для полученія степени кандидата богословія.

Но весьма невыгодное впечатлѣніе получается отъ этого сочиненія, если остановимъ свое вниманіе на его внѣшнемъ видѣ. Собственно говоря, даже какъ то странно смотрѣть, когда работа, претендующая на ученую степень, такъ и бьетъ въ глаза всякаго рода орфографическими и синтаксическими ошибками; когда каждая, почти, страница пестритъ подчеркиваніями, указывающими или на отсутствіе запятыхъ, или на присутствіе ихъ не на своемъ мѣстѣ, при отдѣленіи, напр., подлежащаго отъ сказуемаго (стр. 245, 273 и др.); или, вообще, на незнаніе шпсца, гдѣ какіе знаки поставить при обиліи придаточныхъ предложеній (стр. 47. 60. 150. 215. 265. 266 и др.);—на неумѣніе согласовать существит. съ прилагат. въ им. пад. мн. ч. (напр. пѣсни, вызывающіе...—273 стр. и мн. др.);—на постоянный почти невѣрный переносъ, достигающій своего апогея въ словѣ—*резонан*, а

на другой строкѣ—съ (—52 стр.) и пр.;—на безцеремонное нарушение орфографическихъ правъ буквы ѣ, какъ въ корняхъ словъ (—изрѣченіе—142 стр., клеточки—179, изобретательность—209 стр. и пр.), такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ (напр.— „заботиться о сердце“—239 стр.);—на наличность такихъ явленій, какъ „при свѣтъ дребеззачемъ“ (264 стр.), („три эспиремента“ (145 с.) „низшій характеръ“ (239 с.) „раждраженіе“ (206 с.), „константируетъ“ (158), „отстрочивать“ (225 с.), „существуетъ“ (47 с.), съ начала (141 с.);—на присутствіе такихъ выраженій, какъ „мы построваемъ“ (?) (246 с.), или „воспитанники начинаютъ обсуживать про себя“ (203 с.) и нѣкот. др.

Конечно, наличность подобнаго рода ошибокъ въ курсовомъ сочиненіи возможна при единственномъ предположеніи: переписчикъ былъ неграмотенъ, а авторъ не счелъ нужнымъ прокорректировать переписку. Но такъ какъ авторъ отвѣчаетъ за свою работу во всемъ ея объемѣ, то и указанные недочеты ложатся на его голову. Степени кандидата богословія г. Тихомировъ, какъ уже было сказано выше, заслуживаетъ“.

48) О сочиненіи студента *Троицкаго Анатолія* на тему: „Раскольническая письменность XVII вѣка.“

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Въ скудной литературѣ раскола ощутителенъ недостатокъ въ спеціально библиографическихъ изслѣдованіяхъ раскольничьей письменности. Этотъ пробѣлъ имѣеть въ виду отчасти пополнить сочиненіе г. Троицкаго. Задача его труда „дать библиографическій обзоръ сочиненій“ виднѣйшихъ расколоучителей XVII в.—протопопа Аввакума, поца Лазаря и дьякона Θεодора. Въ предѣлахъ поставленной задачи авторъ трудился добросовѣтно. Онъ тщательно изучилъ сочиненія названныхъ расколоучителей и относящіяся къ своему предмету пособія. Существующія въ наукѣ библиографическія свѣдѣнія авторъ дополнилъ нѣкоторыми собственными изысканіями. Недостатки въ сочиненіи г. Троицкаго частнаго свойства, преимущественно формальные. Такъ при разборѣ „Житія“ протопопа Аввакума авторъ говоритъ объ „языкѣ Аввакума“, между прочимъ, объ „употребленіи

члена“ (присловья) въ сочиненіяхъ Аввакума (стр. 134—144). Между тѣмъ у автора есть отдѣльная рубрика: „Общія замѣчанія о сочиненіяхъ Аввакума.“ Она является послѣдней въ главѣ о сочиненіяхъ Аввакума. Въ ней естественно было помѣстить и замѣчанія объ особенностяхъ языка Аввакума, свойственныхъ не одному какому—либо его сочиненію, а нѣсколькимъ. „Членъ“ (по терминологіи автора) употребляется Аввакумомъ въ другихъ сочиненіяхъ иногда даже больше, чѣмъ въ „Житіи.“ Также въ главѣ IV-й, въ которой разсматриваются сочиненія дьякона Θεодора, авторъ выдѣляетъ рубрику—„Ученіе первыхъ расколуучителей объ антихристѣ“ (стр. 480—498). Въ формѣ, представленной авторомъ, рубрика эта не вполне здѣсь умѣстна. Встрѣчаются шероховатости въ стилѣ, напр. на стр. 53—54 неприятно повторяется „но“ 5 разъ. Въ общемъ однако композиція сочиненія г. Троицкаго стройная, мышленіе отчетливое, языкъ довольно правильный. Сочиненіе должно быть отнесено къ числу весьма хорошихъ.“

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа Анатолія Троицкаго „Раскольническая письменность XVII-го вѣка“ имѣетъ своимъ предметомъ сочиненія протопопа Аввакума, попа Лазаря и дьякона Θεодора. Авторъ разсматриваетъ названныя сочиненія не только со стороны историко-литературной, но также и со стороны палеографической и библиографической: онъ даетъ характеристику сохранившихся рукописей этихъ сочиненій и ихъ печатныхъ изданій; онъ касается даже и языка ихъ. Начитанность автора въ соотвѣтствующей новой литературѣ большая. Изложеніе его легко, такъ что въ общемъ эта обширная работа (въ ней 556 стр. въ четвертку), несмотря на свой специальный характеръ, читается съ интересомъ. Признаю ее весьма удовлетворительной и оцѣниваю балломъ 5.“

49) О сочиненіи студента священника *Часоводова Іоанна* на тему: „Религіозные мотивы въ русской лирикѣ съ половины XIX столѣтія до нашихъ дней.“

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Разсматриваемое произведеніе свящ. о. І. Часоводова представляетъ собою сокращенное, мѣстами просто конспектив-

ное. изложение его обширнаго курсоваго сочиненія. трагически погибшаго, въ бѣловомъ и черновомъ видѣ, отъ пожара въ ночь передъ самой подачей его. Насколько намъ извѣстно по ходу годичныхъ занятій о. Часоводова, сгорѣвшее сочиненіе его было плодомъ добросовѣстнаго труда, усерднаго и любовнаго отношенія къ предмету изслѣдованія. напряженныхъ размышленій и даже личныхъ матеріальныхъ затратъ, вынужденно понесенныхъ для пріобрѣтенія немѣющихся въ академической библіотекѣ изданій новѣйшихъ писателей. Поэтому, нимало не колеблясь, мы думаемъ, что представленный о. Часоводовымъ въ сокращенномъ видѣ результатъ его работы (тетрадь въ 102 стр.), хотя и не посвящающій читателя во всѣ частности погибшаго труда, даетъ настолько опредѣленное представленіе о сдѣланномъ, что, на основаніи его, о. Часоводову по всей справедливости можетъ быть присуждена степень кандидата богословія.

„Задача работы, говорить авторъ во введеніи, — идейно-систематическое изложеніе религіозныхъ мотивовъ въ русской лирикѣ съ половины 19-го вѣка и до нашихъ дней (,) пріежтомъ выявленіи (*чит.* изложеніи), объясняющихъ то или другое направленіе или теченіе (въ сферѣ религіозно-лирическихъ мотивовъ), историческихъ условій и основъ“ (стр. 4). Осуществляя эту задачу, онъ построитъ свое сочиненіе на основаніи слѣдующей группировки русскихъ лириковъ, въ сочиненіяхъ которыхъ звучатъ религіозные мотивы: I) *почвенники—созвучные*: а) лирики—ортодоксы (А. С. Хомяковъ и гр. А. Толстой), б) лирики—пантеисты (Ф. И. Тютчевъ и А. А. Фетъ), в) лирики—скептики—пессимисты (С. Надсонъ, К. Случевскій, Н. Минскій); II) *мистики-искатели, новые*: а) лирики богочеловѣчества—*α*) лирики Мировой Души (Вл. Соловьевъ, А. Блокъ, А. Бѣлый, С. Соловьевъ), *β*) лирики Новыхъ Зорь (Д. Мережковскій, З. Гиппиусъ), *γ*) лирикъ—діонисіанистъ (Вяч. Ивановъ); б) лирики челоуѣкобожества—*α*) мистическіе атеисты (В. Брюсовъ, К. Бальмонтъ), *β*) лирикъ—сатанистъ (Ф. Сологубъ). Съ точки зрѣнія такой классификаціи поэтовъ—лириковъ въ сочиненіи дѣлается характеристика религіозныхъ мотивовъ въ ихъ творчествѣ. Хотя эта классификація не можетъ быть признана исчерпывающей, однако ей нельзя отказать въ послѣдовательности и продуманности.

Общій выводъ относительно религіозныхъ мотивовъ въ новѣйшей русской лирикѣ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ авторъ, довольно безотраденъ. „Печально наше послѣднее слово—заканчиваетъ онъ свое сочиненіе. Мятущіеся по стихійно—жизненнымъ волнамъ дня и минуты разсмотрѣнные нами лирики, при исключеніи немногихъ, ничего не даютъ алчущему и жаждущему религіоз. чувству. Ихъ пѣсни—не отдыхъ отъ жизни суровой и злой, а сгущенный ея ядъ и вредные туманы“ (стр. 100). Однако, въ примѣненіи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лирикамъ, о которыхъ авторъ говоритъ въ сочиненіи одобрительно, этотъ выводъ, повидимому, совсѣмъ не относится. Съ другой стороны, хотя авторъ въ концѣ сочиненія склоненъ неодобрительно отзываться о декадентствѣ и модернизмѣ вообще, но отличительной чертой его собственнаго сочиненія является очевидное пристрастіе къ модернизму, не только въ смыслѣ признанія за декадентствомъ положительнаго литературнаго (—не религіознаго, разумѣется—) значенія, но и въ смыслѣ употребленія въ собственномъ изложеніи чисто-модернистскихъ приѣмовъ, декадентскихъ новообразованій и искусственныхъ словосочетаній. На протяженіи всего сочиненія какъ будто ведется скрытая борьба планомѣрнаго логическаго развитія безыскусственной мысли, къ которой по существу склоненъ авторъ, съ наѣсомъ модернистскихъ порывовъ, не могущихъ успокоиться на простыхъ мысляхъ и общеупотребительныхъ словахъ. Сочиненіе пестритъ такими, напр., выраженіями и сочетаніями словъ и понятій: „созвучныя звенья“ (стр. 5), „личноуглубленный“, „сердцестремительный“ (6), „очеса“ (6), „громоздкая тяга душащей старины“ (8), „европейничанье“ (8), „нашествіе идей“ (8), „геній волюще заговорилъ“ (8), „почвеннобытійственный“ (писатель) (14), „мстительный міровой хаосъ“ (21), „нервъ души времени“ (46), „идеи, блещущія молодостью“ (46), „твердоустойчивый путь“ (48), „разноплоскостно“ (68), „западъ задыхался въ тѣснотѣ напряженностей“ (69), „вдумчиво-затуманенный ликъ“ (70), „тиховѣйность настроенности“ (76) и мн. под. Въ эти выраженія—отнюдь не вынужденныя заимствованія изъ разсматриваемыхъ писателей, но детали самостоятельнаго авторскаго языка. Авторъ не стѣсняется упорно замѣнять даже слово „изложеніе“, „излагать“ реченіями—„выявленіе“,

„выявлять“: „при сжатомъ выявленіи“ (стр. 4)—пишетъ онъ, или: „необходимо сжато выявить“ (37), или еще: „чтобы шире и рельефнѣе выявить“ (50, ср. 56). Разумѣется, модернистскіе приемы изложенія—дѣло вкуса, но намъ кажется, что сознательное привитіе ихъ къ научнымъ изслѣдованіямъ едва-ли можетъ быть особенно плодотворнымъ.

На стр. 69 своего сочиненія авторъ говоритъ: „Первыми вѣстниками литературныхъ и религіозныхъ принциповъ декаденства (sic) у насъ можно считать Тургенева, Л. Толстого и Достоевскаго. Съ произведеній послѣднихъ въ русск. литературѣ началось катастрофическое, трагическое жизнe-ощущеніе“... Едва-ли это такъ. Идя такимъ путемъ, можно всѣхъ писателей XIX в. причислить къ лику декадентовъ. Имѣя въ виду приемы своего „выявленія,“ автору слѣдовало бы вспомнить прекрасный завѣтъ упомянутаго имъ Тургенева: „Берегите нашъ русскій языкъ, завѣщанный Пушкинымъ, не обращайтесь могучаго рычага въ подпорки“. По поводу этого завѣта [недавно, въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, одинъ изъ самыхъ образцовыхъ современныхъ мастеровъ русскаго слова говорилъ: „Этотъ завѣтъ (Тургенева) слѣдуетъ особенно помнитъ теперь, когда къ русскому языку проявляется подчасъ отношеніе, какъ къ несчастной „жертвѣ общественнаго темперамента“... (Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XIV, кн. 4, стр. 18).

Мы не остановились бы подробно на этой сторонѣ сочиненія о Часоводова, если бы модернистскіе приемы и полуродивый языкъ у него не были дѣломъ преднамѣренныхъ потугъ и сознательныхъ усилій привить ихъ къ своему перу, отъ чего намъ приходилось много разъ его предостерегать.

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на отмѣченную односторонность свою, работа о Часоводова обладаетъ и достаточными похвальными свойствами. Авторъ обстоятельно изучилъ предметъ своего изслѣдованія и вообще обладаетъ большой начитанностью въ области изящной литературы. Ему, несомнѣнно, присуще поэтическое чутье. Въ сочиненіи проявлена самостоятельность и оригинальность мысли и способность къ зрѣлымъ обобщеніямъ. Въ отношеніи къ болѣзненнымъ, нездоровымъ и легкомысленнымъ теченіямъ религіозной лирики онъ вполне основательно держится отрицательной точки зрѣнія. Какъ сказано раньше, степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ.“

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Потова*:

„Кандидатское сочиненіе священника *И. Часоводова* сгорѣло въ пожарѣ, случившемся въ его квартирѣ почти наканунѣ срока, установленнаго для представленія курсовыхъ работъ. Вслѣдствіе этого авторъ былъ вынужденъ ограничиться подробнымъ и обстоятельнымъ конспектомъ, въ которомъ изложилъ результаты своихъ годовичныхъ занятій по изученію избраннаго вопроса. Съ этимъ конспектомъ и имѣть дѣло рецензентъ.

По своему содержанію конспектъ этотъ представляетъ собою подробный рефератъ работы, уничтоженной огнемъ, а по своему объему равняется небольшому кандидатскому сочиненію (102 стр. мелкаго письма). Въ немъ довольно обстоятельно изложенъ взглядъ автора на писателей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и всѣ существенные тезисы его изслѣдованія. Конспектъ составленъ по очень отчетливому плану, отличается ясностью и написанъ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли исключительно по памяти, такъ какъ собранныя для работы черновые матеріалы сгорѣли вмѣстѣ съ нею. Все это убѣждаетъ рецензента въ томъ, что свящ. Часоводовъ усердно занимался въ теченіе года изученіемъ избраннаго вопроса, составилъ себѣ очень опредѣленное мнѣніе объ особенностяхъ религіознаго настроенія каждаго изъ изученныхъ писателей и хорошо продумалъ свою работу какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ. Источники и литература предмета обслѣдованы авторомъ съ достаточной полнотой. Ходъ развитія русской художественной литературы въ связи съ измѣненіемъ настроенія общества и умственныхъ теченій въ немъ рисуется въ сознаніи автора ясно и отчетливо. Но конспектъ не позволяетъ оцѣнить въ подробностяхъ степень состоятельности доказательствъ, на которыхъ свящ. Часоводовъ строитъ свои выводы, такъ какъ въ конспектѣ содержатся главнымъ образомъ тезисы изслѣдованія, а ихъ обоснованіемъ служатъ обыкновенно рядъ глухихъ ссылокъ на стихотворенія, подсказавшія ему то или другое заключеніе.

Въ изложеніи непріятно поражаетъ вычурность языка и обиліе неологизмовъ. Кажется, что имѣя дѣло съ декадентами, авторъ заразился отъ нихъ ихъ обычной искусствен-

ностью или сознательно стремился подражать ихъ стилю. Его конспектъ пестритъ выраженіями: „почвенно-бытійственны“, „общеміровоззрѣніе“, „поэты—живые трупы, близки къ психо-физико-химическому разложенію—къ смерти“, „безличной сліянности“, „двуедиными дуадами“, „задыхался въ тѣснотѣ напряженностей“, „воленіе“, „онъ хаотиченъ, разрывенъ“. Замѣтно также сильное злоупотребленіе „мигами“. Область трансцендентнаго почему-то всегда называется ирраціональнымъ. Невольно спрашиваешь себя, неужели нельзя писать о поэтахъ, хотя бы и декадентскаго направленія, на общепотребительномъ языкѣ.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

50) О сочиненіи студента священника *Черникова Николая* на тему: „Волшебства и гаданія у древнихъ израильтянъ и сосѣднихъ съ ними палестинскихъ народовъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Вопросъ о „волшебствѣ и гаданіяхъ“ у древнихъ израильтянъ имѣетъ большое апологетическое значеніе. Въ массѣ разнородныхъ сужденій по данному вопросу замѣтна настойчивая попытка нивелировать израиля—уравнять его религіозное міропониманіе съ религіозными представленіями другихъ народовъ. Волшебства и гаданія были у всѣхъ народовъ древняго міра; были они и у израильтянъ. Представители отрицательной критики отсюда заключаютъ, что израиль, въ его цѣломъ, по своей духовной фізіономіи не отличался отъ сосѣднихъ съ нимъ языческихъ народовъ. Въ виду сказаннаго, православный библеистъ долженъ показать, на точныхъ данныхъ Библии, что волшебство и гаданія въ Израиль были явленіями наносными, чуждыми сущности исповѣдуемой имъ религіи. О. Черниковъ понялъ эту задачу. Въ 1-й главѣ онъ показалъ, что родина волшебства и гаданія не у Израиля и даже не въ Палестинѣ, а за ея предѣлами—въ Египтѣ и Халдеѣ. Во второй и третьей главахъ онъ частнѣе говоритъ о волшебствахъ и гаданіяхъ, всюду выясняя, какъ чужеземныя волшебства и гаданія индивидуализировались въ средѣ евреевъ.

Вѣрно понявъ задачу своей работы, о. Черниковъ не указалъ, однако, опредѣленныхъ историческихъ рамокъ для

нея. Онъ часто забываетъ, что ему нужно говорить о волшебствахъ и гаданіяхъ *древнихъ* израильтянъ, жившихъ осѣдлою жизнью въ Палестинѣ среди иноплеменныхъ народностей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что онъ, имѣя дѣло со всѣми данными Библии, относящимися къ его вопросу, произвольно группируетъ факты, раздѣленные между собою иногда тысячелѣтіями. Однородныя формы гаданія могутъ быть, конечно, объединяемы при уясненіи ихъ, хотя бы онѣ и употреблялись у одного и того же народа на разстояніи столѣтій и тысячелѣтій. Но, чтобы признать ихъ однородными на основаніи общаго ихъ наименованія, для этого нужны особыя доказательства. А недочеты въ этомъ именно послѣднемъ отношеніи и встрѣчаются у автора. Такъ, напримѣръ, говоря о *терафимахъ*, онъ дѣлаетъ ссылки на Быт. 21, 30; 31, 19; I Ц. 15, 29; Ос. 3, 4. Объединяя всѣ эти мѣста, о. Черниковъ старается подыскать общее опредѣленіе, въ которое укладывалось бы понятіе о терафимахъ. Но данныя Библии позволяютъ предполагать, что почитаніе терафимовъ разнообразилось въ разныя времена. Во времена Іакова это были маленькіе домашніе божки, что отмѣчаетъ и о. Черниковъ; съ теченіемъ времени эти божки какъ бы вышли за предѣлы домашняго употребленія и стали служить предметами общаго поклоненія. Библисту-историку необходимо было сдѣлать попытку показать, какъ, когда и подъ вліяніемъ чего видоизмѣнялось у израильтянъ суевѣрное преклоненіе предъ терафимами въ чисто идолопоклонническое. А этой попытки мы и не видимъ у автора. Далѣе, авторъ останавливаетъ излишнее, можетъ быть, вниманіе на нѣкоторыхъ видахъ гаданія. Такъ, говоря объ „орнитоманіи“ (стр. 225 и сл.), авторъ дѣлаетъ ссылку на Еккл. 10. 20, гдѣ упоминается о птицѣ небесной, которая „можетъ перенести слово твое и пересказать рѣчь твою“. На этой ссылкѣ авторъ строитъ предположеніе, что орнитоманія была „отлично извѣстна древнимъ израильтянамъ“. Очевидно, здѣсь изъ очень маленькой, къ тому же не поясненной, предпосылки выводится слишкомъ большое заключеніе. Что же касается ссылки автора на свидѣтельство Іосифа Флавія о фактѣ гаданія по полету птицы, то это свидѣтельство имѣетъ въ виду время іудейской войны, а слѣдовательно, очень мало можетъ говорить о гаданіяхъ по полету птицъ у „древнихъ израильтянъ“.

Можно указать въ сочиненіи о Черникова и нѣсколько другихъ несущественныхъ недочетовъ. Такъ, онъ опредѣляетъ во введеніи „суевѣрія“, какъ „теорію“, а „гаданія“ какъ „дѣятельность“, являющуюся „результатомъ теоріи“ (стр. 2—3). Здѣсь онъ ссылается на авторитетъ Blau (Altjüdische Zauberwesen). Но, очевидно, къ такому опредѣленію „суевѣрія“, не покрываемаго, конечно, понятіемъ „теоріи“, недовѣрчиво отнесся и самъ авторъ. если для скрѣпленія его ему понадобился авторитетъ. Неблагозвучно также, на примѣръ, его опредѣленіе „египетской волшебной науки“, какъ „дикаго волшебства“ (стр. 17).

Однако въ разсматриваемомъ сочиненіи о Черникова есть такія положительныя достоинства, которыя заставляютъ говорить болѣе объ усердіи автора, чѣмъ о промахахъ въ его работѣ. Онъ съ неутомимостью изучалъ Библию, выбиралъ и подбиралъ необходимыя для него данныя. Столкнувшись съ большимъ вопросомъ о волшебствахъ и гаданіяхъ древнихъ народовъ, онъ обстоятельно изучилъ, кромѣ текста Библии, обширную святоотеческую литературу (Кириллъ Александрійскій, бл. Феодоритъ, Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, бл. Іеронимъ, Августинъ и др., а также христіанскіе апологеты), классическихъ писателей (Страбонъ, Геродотъ, Діодоръ и др.), ознакомился съ лучшими русскими и нѣмецкими комментаріями. Не ускользнула отъ его немалого вниманія и новѣйшая западная литература, трактующая о волшебствахъ и гаданіяхъ на основаніи древнихъ памятниковъ востока (напр. Wiedemann, Rawlinson, Lenormant).

Располагая обширнымъ матеріаломъ, авторъ умѣло ориентировался въ немъ и нѣкоторыя недомолвки его находятъ, кажется, себѣ оправданіе въ его опасеніи запутаться въ тѣхъ многочисленныхъ справкахъ, которыя онъ дѣлалъ при своей работѣ.

По совокупности сказаннаго, мы признаемъ сочиненіе о Черникова вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о Черникова состоитъ изъ введенія, 3 главъ

и заключенія. Въ первой главѣ авторъ изслѣдуетъ, откуда явились у израильтянъ волшебства и гаданія, и выясняетъ ту роль, какую сыграли Египетъ и Халдея въ этомъ отношеніи. Во второй главѣ о. Черниковъ описываетъ древнія волшебства, поскольку они прикосновенны къ исторіи древне-израильскаго оккультизма. Въ третьей главѣ авторъ говоритъ подробно о древнихъ способахъ гаданій.

Какъ цѣлое, работа о. Черникова производитъ благопріятное впечатлѣніе, онъ собралъ достаточное количество матеріала въ затронутой имъ области древней жизни, только библейскіе тексты требовали бы болѣе тщательнаго изученія, на примѣръ, повѣствованіе объ явленіи Самуила въ Азнь-дорѣ.

Степени кандидата богословія о. Черниковъ заслуживаетъ“.

51) О сочиненіи студента *іеромонаха Іеронима (Чернова)* на тему: „Пророкъ Исаія и его время“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Выясненіе соотношеній жизни и дѣятельности великаго ветхозавѣтнаго пророка Исаіи съ его временемъ—это сложная задача. Въ русской библейско-богословской литературѣ мало работъ, характеризующихъ настроеніе извѣстной эпохи и показывающихъ, какое значеніе имѣла та или другая библейская личность для своего времени. Причина этого понятна: для выполненія подобной работы необходимо внимательно изучить эпоху, вскрыть первопричины ненормальныхъ явленій въ соціальной и религіозно-нравственной жизни. А это дѣло не легкое.

Между тѣмъ этой трудной задачи не убоился о. Іеронимъ.

Все, довольно значительное по объему, сочиненіе о. Іеронима состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о взаимоотношеніи іудеевъ времени Исаіи съ народами древняго міра: египтянами, вавилонянами и др. и даетъ общую характеристику религіозно-нравственнаго состоянія общества, поскольку оно отражалось въ соціальной жизни. Невысокій уровень нравственности какъ бы взывалъ, по мысли автора, къ авторитету съ сильнымъ характеромъ, съ яснымъ сознаніемъ принципа религіозно-нравственной жизнедѣятельности. Такою авторитетною личностью и былъ для своего времени пророкъ Исаія. Въ первой, слѣдующей

за введеніемъ, главѣ о. Иеронимъ говоритъ о частной жизни пророка, о его призваніи и о его общей духовной физиономіи, опредѣлившей его дѣятельность и индивидуализировавшей ее сравнительно съ дѣятельностью другихъ пророковъ, напр. Осии и Амоса. Во второй и 3-й главахъ частичнѣе говорится о религиозно-нравственномъ состояніи народа Божія до реформъ Езекии и послѣ этихъ реформъ. Въ 4-й главѣ о. Иеронимъ излагаетъ внѣшнюю исторію іудеевъ въ эпоху реформъ Исаи до времени Сеннахирима, въ связи съ тѣми вліяніями, которыя имѣли на израиля народы и народности, приходившіе въ столкновеніе съ израильтянами. Въ пятой главѣ дается конспективный обзоръ политическаго и религиозно-нравственнаго состоянія израильскаго общества за вторую половину царствованія Езекии до мученической кончины пророка Исаи.

Изъ содержанія сочиненія о. Иеронима видно, что онъ далъ надлежащую постановку своему вопросу.

Ясному плану о. Иеронима отвѣчаетъ и серьезное отношеніе къ тому богатому матеріалу, который съ рѣдкимъ усердіемъ извлекалъ онъ какъ изъ самой Библии, такъ и изъ общей исторіи, со включеніемъ сюда новѣйшихъ данныхъ египтологіи и ассиріологіи, съ которыми необходимо считаться теперь не только библеисту, но и экзегету.

Сложная кандидатская работа о. Иеронима имѣетъ свои, впрочемъ извинительные, недочеты. У него не слѣдано попытки установить точную хронологію для времени пророка Исаи. Общія историческія рамки для дѣятельности этого пророка опредѣлены у него только синхронизмами событій, но не детальною повѣркой хронологическихъ датъ. Последнее—дѣло очень трудное, но для завершения работы о. Иеронима необходимое. Указываемый нами настоящій недочетъ даетъ намъ поводъ не столько для обвиненія автора, сколько для пожеланія, чтобы о. Иеронимъ при окончательной разработкѣ его темы обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. Конспективное изложечіе 5-й главы должно преобразоваться у него въ фактически обоснованный отдѣлъ. Автору слѣдуетъ обратить вниманіе, далѣе, и на болѣе подробную цитацию библейскихъ мѣстъ, которыми пользуется онъ; его особый приемъ давать справки изъ Библии въ обобщеніяхъ долженъ быть видоизмѣненъ, поэтому, въ смыслѣ болѣе полной цита-

ціи. По примѣру нѣкоторыхъ экзегетовъ нашъ авторъ при цитациі библейскихъ мѣстъ, на ряду съ довольно точными выраженіями нашихъ русскаго и славянскаго переводовъ, приводитъ еще и выраженія масоретскаго текста. Эти украшенія ясныхъ славянскихъ и русскихъ выраженій еврейскимъ текстомъ должны быть излишними въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не дѣлаетъ никакаго приложенія изъ приводимаго имъ масор. текста. Такъ, напр., опредѣляя титулъ паредворца Севны, о. Іеронимъ указываетъ на названіе его въ русскомъ переводѣ „начальникомъ дворца“ и здѣсь же приводитъ евр. выраженіе: אֲשֶׁר לְעֵבֶר הַיְמָנִית, оставляя его безъ всякаго поясненія (стр. 149). Между тѣмъ, автору естественнѣе было остановиться на разсмотрѣніи имени Севны (евр. שֶׁבֶנַי, LXX Σομνάιν, вулг. Sobnam, слав. Сомнанъ). И если уже онъ указалъ на титулъ его въ евр. текстѣ, то ему слѣдовало бы довести дѣло до конца и пояснить особую терминологию LXX („*πατοφύριον*“). При выясненіи культовыхъ особенностей во времена Исаиі автору необходимо было справиться съ данными археологіи. Но всѣ эти недочеты, а также нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ, отмѣченныя нами на поляхъ сочиненія, не касающіяся существа его въ цѣломъ очень обоснованной работы, безъ особаго труда для автора могутъ быть имъ устранены.

Мы увѣрены, что вдумчивый, осмотрительный въ своихъ сужденіяхъ, хорошо изучившій и знающій Библию авторъ съумѣетъ дать богословской наукѣ серьезный трудъ, въ которомъ, какъ можемъ мы заключить на основаніи его кандидатской работы, будетъ всесторонне освѣщена интересная эпоха, связанная съ именемъ величайшаго ветхозавѣтнаго пророка Исаиі.

Для полноты настоящаго отзыва мы не можемъ не обратить вниманія на обиліе русской и иностранной библейско-богословской литературы, изученной авторомъ. Въ числѣ указанныхъ имъ пособій имѣются новѣйшіе труды, въ которыхъ время пророка Исаиі разсматривается въ связи съ данными общей исторіи, археологіи и ассириологіи (напр. Kennett'a, Driver'a и др.).

Языкъ автора почти всегда точный, сжатый и выразительный. Мысли его выношены и потому свободны отъ расплывчатости.

Въ виду сказаннаго мы признаемъ сочиненіе о. Іеронима очень серьезною кандидатскою работою, безусловно заслуживающею высшаго балла. Предлагая ему дополнительную разработку его темы для получения слѣдующей богословской степени, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуемъ его вниманію Совѣта, какъ усерднаго работника, который не остановился предъ сложностью предложенной ему темы“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Варволомея (Ремѣва)*:

„Интересное сочиненіе о. Іеронима даетъ ему полное право на ученую степень кандидата богословія. Надъ своею серьезною задачею нашъ авторъ работалъ съ большимъ умѣньемъ и разрѣшилъ ее съ успѣхомъ. Работа о. Іеронима по своему направленію и характеру есть работа историческая. Авторъ очень умѣло выбралъ предметъ для своего сочиненія. Тема взята трудная, но вполне соответствующая общему умственному складу, симпатіямъ и способностямъ нашего автора. И тамъ, гдѣ о. Іеронимъ остается вѣренъ самому себѣ, т. е. оперируетъ надъ историческимъ матеріаломъ *more historico*, изслѣдованіе его содержательно и превосходно не только по замыслу, но и по осуществленію. Тамъ же, гдѣ о. Іеронимъ изъ сферы исторической переходитъ въ область идейную, въ область библейскаго богословія, онъ говоритъ сравнительно слабо и неудачно. О. Іеронимъ совсѣмъ не богословъ, а историкъ. Свою задачу онъ могъ разрѣшать съ наклономъ преимущественно въ сторону идеологіи, но онъ этого не слѣдалъ. Мы находимъ это правильнымъ и рекомендуемъ нашему автору не увлекаться въ область идеологіи; въ области же исторической онъ можетъ работать плодотворно. Въ сочиненіи о. Іеронима мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ методологическую его подготовленность къ научно-исторической работѣ и потому имѣемъ основаніе ожидать отъ автора дальнѣйшей серьезной разработки его почтеннаго труда.

По самому характеру своему и внѣшнему виду разсматриваемое сочиненіе производитъ впечатлѣніе зданія на крѣпкомъ (научномъ) фундаментѣ, но построеннаго вчернѣ и недоконченнаго. Такъ оно и должно быть, потому что задача труда о. Іеронима очень серьезна и обширна и требуетъ гораздо большаго, чѣмъ послѣдній годъ студенческаго курса, времени для окончательной разработки. Поэтому вполне

извинительны тѣ промахи, недосмотры и ошибки, какихъ не мало допустилъ нашъ авторъ: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Считаемо долгомъ въ цѣляхъ предостереженія отъ нихъ высказать слѣдующія замѣчанія.

1. Историческія изслѣдованія должны быть документальными. Значитъ, по самому существу дѣла отъ о. Иеронима требуется самая тщательная и точная цитация. Каждый сообщаемый фактъ, каждая заимствованная мысль и выраженіе (особенно взятая изъ Писанія) должны быть отмѣчены ясно и опредѣленно. Необходимо избѣгать такъ называемыхъ глухихъ цитатъ: если цитируется мѣсто Св. Писанія, нужно указывать главу и стихъ, если цитируется книга, непременно слѣдуетъ указывать ея страницу. Въ цитатахъ должно быть очень разборчивымъ и осторожнымъ. Для характеристики языческихъ жертвоприношеній отсылать къ „Саламбо“ Флобера (стр. 100) по меньшей мѣрѣ неудобно. Писать безъ нужды по-латыни имя Hesychius, особенно когда рядомъ стоитъ Златоустъ (стр. 35, нужно, конечно, *Исихій*), или называть въ текстѣ апокрифъ по-англійски (The Ascension of Jsaiah, стр. 33)—не слѣдуетъ. Называть вѣру Исаи „вѣрою, которая побѣдила міръ,“ или цитировать мѣста Св. Писанія въ такомъ сочетаніи, какъ на стр. 5—1 Тим. 3, 7 или на стр. 4—Лук. 11, 32 излишне и даже неумѣстно.

2. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ необходимо быть всегда въ области реального. Сужденія и заключенія, всякаго рода обобщенія историка базируются на конкретной основѣ фактовъ. Вотъ почему мы рекомендуемъ о. Иерониму быть осторожнымъ въ сужденіяхъ, которыя у него довольно часто рѣшительны и смѣлы (напр. стр. 8, 14, 15, 18, 20, 22, 24, 33, 52, 54, 55), но вовсе необоснованы или опираются на предположеніяхъ.

3. Изслѣдованіе о. Иеронима есть изслѣдованіе не только историка, но и библиста. Отсюда для него требованіе быть внимательнымъ къ своему первоисточнику—Библии. Прежде чѣмъ приводить какую-либо цитату или брать ее за основаніе своихъ сужденій, нужно провѣрить правильность своего пониманія по лучшимъ и авторитетнымъ толкованіямъ. А тѣ мѣста Писанія, которымъ авторъ придаетъ почему-либо особое значеніе, должны быть предметомъ и самостоятельнаго изученія. Такъ, о. Иерониму слѣдуетъ рассмотреть и

дать анализъ терминовъ—народъ Божій (Ис. 7, 13), Израиль, Юда. Ис. 6, 9—10 авторъ понимаетъ не совсѣмъ правильно, а между тѣмъ дѣлаетъ серьезныя обобщенія и выводы изъ этого призыва Господня для изображенія условій дѣятельности Исаіи (стр. 42, 45). О. Иеронимъ дѣлаетъ иногда справки цитатъ Писанія по еврейскому тексту и по переводу LXX-ти; не худо присоединить къ этому справки и изъ Вульгаты, цѣнность которой велика уже по одному тому, что она даетъ переводъ точный.

4. О. Иеронимъ обладаетъ въ общемъ легкимъ и гибкимъ стилемъ. Свой мысли онъ выражаетъ и чужія передаетъ языкомъ правильнымъ, яснымъ и даже по мѣстамъ красивымъ. Рецензенту весьма понравились стр. 45—46, 51—52, 56, 59—66 и др., особенно вторая глава. Но есть у о. Иеронима и шероховатости въ стилѣ (на стр. 16, 25—27, 36, 41—42, 50—57, 82, 107, 125, 142—143, 156—158 и др.). Есть, напримѣръ, такія выраженія, какъ „моральная реальность“ (стр. 16); Исаія „видѣлъ раскрывающуюся предъ нимъ таблицу (конечно, картину—tableau) мрачныхъ и свѣтлыхъ конечныхъ судебъ его“ (стр. 53); прилагательное „Исаіанскій“ (Isaianische) въ русскомъ языкѣ не употребляется (стр. 55); на стр. 55 прямо не русскій стиль. Рецензентъ позволяетъ себѣ предостеречь о. Иеронима отъ нѣкоторой непродуманности его выраженій: языкъ ученой работы, въ частности языкъ историка долженъ быть точнымъ.

Выражаемъ пожеланіе, чтобы о. Иеронимъ дѣятельно продолжилъ и закончилъ широко задуманный имъ и въ достаточной мѣрѣ успѣшно выполненный имъ серьезный ученый трудъ, въ которомъ онъ долженъ примѣнить съ надлежащею полнотою свою методологическую подготовку и съ надлежащею широтою развернуть свою незаурядную эрудицію.

52) О сочиненіи студента *іеромонаха Іоасафа (Шликовскаго)* на тему: „Толкователи Слова Божія изъ писателей-аскетовъ.“

а) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго)*:

„Довольно обширное (V+281 стр.—ок. 200 стр. печатныхъ) сочиненіе іеромонаха Іоасафа посвящено характеристикѣ и научному изслѣдованію истолковательныхъ трудовъ преп. Ефрема Сирина (стр. 1—170), преп. Исидора Пелусіота (стр.

171—236) и преп. Нила Синайскаго (стр. 237—265). Въ заключеніи (стр. 266—276) авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ отношеніи къ Свящ. Писанію аскетовъ вообще, цитируя здѣсь преп. Исаака Сирина, Макарія Египетскаго, авву Доротея и еп. Игнатія Брянчанинова.

Первымъ крупнымъ достоинствомъ сочиненія о. Іоасафа слѣдуетъ назвать его *полную самостоятельность*. При написаніи своего обширнаго сочиненія онъ не имѣлъ ни одного дѣйствительно цѣннаго пособія, гдѣ вопросъ разсматривался бы столь же подробно. Истолковательнымъ трудамъ писателей аскетовъ удѣляется всего по нѣскольку страницъ и даже строкъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи толкованія Свящ. Писанія. О преп. Ефремѣ Сиринѣ авторъ еще имѣлъ подъ руками нѣсколько отдѣльныхъ монографій, но и эти монографіи посвящены вообще литературной и церковной дѣятельности св. отца, почему и не могли оказывать прямого и значительнаго пособія іеромонаху Іоасафу при написаніи главы сочиненія о преп. Ефремѣ.

Не имѣя прямыхъ пособій, о. Іоасафъ при написаніи своего сочиненія былъ такъ сказать наединѣ со своими источниками—твореніями преп. аскетовъ. Творенія избранныхъ имъ писателей аскетовъ въ русскомъ переводѣ составляютъ 14 томовъ, но авторъ не ограничился твореніями, изданными въ русскомъ переводѣ, а обращался и къ подлинному тексту переведенныхъ твореній, и къ тексту твореній преп. Ефрема Сирина еще не переведенныхъ: имъ просмотрѣно нѣсколько томовъ твореній преп. Ефрема въ изданіи I. S. Assemani. Весь этотъ обширный первоисточникъ прочитанъ авторомъ весьма внимательно. *Тщательное изученіе подлежащаго разсмотрѣнію первоисточника* составляетъ второе важное достоинство сочиненія о. Іоасафа. Матеріала собрано и дано въ сочиненіи очень много. Все сочиненіе написано документально; оно, будто изъ кусковъ мозаики, составлено по крайней мѣрѣ на четыре пять изъ святоотеческихъ изреченій. Кромѣ того, при чтеніи сочиненія о. іеромонаха Іоасафа невольнѣ чувствовалось, что у него имѣется еще запасъ неиспользованнаго матеріала; изъ массы имѣющагося матеріала онъ дѣлаетъ выборъ и даетъ въ сочиненіи наиболѣе существенное, наиболѣе характерное. При написаніи сочиненія авторъ старался не о томъ, какъ бы побольше написать, а о томъ, какъ бы сжать и сократить свое из-

ложеніе. Вотъ почему въ сочиненіи много лишь намековъ и святоотеческія изреченія обыкновенно приводятся въ самомъ краткомъ объемѣ, а часто подъ строкой лишь поставлены цѣлые ряды цифръ, обозначающихъ томы и страницы святоотеческихъ твореній, гдѣ можно найти параллельныя мысли и новыя примѣры въ подтвержденіе высказанныхъ въ текстѣ положеній (См. стр. 24—25. 58. 126—128. 174—175. 191. 192. 209. 210. 220. 224. 239. 245. 255. 259. 265).

· Мало того. Авторъ не ограничивается лишь изложеніемъ мыслей избранныхъ имъ писателей, характеристикой ихъ взглядовъ на Свящ. Писаніе и ихъ толкованій, но даетъ и *научное изслѣдованіе* этихъ толкованій, поставляя ихъ въ связь съ господствовавшими въ древней Церкви направленіями въ области экзегетики. При этомъ научномъ изслѣдованіи авторъ достаточно использовалъ лучшія монографіи по исторіи толкованія Свящ. Писанія, старыя—латинскія и новыя нѣмецкія. Такъ, изслѣдуя экзегетическіе принципы преп. Ефрема Сирина, о. Іоасафъ привлекаетъ къ дѣлу вообще историческія свѣдѣнія о характерѣ изученія Свящ. Писанія въ школахъ низибійской и эдесской, анализируетъ довольно подробно (стр. 12—26) позднѣйшее сочиненіе Юнилія Африканскаго „*Instituta regularia divinae legis*“, въ которомъ сохранились традиціи именно низибійской школы, и отмѣчаетъ иногда совпаденіе мыслей преп. Ефрема съ мыслями Юнилія, составившаго свое сочиненіе на основаніи уроковъ Павла Низибійскаго (См. стр. 161). Приступая къ характеристикѣ экзегетики преп. Исидора Пелусіота, авторъ ведетъ подробныя рѣчи (стр. 176—182) объ александрійской и антїохійской экзегетическихъ школахъ, а также рѣшаетъ вопросъ о степени вліянія на преп. Исидора со стороны св. Іоанна Златоуста и въ доказательство этого вліянія въ параллельныхъ столбцахъ приводитъ примѣры почти буквального совпаденія свв. отцевъ, причемъ выписываетъ даже и греческій текстъ ихъ твореній (стр. 187 сл.), въ которомъ совпаденіе становится особенно нагляднымъ. Все это вмѣстѣ взятое ставитъ кандидатскую работу іеромонаха Іоасафа на должную научную высоту и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, способнаго давать своему дѣлу настоящую научную постановку.

Какъ уже сказано, сочиненіе въ большей своей части состоитъ изъ святоотеческихъ изреченій. Нельзя не отмѣтить

того искусства, съ какимъ авторъ часто соединяетъ въ своей плавно текущей рѣчи разнородныя выдержки, а тамъ, гдѣ авторъ говоритъ только своими словами, обнаруживается его способность свободно владѣть перомъ и писать чистымъ литературнымъ языкомъ.

Наряду съ этими крупными и, такъ сказать, бросающимися въ глаза достоинствами кандидатской работы о. іеромонаха Іоасафа критическая внимательность и придирчивость рецензента могутъ открыть въ ней и нѣкоторые недостатки или, скорѣе, мелкія ошибки, недосмотры, обмолвки. По существу же рецензентъ находитъ нужнымъ сдѣлать лишь одно замѣчаніе. По прочтеніи сочиненія возникаетъ вопросъ: да почему же въ немъ объединены эти именно, а не какіе-нибудь другіе писатели аскеты? Есть-ли у нихъ что-нибудь общее, такое, что объединяло бы именно ихъ другъ съ другомъ и отъединяло-бы ихъ отъ другихъ въ особую группу? Авторъ на эти вопросы отвѣта не даетъ; онъ каждому изъ трехъ свв. отцевъ посвящаетъ особую главу сочиненія и три главы его сочиненія стоятъ особнякомъ, соединенныя другъ съ другомъ почти однимъ только переплетомъ. А между тѣмъ весьма интересно и важно было-бы отмѣтить тѣ черты, которыя въ исторіи толкованія Свящ. Писанія обособляютъ группу этихъ именно трехъ свв. отцевъ: Ефрема Сирина, Исидора Пелусіота и Нила Синайскаго. Это были *ученые монахи* древней Церкви, аскеты и люди высшаго образованія со склонностью къ научному труду. Отсюда въ ихъ толкованіяхъ переплетеніе элементовъ аскетическихъ съ научными. Только аскетъ могъ написать въ истолкованіе Іоан. 11. 35: *Иисусъ прослезился*—слѣдующее: „Лазарь былъ другъ Спасителя и, какъ другъ Его, безъ сомнѣнія былъ и праведенъ... А будучи праведнымъ и достославно сошедши съ поприща жизни сей, безъ сомнѣнія сподобился упокоенія и чести. Посему, намѣреваясь воскресить его ради славы собственной, Христосъ плакалъ, какъ-бы такъ говоря: сего, вошедшаго въ пристань, снова призываю въ тревоженіе, уже увѣнчаннаго снова вывожу для борьбы“ (Исидоръ Пелусіотъ. Кн. 2, пис. 173). Подобнаго рода толкованія—въ частности, и воскресенія Лазаря—были весьма распространены у древнихъ монаховъ. Но наши три свв. отца даютъ и строго научное изслѣдованіе Свящ. Писанія и тѣмъ самымъ выдѣ-

ляются изъ среды аскетовъ. О. Иоасафъ нѣсколько разъ (стр. 182 пр. 1. 229) говоритъ объ отличіи своихъ трехъ толкователей Слова Божія отъ египетскихъ монаховъ, но не показываетъ наглядно этого отличія, а оно весьма существенно. Преп. авва Исаія пишетъ: „Расположеніе къ любопытному изслѣдованію Писанія приводитъ ко враждѣ и спорамъ, а плачемъ о грѣхахъ доставляется миръ. Монаху, безмолвствующему въ келліи, вмѣняется въ грѣхъ, если онъ, оставя плачь о грѣхахъ своихъ, обратится къ пытливому изслѣдованію Писанія. Кто вдается въ объясненіе Писанія, не стяжавъ предварительно духовной свободы, тотъ поработился страсти любопытства и сильному увлеченію мысленнымъ плѣненіемъ“ (Слово 6-е). Нельзя-ли здѣсь прочесть печальнаго приговора всѣмъ академическимъ монахамъ? Но монашество при единствѣ своей сущности всегда было разностороннимъ и разнообразнымъ. Въ древней же Церкви мы видимъ, что такіе строгіе аскеты, наставники монаховъ до нашихъ дней, какъ преп. Ефремъ Сиринъ, занимаются научнымъ толкованіемъ Свящ. Писанія — пользуются данными лингвистики, географіи, этнографіи, пользуются іудейскими преданіями, пособиями въ видѣ чужихъ толкованій и т. д. Толкованія Ефрема Сирина, Исидора Пелусіота и Нила Синайскаго обнаруживаютъ, что своимъ дѣломъ они хотятъ служить Церкви. Они люди съ широкими церковными взглядами, почему и стараются въ Писаніи находить обличеніе еретиковъ, говорятъ, напр., о согласіи двухъ завѣтовъ, имѣя въ виду, конечно, маркіонитовъ съ ихъ *separatio legis et evangelii* (*Tertull. Adv. Marc. I, 19. CSEL 47, p. 314*). У самого же автора собраны въ обиліи всѣ эти данныя, однако онъ не дѣлаетъ никакихъ общихъ выводовъ касательно всѣхъ трехъ писателей-аскетовъ. Авторъ скупится на разсужденія: его анализъ поглощаетъ синтезъ.

Можно указать нѣсколько и мелкихъ недочетовъ. Такъ уже на 1 стр. слова Созомена почему-то приводятся по-латыни, а греческая ихъ редакція (*sic!*) находится въ примѣчаніи.

Фраза на стр. 10: „Изгнанники Эдесскіе привили здѣсь писанія Θεодора Мопсуестійскаго и Несторія, и такимъ образомъ Несторіанство съ экзегетическимъ методомъ Θεодора составляли два главнѣйшихъ направленія этой второй Низи-

біійской школы“—можетъ быть признана лишь весьма неудачнымъ переводомъ словъ Гергенрѣтера (*Die antiochenische Schule. S. 58*): „Die von Edessa Betrieben haben aber auch die Schriften des Nestorius und Theodor und so den Nestorianismus und Theodor's exegetische Methode als die einzig gültige hierher verpflanzt, т. е. изгнанные изъ Эдессы пересадили сюда писанія Несторія и Θεодора и такимъ образомъ несторіанство и экзегетическій методъ Θεодора, какъ единственно цѣнный“.

На стр. 27 авторъ напрасно увеличиваетъ хронологическое разстояніе между Юниліемъ и Ефремомъ до двухъ столѣтій. Толкованія Ефрема Сирина писаны въ 363—370 гг. Книга Юнилія около 540, но вѣдь лежація въ основѣ ея чтенія Павла Низибійскаго преподавались въ Низибін, конечно, значительно раньше, такъ что между Ефремомъ Сириномъ и Юниліемъ, поскольку онъ отражаетъ въ своемъ сочиненіи мысли Павла, едва-ли слѣдуетъ считать больше полутора столѣтій.

На стр. 76 представляется, будто общее древне-церковное преданіе о посланіи къ евреямъ и объ евангеліи Матѳея мы узнаемъ только у Ефрема Сирина.

На 85 стр. названіе еврейской глагольной формы дважды написано почему-то въ разномъ видѣ—*Qual* и *Kal*.

Стр. 112: „изъясненіе очень часто получаетъ отрывочный характеръ, во многомъ напоминающій катенъ“. Но вѣдь для катенъ самое характерное то, что онѣ—выписки изъ разныхъ авторовъ.

На стр. 164—165 читаемъ: „историко-типологическія изъясненія Ефрема служатъ (?) повтореніемъ общеизвѣстныхъ и общепринятыхъ аллегорическихъ толкованій, унаслѣдованныхъ отъ Филона и т. д.“. Жаль, что авторъ вмѣсто доказательствъ этой мысли счелъ достаточнымъ просто сослаться на статью Жданова.

Въ 4 прим. къ 176 стр. рѣчь идетъ о числѣ писемъ Исидора. Въ полномъ собраніи его писемъ теперь 2012. По свидѣтельству Свиды, ихъ 3000, касающихся экзегетическихъ вопросовъ, и 7000 другихъ. „А Никифоръ Каллистъ, продолжаетъ авторъ, число писемъ Исидора увеличиваетъ до 1000“.

На стр. 189 авторъ приводитъ слова преп. Исидора: „писанное не важнѣе ненаписаннаго“—и дѣлаетъ примѣчаніе:

„Слѣдовательно авторитетъ Св. Писанія ничуть не превышаетъ авторитетъ Св. Преданія“. Прежде всего замѣтимъ, что рѣчи объ *авторитетѣ* Писанія и Преданія давно пора бы замѣнить мыслью объ авторитетѣ Церкви Соборной. Но главное, преп. Исидоръ подъ ненаписаннымъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ вовсе не преданіе. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ Іерем. 21, 31—33. Іоан. 6. 45. 2 Кор. 3, 3—мѣста, гдѣ говорится о законѣ, написанномъ въ мысляхъ и на сердцахъ, на скрижаляхъ сердца плотныхъ, а не на скрижаляхъ каменныхъ. Этотъ законъ едва-ли можно отождествлять съ преданіемъ.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, повторенія (стр. 73. 100), а также и цитаты изъ вторыхъ рукъ (стр. 9. 46. 125).

Неточно, конечно, выражается авторъ, когда говоритъ, будто Павелъ персъ является настоящимъ авторомъ сочиненія „*De partibus legis divinae*“ (стр. 15).

Слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя, немногія правда, стилистическія погрѣшности. „Твердое убѣжище“ (стр. 6). „въ своихъ апостольскихъ толкованіяхъ“ (стр. 74—рѣчь идетъ про толкованія Ефрема Сирина на апостольскія посланія). „*Трагедія* Златоуста“ (стр. 184). „Исидоръ *обожалъ* Златоуста“ (стр. 215).

Вотъ, пожалуй, и всѣ мелкіе недочеты, какіе слѣдуетъ отмѣтить въ сочиненіи о іеромонаха Іоасафа. Для обширнаго сочиненія въ 12—13 печатныхъ листовъ, конечно, ихъ очень немного и ихъ нужно выискивать, чтобы замѣтить. Указанныя же выше крупныя достоинства сочиненія о. Іоасафа, разумѣется, отъ этихъ мелкихъ недочетовъ ничего не теряютъ въ своей силѣ и убѣдительности. Эти достоинства—самостоятельность, тщательное изученіе источниковъ, сообщающее богатую содержательность, научная постановка работы и литературность изложенія—заставляютъ рецензента отозваться о сочиненіи о. іеромонаха Іоасафа съ рѣшительной похвалою и высоко его оцѣнить, автора же признать вполне и бесспорно достойнымъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ о пріемахъ и методахъ толкованія

Слова Божія у писателей-аскетовъ—вопросъ новый, не бывшій предметомъ спеціального изслѣдованія ни въ западной ни въ русской экзегетической наукѣ. Между тѣмъ важность этого вопроса очевидна: толкованія писателей-аскетовъ въ высшей степени оригинальны сами по себѣ, поучительны для насъ и цѣнны для исторіи экзегетики. Сочиненіе о. Іоасафа и посвящено разсмотрѣнію экзегетическихъ воззрѣній и пріемовъ троихъ наиболѣе видныхъ писателей-аскетовъ: преп. Ефрема Сирина, преп. Исидора Пелусіота и преп. Нила Синайскаго.

Методъ работы о. Іоасафа вполне научный. Свои спеціальныя изслѣдованія объ экзегезисѣ каждаго изъ названныхъ писателей-аскетовъ о. Іоасафъ предваряетъ разсмотрѣніемъ тѣхъ условій, подъ какими сложились экзегетическія воззрѣнія того или другого писателя-аскета, характеристикой тѣхъ направленій, тѣхъ методовъ толкованія, какіе существовали въ его времена, указаніемъ той школы, къ какой онъ принадлежалъ. Отсюда сужденія автора о названныхъ писателяхъ-аскетахъ, какъ толкователяхъ Слова Божія, приобращаютъ подъ собою устойчивую почву и становятся общеприемлемыми. Послѣ такихъ предвареній, обыкновенно краткихъ, но въ общемъ удовлетворительныхъ, авторъ обращается непосредственно къ характеристикѣ того или другого писателя-аскета, какъ экзегета. Здѣсь онъ сначала изслѣдуетъ общія воззрѣнія каждаго писателя-аскета на происхожденіе Свящ. Писанія, на его цѣль, характеръ и содержаніе, на его богодухновенность, и потомъ переходитъ къ выясненію экзегетическихъ пріемовъ и методовъ извѣстнаго писателя-аскета. Общій выводъ автора объ экзегетическихъ методахъ изучаемыхъ имъ писателей-аскетовъ таковъ: всѣ эти писатели стремились прежде всего къ буквально-историческому освѣщенію библейскаго текста, а затѣмъ, избѣгая крайностей аллегоризма Александрійской школы, пытались проникнуть во внутренній, мистическій смыслъ Свящ. Писанія, иногда внося въ него свои нравственно-аскетическія сентенціи. Свои сужденія авторъ обыкновенно подкрѣпляетъ буквальноными выдержками изъ названныхъ писателей-аскетовъ, чьи творенія онъ изучалъ преимущественно въ русскомъ переводѣ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ обращался и къ другимъ, болѣе полнымъ и авторитетнымъ изданіямъ. Такъ

напр. Ефрема Сирина онъ изучалъ и по римскому изданію *Assemani*, о чемъ свидѣлствуютъ его удачныя переводы и дополненія къ русскому изданію, напр. на сс. 96—97.

Будучи удовлетворительнымъ и по методу и по содержанію, сочиненіе о. Іоасафа не чуждо однако и недостатковъ.

Во-первыхъ, бросается въ глаза неустойчивость и неопредѣленность, а иногда и противорѣчивость нѣкоторыхъ сужденій автора. Авторъ не смогъ вполне ясно и отчетливо установить отношеній преп. Ефрема Сирина къ еврейскому и греческому переводамъ Свящ. Писанія. На с. 86 онъ говоритъ, что пр. Ефремъ, благодаря знанію еврейскаго языка, могъ свободно оперировать надъ еврейскимъ подлинникомъ и правильно опредѣлять смыслъ библейскихъ словъ и выраженій, а на сс. 87—89 онъ приводитъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о незнакомствѣ преп. Ефрема съ еврейскимъ языкомъ. На с. 90 авторъ примиряетъ это противорѣчіе общей фразой: „было бы несправедливымъ (о), писать онъ, совершенно отрицать знаніе (преп.) Ефремомъ еврейскаго языка на основаніи только что перечисленныхъ неудачныхъ мѣстъ“ пользованія еврейскимъ языкомъ. Но авторъ оставляетъ открытымъ вопросъ, чѣмъ же объяснить наличность у преп. Ефрема неудачныхъ поясненій и переводовъ еврейскаго подлинника. Такая же неустойчивость замѣчается у автора и въ рѣшеніи имъ вопроса объ отношеніи преп. Ефрема и къ греческому переводу. Есть у автора и прямыя противорѣчія. Такъ на с. 13 онъ говоритъ, что сочиненіе „*De partibus legis divinae*“ „несомнѣнно“ принадлежитъ Юнилію Африканскому, а дальше—на с. 15—онъ пишетъ, что „настоящимъ авторомъ этого сочиненія является“ не Юнилій, а нѣкій Павелъ персъ, митр. Низибійскій.

Во-вторыхъ, авторъ не вездѣ изслѣдуетъ подлежащія его изученію вопросы съ достаточной полнотой. Такъ, прежде всего, онъ не объясняетъ, почему изъ многихъ писателей-аскетовъ, толковавшихъ Слово Божіе, онъ остановился именно на названныхъ троихъ—преп. Ефремъ, преп. Исидоръ и преп. Нилъ Синайскомъ. Правда, въ заключеніи своего сочиненія авторъ очень кратко приводитъ взглядъ на Свящ. Писаніе и другихъ, кромѣ названныхъ, подвижниковъ: аввы Исаака

Сириянина, преп. Макарія Егип., аввы Дороея, еп. Игнатія Брянчанинова. Но и интересы науки и личное служение автора должны были бы побудить его удѣлить болѣе вниманія и другимъ извѣстнымъ писателямъ-аскетамъ, какъ толкователямъ Слова Божія. Далѣе, разсужденія автора объ историко-грамматическомъ методѣ толкованія у преп. Исидора Пелусіота очень кратки, почти конспективны. Слѣдовало бы привести здѣсь нѣсколько иллюстрацій, наиболѣе типичныхъ, изъ твореній этого подвижника. Наконецъ, главу III-ью о преп. Нилѣ Синайскомъ, какъ экзегетѣ, авторъ заканчиваетъ такъ: „если для нѣмецкаго ученаго (Кihn'a) толковательныя творенія Синайскаго подвижника ничего не говорятъ, то для насъ они говорятъ о многомъ и (,) главнымъ образомъ, какъ толкованія писателя-аскета“ (с. 265). Жаль, что авторъ не развилъ этого послѣдняго положенія. А потому „говореніе о многомъ“ преп. Нила можетъ остаться для читателя только субъективнымъ заявленіемъ автора, притомъ, можетъ быть, даже тенденціознымъ.

Въ-третьихъ, рецензентъ не можетъ не обратить вниманія на нѣкоторые неудачные стилистическіе обороты автора (напр. на с. 210: „Преп. Исидоръ въ толкованіи Св. Писанія не чуждъ образцовъ и типовъ“, на с. 272: „взглядъ на сущность его значенія“ и др.) и особенно на безграмотную переписку сочиненія, за что отвѣтствененъ, конечно, не переписчикъ, а авторъ, обязанный передъ подачей своего сочиненія тщательно его просмотрѣть.

Но указанные недостатки сочиненія о. Іоасафа искупаются правильнымъ методомъ работы и ея удовлетворительнымъ содержаніемъ. Работа во всякомъ случаѣ сдѣлана съ большимъ успѣхомъ для начинающаго работника и, конечно, оставитъ свой добрый слѣдъ въ сознаніи и сердцѣ автора—монаха. Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

53) О сочиненіи студента *Шмелева Василія* на тему: „Божія Матерь въ сознаніи русскаго народа по даннымъ народного творчества“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Выяснивъ во введеніи тѣ основные источники, на осно-

ваніи которыхъ складывались русскія народныя представленія о Божіей Матери, авторъ говоритъ: „Насколько намъ позволяли средства, мы старались показать, откуда именно въ народномъ сознаніи та или другая черта, тотъ или другой мотивъ. Это было руководящимъ принципомъ нашей работы. Въ общемъ же наша задача состояла въ томъ, чтобы начертать цѣльный и стройный образъ Божіей Матери, какъ оны сложился въ сознаніи народа и выразился въ памятникахъ народнаго творчества“ (стр. VI). Примѣняя къ дѣлу упомянутый принципъ для осуществленія поставленной задачи, авторъ раздѣляетъ свое сочиненіе на три главы, въ которыхъ а) устанавливаетъ общую зависимость русскихъ народныхъ представленій о Богоматери отъ Византіи, являющейся расадницей Ея культа на Западѣ и въ Россіи (гл. I), б) подробно разсматриваетъ историческіе моменты жизни Божіей Матери, какъ они отразились въ сознаніи русскаго народа, начиная отъ мысли о Ея предвѣчномъ существованіи и кончая повѣствованіемъ о Ея успеніи (гл. II), и в) обстоятельно обрисовываетъ нравственный обликъ Божіей Матери и ея служеніе страждущему человѣчеству—по народнымъ представленіямъ.

Такимъ образомъ сфера темы исчерпана въ сочиненіи вполне достаточно и планомѣрно. Въ основу всего сочиненія положено широкое, потребовавшее усидчивыхъ занятій, поисковъ и сличеній, изученіе памятниковъ народной словесности, разбросанныхъ въ многочисленныхъ изданіяхъ. Извлеченныя изъ разнообразныхъ народныхъ произведеній подробности, выражающія народныя представленія о Божіей Матери, критически проанализированы и подъ перомъ автора складываются въ мозаическое, но явственное, идейно объединенное, изображеніе, въ которомъ даже общеизвѣстныя частности вступаютъ въ живыя и интересныя сопоставленія. Изложеніе—последовательное, продуманное и съ литературной стороны положительно безукоризненное.

Если группировкѣ оперируемаго народнаго матеріала въ сочиненіи недостаетъ болѣе точно выраженнаго хронологическаго момента, то въ этомъ въ большинствѣ случаевъ авторъ не виноватъ: хронологическія приуроченія произведеній народнаго творчества представляютъ большія затрудненія и иногда оказываются совсѣмъ невозможными.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ автору, повидимому, осталась неизвѣстной научная литература, въ которой затрагиваемые имъ народныя сюжеты освѣщаются съ сравнительной точки зрѣнія. Иногда авторъ слишкомъ большое значеніе придаетъ отрывочнымъ, случайнымъ выраженіямъ въ народныхъ произведеніяхъ, обобщая эти выраженія и поспѣшно строя на основаніи ихъ народныя представленія (стр. 91 и др.). Но эти мелкіе недочеты сочиненія не имѣютъ никакого вліянія ни на послѣдовательность мыслей, ни на окончательныя выводы.

Въ общемъ сочиненіе представляетъ собою настолько содержательный и обработанный трудъ, что появленіе его въ печати далеко не было бы смѣлостью со стороны автора.

Степени кандидата богословія онъ неоспоримо достоинъ”.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попови*:

„Работа г. Шмелева полно и всесторонне освѣщаетъ вопросъ темы. Послѣ краткаго изложенія исторіи культа Богоматери въ Византіи и въ западной церкви, онъ переходитъ къ выясненію религіозныхъ представленій русскаго народа, отразившихся въ произведеніяхъ безыскусственнаго народнаго творчества—въ былинахъ, духовныхъ стихахъ, заговорахъ, пѣсняхъ, причитаніяхъ и т. п. Весь обширный матеріалъ, собранный авторомъ, раздѣленъ на три главы. Въ первой раскрывается взглядъ народа на высокое достоинство Божіей Матери и на ея власть надъ духами, стихіями, царствомъ природы и человѣкомъ. Вторая глава показываетъ, какъ преломились въ сознаніи русскаго народа библейское повѣствованіе и апокрифическія сказанія о различныхъ моментахъ исторической жизни Богоматери—объ ея рожденіи, о благовѣщеніи, о рожденіи ею Сына Божія, бѣгствѣ въ Египеть. Наконецъ, третья глава изображаетъ сложившійся въ сознаніи народа нравственный обликъ Богоматери, какъ покровительницы чистоты и ходатайницы за грѣшный родъ человѣческой.

Но авторъ не ограничился всестороннимъ систематическимъ изложеніемъ воззрѣній русскаго народа на лицо, значеніе и дѣятельность Божіей Матери, но постарался прослѣдить генезисъ этихъ иногда очень своеобразныхъ и на первый взглядъ странныхъ представленій и образовъ. Источникъ

ихъ онъ указываетъ или въ православномъ богослуженіи, не всегда правильно понятомъ, или въ иконографіи Богоматери, или въ апокрифическихъ сказаніяхъ, перешедшихъ на Русь съ Востока или Запада. Это даетъ ему возможность не только правильно истолковать значеніе извѣстныхъ образовъ, но во многихъ случаяхъ очень удачно опредѣлить мѣсто и время ихъ зарожденія. Изъ этого достаточно видна научность метода, которымъ авторъ руководился.

Въ литературномъ отношеніи сочиненіе безукоризненно.

Степени кандидата богословія авторъ вполне заслуживаетъ“.

54) О сочиненіи студента *Янева Петра*, на тему: „Методика русской и церковно-славянской грамоты въ трудахъ русскихъ педагоговъ послѣдняго полу столѣтія.“

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостыкина*:

„Сочиненіе г. Янева (стр. 325) отличается достаточною полнотою содержанія, отчетливостью плана и ясностью изложенія. Изучивъ наиболѣе извѣстныя и распространенныя методики *русской* грамоты, г. Яневъ далъ правильную характеристику методовъ обученія *буквослагательнаго* (въ его видахъ—слоγοпронзносительномъ и слоγοгадательномъ) и *звукового* (съ его подраздѣленіями на синтетическій, аналитическій, аналитико-синтетическій, методъ совмѣстнаго обученія письму—чтенію, методъ чтенія—письма и методъ нормальныхъ словъ) съ разьясненіемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ.

Почти столь же обстоятельно изслѣдуетъ авторъ и вопросъ о методахъ обученія *церковно—славянской* грамотѣ.

Критическія замѣчанія г. Янева, не отличаясь научной глубиною и оригинальностью мысли, свидѣтельствуютъ, однако-же, о широкой начитанности его и довольно близкомъ знакомствѣ съ педагогическимъ дѣломъ на практикѣ. Виденъ интересъ автора къ избранному предмету изслѣдованія и добросовѣстно-вдумчивое отношеніе къ существующей литературѣ о немъ.

Встрѣчающіеся по мѣстамъ стилистическіе и орѳографическіе недосмотры, къ сожалѣнію, нѣсколько портятъ общее

благоприятное впечатлѣніе, получающееся при чтеніи разсматриваемаго труда.

Для степени кандидата богословія сочиненіе г. Яснева должно быть признано вполне удовлетворительнымъ.“

б) И. д. доцента священника *И. М. Смирнова*:

„Грамотность есть извѣстнаго рода пріобрѣтенная способность правильнаго, т. е. общепринятаго, письма, которое, въ силу опредѣленныхъ ассоціацій мускульныхъ и нервныхъ движеній руки, рукодвигательныхъ и зрительныхъ воспоминаній, сдѣлалось автоматическимъ. Только такая грамотность,—когда пишущій совершенно не думаетъ о томъ, гдѣ поставить какую букву, а замѣчаетъ буквы лишь по ихъ написаніи,—только такая грамотность и желательна, ибо только при ней мысль о буквахъ не будетъ прерывать теченіе мыслей при ихъ изложеніи. Слѣд., при обученіи грамотности нужно привить психофизиологическимъ органамъ, благодаря которымъ образуется процессъ чтенія и письма, искусство такого *грамотнаго* ихъ функционированія. Отсюда, для теоретическаго разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ по методикѣ преподаванія правописанія и первоначальнаго чтенія необходимо ясно представлять себѣ внутренній строй языка, т. е. тѣ детальныя данныя изъ психофизиологии языка, которыя, ассоціируясь извѣстнымъ образомъ между собою, являются нормальными орудіями для надобностей рѣчи и письма. Отсюда, только тотъ критерій можетъ быть употребленъ въ качествѣ научнаго руководящаго начала при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ методологическихъ пріемовъ по обученію чтенію и письму, который основанъ на психофизиологическомъ принципѣ. Такого, единственно строго-научнаго критерія мы должны были бы, собственно говоря, ожидать и отъ г. Яснева при выполненіи имъ своей работы:—историко—критическомъ обзорѣ методовъ и пріемовъ по обученію русской и ц.—славянской грамоты въ трудахъ педагоговъ послѣдняго полустолѣтія,—если - бы, конечно, существующія методики преподаванія имѣли въ своемъ основаніи не грубый поверхностный эмпиризмъ, наблюденія преподавательской практики, а данныя психофизиологии. Но вѣдь странно было бы, конечно, требовать отъ г. Яснева—неофита (почти) въ дѣлѣ педагогическомъ—быть знакомымъ съ новѣйшими работами

по вопросу, требовать въ то время, когда большая часть преподавателей—педагоговъ даже не подозрѣвала до послѣдняго времени о возможности существованія научно обоснованной методики преподаванія чтенія и правописанія.—Поэтому, отмѣчая ненаучность приѣмовъ разбираемой работы, мы все же не ставимъ этого въ вину автору. Мы вправѣ разсматривать настоящую работу лишь въ предѣлахъ требований, предъявляемыхъ традиціей современной педагогикѣ къ аналогичнаго рода изслѣдованіямъ. А въ этой области—при отсутствіи указанныхъ научныхъ руководящихъ началъ—возможенъ лишь одинъ критерій,—это наблюденія *опыта*, собственной или чужой педагогической практики, въ соединеніи съ личными „мнѣніями“ авторитетныхъ педагоговъ и выводами общихъ соображеній разума. Съ точки же зрѣнія *такихъ общепринятыхъ приѣмовъ традиціонной педагогической критики*—историческое обзорѣніе г. Яснева выполнено съ успѣхомъ. Въ качествѣ критерія онъ употребляетъ отчасти свой небольшой педагогическій опытъ, отчасти общія соображенія разума (—„руководясь здравыми дидактическими основаніями,“ какъ онъ выражается на стр. 259), но главнымъ образомъ онъ пользуется уже готовыми указаніями болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ руководителей,—составителей различныхъ методикъ, что доказывается обиліемъ цитатъ подобнаго рода. Отсюда понятно, что трудъ г. Яснева не бьетъ на оригинальность выводовъ, которой, впрочемъ, здѣсь едва ли и можно спрашивать. Здѣсь видно лишь добросовѣстное стремленіе автора выполнить данную ему задачу съ достаточною полнотою и возможной оцѣнкой, подъ угломъ зрѣнія традиціи, конечно. Исторія способовъ обученія русской грамотѣ у него представлена методами: буквослагательнымъ въ его видахъ—силлабическимъ слогопроизводительнымъ и силлабическимъ слогогадательнымъ—и звуковымъ съ подраздѣленіями на синтетическій, аналитическій, аналитико—синтетическій, м. совмѣстнаго обученія письму—чтенію; м. чтенія—письма, м. нормальныхъ словъ. Это перечисленіе показываетъ, что не мало нужно было просмотрѣть матеріала, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе какъ о самомъ методѣ, такъ и о его удѣльномъ вѣсѣ. И дѣйствительно, автору пришлось проштудировать до 40 методикъ) 27 изъ нихъ по русской грамотѣ и 13 по ц.-славянской).

наиболѣе оригинальныхъ и достойныхъ въ какомъ либо отношеніи замѣчанія, и до сотни статей. Но отмѣчая положительныя стороны работы г. Яснева, я не могу обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ дефектовъ, касающихся внѣшней ея стороны: дефектовъ, правда, не особенно серьезныхъ въ отдѣльности, но тѣмъ не менѣе понижающихъ общую цѣнность сочиненія. Прежде всего не вездѣ обработанъ языкъ, встрѣчаются (и не рѣдко) не совсѣмъ удачныя выраженія, какъ напр.—„изучая азбуку по Ильминскому, кромѣ того, что слишкомъ надолго замедлится успѣхъ чтенія и самое то обученіе носить механической характеръ“ (стр. 267); еще: „на первыхъ порахъ своего существованія люди, такъ какъ не были знакомы съ искусствомъ чтенія и письма, то обмѣнъ мыслей между собой совершали устно“ (стр. 1; а также см. стр. 7, 193, 233, 283, 207:—„успѣхъ въ чтеніи опереживаетъ успѣхъ въ письмѣ“). Затѣмъ, авторъ встрѣчаетъ, повидимому, не малыя затрудненія при обращеніи съ знаками препинанія. Такъ, когда мысль бываетъ заключена въ нѣсколькихъ предложеніяхъ (а авторъ любитъ, кстати, выражаться большими періодами), то сразу бросается въ глаза какая то стѣснительность автора по отношенію къ этимъ знакамъ. Онъ или ставитъ излишніе знаки (напр. *вм.,—*); или же совсѣмъ избѣгаетъ ихъ (напр. 37, 41, 312 и мн. др. стр.). Почему то, далѣе, онъ систематически избѣгаетъ ставить знакъ вопроса, напр. стр. 242, 267, 312, 298, 283, 273. Нѣкоторыя же другія неправильности правописанія я отношу прямо лишь къ недосмотру автора, который, очевидно, не потрудился провѣрить какъ слѣдуетъ переписчика. Думаю, что только такимъ путемъ произошли такія явленія, какъ отдѣленіе подлежащаго отъ сказуемаго запятой (см. 252 стр., 261), прописная буква послѣ запятой (269 стр.); или же превращеніе греч. *ἡ μέθοδος* въ какое то *ἡέθδος* (8 стр.) и пр. мелочи.

Но, конечно, эти погрѣшности не настолько серьезны, чтобы могли послужить помѣхой признать сочиненіе Яснева вполне достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія.“

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—

а) § 164: „При составленіи списка по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ на IV курсѣ принимаются во внима-

ніе успѣхи студентовъ за всѣ годы академическаго обученія“.

б) § 165: „Студенты IV курса, представившіе удовлетворительное курсовое сочиненіе и за все пребываніе въ Академіи не получившіе ни одного неудовлетворительнаго балла, утверждаются въ степени кандидата богословія и причисляются: при среднемъ выводѣ за всѣ года обученія не менѣе $4\frac{1}{2}$ къ первому разряду, а при среднемъ выводѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$ —ко второму“.

в) § 166: „Студенты, оказавшіе за время обученія въ Академіи удовлетворительные или и лучшіе успѣхи, но представившіе сочиненіе, неудовлетворительное для степени кандидата богословія, или вовсе, по уважительной причинѣ не представившіе сочиненія, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“.

г) § 167: „Въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсового сочиненія безъ уважительной причины, онъ выпускается изъ Академіи съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ“.

д) § 168: „Лица, выпущенныя изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента по неудовлетворительности курсового сочиненія, могутъ впослѣдствіи получить степень кандидата богословія, если представятъ соотвѣтствующее цѣли сочиненіе, вновь написанное или передѣланное изъ прежняго неудовлетворительнаго. Если же причиной неполученія кандидатской степени былъ недостаточный средній баллъ по устнымъ отвѣтамъ или письменнымъ работамъ, то для полученія названной степени требуется болѣе удовлетворительная сдача устныхъ испытаній или письменныхъ работъ по тому предмету, по которому имѣются недостаточные баллы“.

е) § 171: „Кандидаты богословія, числящіеся по первому разряду, пользуются правомъ на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній. Числящіеся по второму разряду должны, для удостоенія степени магистра богословія, выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ они получили баллъ ниже 4“.

2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 8—20 января 1911 года за № 93, между прочимъ постановлено: „Совѣты духовныхъ академій, по окончаніи учебнаго года: 1) препро-

вождаютъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ 1 іюля требуемые, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590, списки окончившихъ курсъ духовныхъ академій съ указаніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія и точнаго адреса, б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ причины выставленія пониженныхъ балловъ по поведенію, в) долга ихъ духовному вѣдомству за казенное содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, 2) вмѣстѣ съ сими списками обязательно сообщаютъ Учебному Комитету отзывы о томъ, на какую преподавательскую кафедру и на какую вообще должность въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ наиболѣе способнымъ признаетъ Совѣтъ Академіи каждаго изъ окончившихъ курсъ духовной Академіи, какъ обязанныхъ службою духовному вѣдомству, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ кандидатовъ, кои изъявили желаніе служить въ семъ вѣдомствѣ, и 3) въ дополненіе къ своимъ отзывамъ могутъ прилагать и подробныя заявленія окончившихъ курсъ воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи“. — Упомянутыя здѣсь (п. 3) „заявленія“ поступили въ Совѣтъ Академіи отъ 50 воспитанниковъ, оканчивающихъ нынѣ академической курсъ.

3) Циркулярнымъ указомъ *отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3* Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій, установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ, на казенномъ содержаніи, а равно и воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но по окончаніи академическаго

курса заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступають въ вѣдѣніе Центрального Управленія сего вѣдомства.—2) Начальства духовныхъ академій выдають таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими акадеческаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родоприсхожденіи и др., а также взятые у нихъ точные адреса ихъ мѣстожительства, — препровождаются Совѣтами академій вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожительства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету“.

4) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи не пользовались: *Андреевъ* Ѳеодоръ, *Сперанскій* Василій и священникъ *Черниковъ* Николай. — Всѣ они заявили Совѣту о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.

5) По § 109 лит. б, п 8 академическаго устава „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія (§§ 165 и 166)“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Андреева Ѳедора,
Архангельскаго Алексѣя,
Никольскаго Николая,
Іером. Іеронима (Чернова),
- 5) Кочанова Николая,
Кряжмскаго Александра,
Ремезова Александра,
Иванова Петра,
Бойкова Николая,

- 10) Свящ. Прозорова Николая,
Романова Александра,
Свящ. Сокольскаго Павла,
Гражданскаго Тихона,
Мальгина Павла,
- 15) Веселова Ивана,
Соколова Николая,
Гером. Иоасафа (Шишковскаго),
Курсина Анатоля,
Аболенскаго Александра,
- 20) Олесевича Сергья,
Зыкова Ивана,
Виноградова Павла,
Лебедева Николая,
Свящ. Соколова Иоанна,
- 25) Троицкаго Анатоля,
Свящ. Полякова Иоанна и
- 27) Шмелева Василия—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ къ *первому* разряду и предоставленіемъ имъ права на получеііе степени магистра богословія безъ новыѣхъ устныхъ испытаній;

- Виноградова Сергья,
Сидоренкова Алексья,
- 30) Скворцова Сергья,
Благовѣщенскаго Викторина,
Свящ. Вышеславова Михаила,
Пылаева Владиміра,
Полунина Михаила,
- 35) Левкоева Владиміра,
Кавделаки Мелхиседека,
Тихомирова Александра,
Свящ. Часоводова Иоанна,
Моловидова Ивана,
- 40) Августова Дмитрія,
Бондарева Θεодота,
Лисняка Діонисія,
Веселовскаго Александра,
Свящ. Черникова Николая.
- 45) Юнина Александра,

- Зедгенизева Василя,
Корневскаго Анатоля,
Семенова Андрея,
Богдановича Ивана,
50) Введенскаго Александра,
Миртова Владимира,
Яснева Петра,
Глинскаго Ивана и
54) Сперанскаго Василя—

удостоятъ степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ ихъ ко *второму* разряду;

Годеновскаго Василя и

- 56) Рождественскаго Сергѣя—

удостоятъ званія *дѣйствительнаго студента*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ курсовыхъ сочиненій,—каковое постановленіе и представитъ на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

Въ случаѣ утвержденія Его Высокопреосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. I-мъ,—

2) Препроводитъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ всѣхъ окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложеніемъ подлинныхъ заявленій 50 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента, препроводитъ въ Учебный Комитетъ и всѣ документы означенныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ оставлены при Академіи въ званіи преподавателей или профессорскихъ стипендіатовъ.

IV. а) Предложеніе *Преосвященнаго Ректора Академіи*:

„Имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ оставленіи при Академіи на годичный срокъ кого-либо изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитан-

никовъ Академіи въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ.— Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что, въ силу предоставляемаго мнѣ § 76-мъ академическаго устава права, я намѣренъ ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о предоставленіи одной изъ вакансій профессорскихъ стипендіатовъ, предназначенныхъ исключительно для замѣщенія наиболѣе даровитыми, окончившими образование въ Академіи по первому разряду *монахами*,—удостоенному нынѣ степени кандидата богословія *іеромонаху Іерониму (Чернову)*, занявшему въ разрядномъ спискѣ своихъ товарищей по выпуску четвертое мѣсто“.

б) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова*:

„Имѣю долгъ обратить вниманіе Совѣта Академіи на оканчивающаго въ нынѣшнемъ учебномъ году курсъ академическихъ наукъ студента *Кочанова*. По моимъ четырехлѣтнимъ наблюденіямъ онъ обѣщаетъ дать многое семитической лингвистикѣ, нужной, какъ база для Библейскаго богословія, а поэтому не признаетъ ли Совѣтъ возможнымъ оставить г. Кочанова для усовершенствованія на годъ при Академіи въ качествѣ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата, возбудивъ соответственное ходатайство предъ Высшею Властью, причемъ считаю нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ оставленія г. Кочанова при Академіи никакихъ ходатайствъ объ ассигнованіи на его содержаніе возбуждаемо не будетъ“.

в) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій *А. П. Орлова* и доцента по первой кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *іеромонаха Иларіона (Троицкаго)*:

„Окончившій въ текущемъ году академическій курсъ студентъ *Александръ Ремезовъ*, занимая въ теченіе четырехлѣтняго обученія въ Академіи 4—7 мѣста въ разрядномъ спискѣ, въ достаточной степени заявилъ себя очень способнымъ и трудолюбивымъ студентомъ. Его кандидатское сочиненіе, посвященное характеристикѣ и оцѣнкѣ богословскихъ воззрѣній крупнѣйшаго представителя католическаго модернизма

во Франціи—Альфреда Луази, обнаруживаетъ въ г. Ремезовѣ незаурядное умѣніе научнаго выясненія сложныхъ историческихъ теченій, и даетъ основанія думать, что послѣ надлежащей обработки его авторомъ, оно явится дѣльной магистерской диссертацией. При этой обработкѣ своего сочиненія г. Ремезову необходимо будетъ углубить анализъ сочиненій Луази и шире раскрыть историческую перспективу его воззрѣній, изучивъ модернистическое движеніе въ католичество въ возможности во всей полнотѣ его идейнаго содержанія. Но успѣшное выполненіе такого рода работы, затрагивающей различныя области богословско-историческихъ наукъ, возможно лишь при широкомъ пользованіи академической библіотекіи и подъ ближайшимъ руководствомъ со стороны преподавателей соответствующихъ академическихъ дисциплинъ. Въ виду вышеизложеннаго мы позволяемъ себѣ войти въ Совѣтъ Академіи съ предложеніемъ, не найдеть ли онъ возможнымъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ остановленіи г. Ремезова сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ на 1913/14 учебный годъ по кафедрѣ Исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій. Въ матеріальной субсидіи для своего содержанія при Академіи г. Ремезовъ не нуждается“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи—а) § 73: „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи“; б) § 75: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленном штатомъ размѣрѣ“ (нынѣ, за 3⁰/₀-нымъ вычетомъ на пенсіи,— по 679 рублей въ годъ каждый); в) § 76: „Сверхъ того, въ каждой Академіи имѣются двѣ вакансіи профессорскихъ стипендіатовъ, предназначенныя исключительно для замѣщенія наиболѣе даровитыми, окончившими образованіе въ Академіи по первому разряду, монахами. Замѣщеніе этихъ вакансій предоставляется мѣстному Епархіальному Архіерею по

представленіямъ ректора Академіи. Монахи-стипендіаты, пользуясь отъ Академіи содержаніемъ и столомъ, получаютъ пособие изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода.—2) Рекомендуемые экстраординарными профессорами—священникомъ Е. А. Воронцовымъ, А. П. Орловымъ и доцентомъ іеромонахомъ Иларіономъ воспитанники Академіи *Кочановъ Николай* и *Ремезовъ Александръ* заняли въ разрядномъ списокѣ: первый—пятое, второй—седьмое мѣсто.—3) По § 109 лит. б п. 2 академическаго устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія“ значителенъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) За избраніемъ занимающаго въ разрядномъ списокѣ первое мѣсто *Федора Андреева* на преподавательскую должность при Академіи по кафедрѣ систематической философіи и логики,—оставить при Академіи на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, занявшихъ въ томъ же списокѣ второе и третье мѣста,—*Алексея Архангельскаго* (по кафедрѣ исторіи философіи) и *Николая Никольскаго* (по кафедрѣ исторіи русской церкви), съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго 1913 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высочайшаго Священства.—2) Признавая вышеизложенныя представленія экстраординарныхъ профессоровъ священника Е. А. Воронцова и А. П. Орлова и доцента іеромонаха Иларіона заслуживающими уваженія,—просить ходатайства Его Высочайшаго Священства предъ Святѣйшемъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить при Академіи на 1913—1914 учебный годъ въ званіи *сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ* окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Академіи *Николая Кочанова* (по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей) и *Александра Ремезова* (по кафедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій),—безъ назначенія имъ содержанія изъ Синодальныхъ или академическихъ суммъ.—3) Прочее принять къ свѣдѣнію.

V. Занимались составленіемъ *рописанія повѣрочныхъ ис-*

пытаний студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августъ мѣсяцъ текущаго 1913 года для поступления въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса.

Справка: По § 109 лит. б п. 7 устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ комиссій“ значитя въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Проектъ расписанія повѣрочныхъ испытаній представить при журналѣ настоящаго собранія на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 іюня 1913. Исполнить“.

10 іюня 1913 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессора П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Въ собраніи семь окончившій въ текущемъ году полный академическій курсъ и удостоенный Совѣтомъ Академіи степени кандидата богословія перваго разряда воспитанникъ

Императорской Московской Духовной Академіи *Оддоръ Андреевъ* прочиталь, согласно резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 29 мая и опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня сего 1913 года, двѣ пробныя лекціи *по систематической философіи*: одну на тему по собственному избранію — „Московскіе Шеллингянцы и „Вертеръ“, другую— по назначенію Совѣта Академіи: „Первое произведеніе Канта“.

Объ лекціи, прочитанныя г. Андреевымъ, Совѣтъ Академіи единогласно призналъ удовлетворительными, а лектора—достойнымъ избранія на должность преподавателя Академіи по вакантной каедрѣ *систематической философіи и логики*.

Справка. 1) Устава духовныхъ академій—а) § 70: „При открывшейся вакансіи штатнаго преподавателя профессора Академіи представляютъ ректору своихъ кандидатовъ съ подробной ихъ рекомендаціей и съ указаніемъ на ихъ ученые труды, если таковые имѣются. Ректору же подають прошенія и другія лица, желающія занять освободившуюся каедрѣ“; б) § 71: „Ректоръ, по собраніи необходимыхъ свѣдѣній, представляетъ Архіерею списокъ кандидатовъ съ своимъ заключеніемъ о каждомъ изъ нихъ. Архіерею предоставляется исключить изъ этого списка тѣхъ кандидатовъ, которыхъ онъ признаетъ нежелательными на академической службѣ, о прочихъ же онъ предлагаетъ Совѣту для назначенія имъ двухъ пробныхъ лекцій каждому: одной—на тему по собственному избранію, а другой—по назначенію Совѣта. Совѣтъ, по сравнительной оцѣнкѣ прочитанныхъ лекцій, избираетъ наиболѣе, по его мнѣнію, достойнаго кандидата, котораго и представляетъ къ утвержденію установленнымъ порядкомъ“; в) § 118: „По дѣламъ объ избраніи кандидатовъ въ преподаватели въ журналъ Совѣта вносится подробное изложеніе высказанныхъ мнѣній съ приложеніемъ письменныхъ рекомендацій преподавателей Академіи о кандидатахъ, и журналъ этотъ въ цѣломъ видѣ представляется на разсмотрѣніе Св. Синода“.—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 5 іюня текущаго 1913 года, № 8.—3) По § 109 лит. в п. 2 академическаго устава „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ и профессоровъ (§§ 70—71)“ значитя въ

числѣ дѣль Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи окончившаго академической курсъ и удостоеннаго Совѣтомъ Академіи степени кандидата богословія *Теодора Андреева* въ должности преподавателя Императорской Московской Духовной Академіи по кафедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т.-е. съ 16 августа 1913 года.—2) Журналъ собранія Совѣта Академіи 5 іюня с. г., № 8,—по дѣлу о замѣщеніи означенной вакантной кафедры, — приложить къ журналу настоящаго собранія, для представленія Святѣйшему Синоду.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 іюня 1913. Согласенъ“.

2 сентября 1913 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.—Съ правомъ совѣщательнаго голоса: доценты—Н. В. Лысогорскій и Н. Л. Туницкій; и. д. доцента—Ф. М. Россейкинъ, священникъ И. В. Гумилевскій, священникъ І. М. Смирновъ, іеромонахъ Варсоломей (Ремовъ), священникъ В. І. Зыковъ и Ф. К. Андреевъ; лекторы новыхъ языковъ—священникъ Н. А. Преображенскій и Г. Я. Томсонъ.

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: и. д. ординар-

наго, заслуженный профессор А. П. Шостыинъ, ординарные профессора—С. И. Соболевскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ и А. П. Орловъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „19 іюня 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 15 іюня за № 17:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 Мая сего года за № 2159, журналъ Комитета, № 336, о вызовѣ въ составъ новообразуемыхъ въ 1913 году курсовъ Императорскихъ духовныхъ академій воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій. Приказали: Разсмотрѣвъ изъясненныя въ представленіяхъ Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго и Архіепископа Казанскаго предположенія академическихъ Совѣтовъ относительно вызова къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскія духовныя академіи окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій и донесенія епархіальныхъ и семинарскихъ начальствъ о числѣ воспитанниковъ, признанныхъ благонадежными для прохожденія академическаго курса, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) изъ числа рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами воспитанниковъ духовныхъ семинарій вызвать къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ академіи въ 1913 году 78 воспитанниковъ, а именно: въ С.-Петербургскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Новгородской, Олонецкой, Рижской, Тверской, Холмской, Псковской, Литовской, Волинской, Воронежской, Полтавской, Таврической, Владимірской, Вологодской, Калужской, Костромской, Орловской, Ярославской, Рязанской, Вятской и Симбирской; въ Московскую академію 20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Новгородской, Подольской, Нижегородской, Тверской, Пензенской, Курской, Тамбовской, Тульской, Ярославской, Виванской, Владимірской, Вологодской, Калужской, Смоленской, Самарской и Тобольской и трехъ воспитанниковъ изъ Московской семинаріи; въ Кіевскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Ви-

тебской, Минской, Могилевской, Тверской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Кишиневской, Одесской, Курской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Донской, Орловской, Тамбовской, Рязанской и Томской и двухъ воспитанниковъ изъ Кіевской семинаріи, и въ Казанскую академію 18,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Тверской, Владимірской, Нижегородской, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской, Астраханской, Вятской, Иркутской, Казанской, Пермской, Самарской, Симбирской, Томской, Уфимской, Александровской и Саратовской, 2) поручить Совѣтамъ Императорскихъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новообразованныхъ курсовъ, съ указаніемъ принятыхъ въ число студентовъ этихъ курсовъ какъ по вызову изъ духовныхъ семинарій, такъ и волонтеровъ, и 3) поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они а) неуклонно исполняли, при представленіи воспитанниковъ для вызова въ духовныя академіи, всѣ требованія, изложенныя въ указахъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго представленія относящихся къ сему свѣдѣній, такъ и полноты послѣднихъ, касательно общаго числа учащихся въ семинаріяхъ и въ VI классѣ, а также и успѣховъ рекомендуемыхъ воспитанниковъ, въ среднемъ выводѣ по наукамъ за первые 5 классовъ и въ годовомъ баллѣ за VI классъ, б) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ для поступленія въ академіи какъ по способностямъ, успѣхамъ и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, в) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 Марта 1871 года за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія—отъ вступленія на духовно-учебную службу, г) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи

таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ, и д) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 5 Мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для исполненія изложеннаго опредѣленія послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ епархіальныхъ Преосвященныхъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „24 іюня 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 20 іюня за № 9636:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложенный за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 17 Мая 1913 г. за № 2064, журналъ Учебнаго Комитета, № 300, по прошенію вольнослушателя Императорской Московской духовной академіи, студента Аѳинскаго университета, монаха *Гавріила Цукаласа* о зачисленіи его въ число студентовъ академіи безъ приѣмныхъ испытаній, и 2) предложенные Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 17 того же Мая за № 5617, а) прошеніе монаха Цукаласа о томъ же, и б) объяснительное отношеніе Вашего Преосвященства, отъ 8 Мая № 216. Приказали: Согласно отзыву Совѣта Императорской Московской духовной академіи и заключенію Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: просьбу вольнослушателя Московской духовной академіи, монаха Гавріила Цукаласа о зачисленіи его въ число студентовъ названнаго академіи безъ повѣрочныхъ испытаній отклонить; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

в) Сданный Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 13. Въ Совѣтъ Императорской Московской духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 августа за № 12524:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) прошеніе проживающаго въ Яблочинскомъ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ русскаго галичанина *Онуфрія Сапѣги*, окончившаго курсъ Тарнопольской гимназій, о допущеніи его къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ одной изъ Императорскихъ духовныхъ академій и 2) телеграмму Преосвященнаго Холмскаго съ отзывомъ о Сапѣгѣ. Приказали: Разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи допустить Сапѣгу къ приѣмнымъ въ академію испытаніямъ; о чемъ увѣдомить указами Ваше Преосвященство, для соотвѣтствующихъ распоряженій, съ приложеніемъ 5 документовъ о Сапѣгѣ, и Преосвященнаго Холмскаго, для объявленія просителю“.

г) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 августа за № 12840:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: телеграмму *Архангельскаго* изъ Сергіева Посада: „разрѣшите женатому держать экзамень Московскую академію. Ректоръ академіи согласенъ. Обязуюсь принять священный санъ послѣ экзаменовъ“. Приказали: Въ виду неимѣнія въ дѣлахъ Святѣйшаго Синода никакихъ свѣдѣній о личности Архангельскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: настоящее ходатайство отклонить; о чемъ послать Вашему Преосвященству указъ, для объявленія просителю черезъ Императорскую Московскую духовную академію“.

д) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 авг. 1913 г. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 августа за № 12850:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) прошеніе *поручика* 2-го Кронштадтскаго артиллерійскаго полка *Георгія Вязигина*, имѣющаго жену, о допущеніи его къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Импе-

раторской Московской духовной академіи, съ освобожденіемъ его отъ испытанія по греческому языку, и 2) отзывъ Преосвященнаго ректора Императорской Московской духовной академіи, отъ 10 Августа сего года № 413. Приказали: Принимая во вниманіе искреннее желаніе поручика Вязигина, окончившаго курсъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, получить высшее богословское образованіе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предоставить Исп. об. Оберъ-Прокурора испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на допущеніе поручика Вязигина, въ изытіе изъ правилъ, къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскую Московскую духовную академію, съ освобожденіемъ его отъ экзамена по греческому языку, и съ обязательствомъ, за время прохожденія академическаго курса, сдать таковой экзаменъ и принять священный санъ по усмотрѣніи академическимъ начальствомъ подготовленности Вязигина къ принятію сего сана; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

е) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 2 сентября за № 13758:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 27 Августа сего года № 9161, въ коемъ изложено, что Государь Императоръ, на всеподаннѣйшемъ докладѣ его, Г. Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 17 Августа сего года за № 7243, о допущеніи *поручика Георгія Вязигина*, въ изытіе изъ правилъ, къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскую Московскую духовную академію, съ освобожденіемъ его отъ экзамена по греческому языку, и съ обязательствомъ, за время прохожденія академическаго курса, сдать таковой экзаменъ, и принять священный санъ по усмотрѣніи академическимъ начальствомъ подготовленности Вязигина къ принятію сего сана, въ 23-й день того же Августа, въ Ливадіи, благоизволили начертать Собственноручно: „Согласенъ“. Приказали: Объ изыясненномъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Справка. 1) Изъ вызванныхъ въ текущемъ 1913-мъ году Святѣйшимъ Синодомъ въ составъ I курса Императорской Московской Духовной Академіи 20 воспитанниковъ духовныхъ семинарій явились въ Академію къ повѣрочнымъ испытаніямъ лишь 19 человекъ.— Не явился, по неизвѣстной причинѣ, воспитанникъ *Тульской* духовной семинаріи.— 2) Упомянутые въ вышеизложенныхъ указахъ Святѣйшаго Синода: греческій уроженецъ монахъ Гавріиль *Цукалисъ*— къ сдачѣ повѣрочныхъ испытаній не явился; окончившіи же курсъ Тарнопольской гимназіи Онуфрій *Сиппа* и поручикъ Георгій *Вязигинъ* воспользовались даннымъ имъ Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшеніемъ.

ж) Отношенія 17-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ рекомендованныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса воспитанниковъ:

Архангельской—Герасима Кюнтіева,
Виѣанской—Николая Гусева,
Владимірской—Алексѣя Сиротинскаго,
Вологодской—Ивана Скворцова,
Калужской—Александра Ефремова,
Курской—Ивана Ефремова,
Московской—Николая Воздвиженскаго,
„ —Сергѣя Виноградова и
„ —Григорія Разумовскаго,
Нижегородской—Алексѣя Миловидова,
Новгородской—Дмитрія Кулигина,
Пензенской—Николая Никольскаго,
Подольской—Ивана Чирскаго,
Самарской—Николая Авилкина,
Смоленской—Петра Четыркина,
Тамбовской—Аркадія Золотницкаго,
Тверской—Владимира Романовскаго,
Тобольской—Ивана Карпова и
Ярославской—Николая Соловьева.

з) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что на основаніи §§ 137 и 139 устава духовныхъ академій, кромѣ 19-ти воспитанниковъ духовныхъ семинарій, рекомендованныхъ семинарскими Правленіями, галичанина Онуфрія *Са-*

лги и поручика Георгія *Вязигина*, имъ были допущены къ повѣрочнымъ испытаніямъ: 1) 53 студента духовныхъ семинарій, прибывшіе въ Академію на собственныя средства, съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) 8 лицъ въ священномъ санѣ (1 вдовый протоіерей, 1 вдовый священникъ, 5 священниковъ имѣющихъ женъ, и 1 іеродіаконъ; всѣ—студенты семинарій), прибывшихъ съ разрѣшенія подлежащихъ епархіальныхъ начальствъ.—Не былъ допущенъ лишь одинъ воспитанникъ Пермской духовной семинаріи—волонтеръ, въ виду неблагопріятнаго заключенія академическаго врача о состояніи его здоровья.—Повѣрочныя испытанія, согласно § 140 устава духовныхъ академій, произведены были, въ объемѣ курса духовныхъ семинарій: *устныя*—по Священному Писанію Нового Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до 1054 года) и по греческому языку (отъ послѣдняго испытанія освобожденъ былъ лишь, согласно вышеизложенному указу Святейшаго Синода за № 12850, поручикъ Георгій *Вязигинъ*);—*письменныя*—по основному богословію, психологій и составленію поученія.—Два студента духовныхъ семинарій—волонтеры, представивъ: одинъ—одну, другой—двѣ письменныхъ работы,—не пожелали подвергаться дальнѣйшимъ испытаніямъ и выбыли изъ Академіи.—Ихъ примѣру, не смотря на данную семинарскому Правленію подписку „не отказываться отъ поступленія въ академію“, послѣдовалъ и рекомендованный Правленіемъ *Архангельской* духовной семинаріи воспитанникъ *Герасимъ Кюнтіевъ*, который представилъ лишь двѣ письменныхъ работы (по основному богословію и психологій) и затѣмъ выбылъ изъ Академіи въ г. Архангельскъ. Такимъ образомъ, *всѣмъ*, положеннымъ академическимъ уставомъ, повѣрочнымъ испытаніямъ подверглось лишь 79 лицъ.

и) Рапортъ, врача Академіи *А. В. Танина*:

„Имѣю честь сообщить Вашему Преосвященству, что 17 и 18 августа мною былъ произведенъ медицинскій осмотръ студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія на I курсъ Императорской Московской Духовной Академіи. У студента Пермской духовной семинаріи *Слюжкова Вячеслава* мною найдено малокровіе и сильное нервное разстройство (вслѣд-

ствіе переутомленія). Такъ какъ для возстановленія здоровья ему необходимъ прежде всего полный отдыхъ отъ учебныхъ занятій въ теченіи продолжительнаго времени, то я съ своей стороны не нашель бы возможнымъ принять его въ Академію, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ году. У всѣхъ остальныхъ, мною осмотрѣнныхъ, никакихъ особенно серьезныхъ болѣзней, которыя могли бы послужить препятствіемъ къ принятію въ Академію, мною не обнаружено“.

і) Донесенія экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXXII академическаго курса по вызову начальства и по собственному желанію, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ.

А) Донесеніе комиссіи, производившей испытаніе по *Священному Писанію Новаго Завета*:

„Лица, подвергавшіяся приѣмнымъ испытаніямъ въ настоящемъ году, обнаружили достаточную освѣдомленность въ текстѣ Новаго Завета. Какъ и въ предыдущіе годы, на билетахъ, предлагавшихся экзаменующимся, были написаны наиболѣе важные тексты безъ цитата или обозначалась лишь главная мысль отдѣла, который требовалось найти. Съ предложенной задачей справлялись почти всѣ экзаменовавшіеся: помѣченныхъ на билетѣ текстовъ изъ 79 не напѣли лишь четверо (2 вол. Моск., вол. Волог. и Черниг.), да одинъ изъ Волянскихъ волонтеровъ утверждалъ, что въ евангеліи Матфея нѣтъ разсказа о посольствѣ Іоанномъ Крестителемъ учениковъ къ Іисусу Христу. Найденные тексты предлагалось толковать. Толкованіе въ большинствѣ случаевъ было мало удовлетворительнымъ. Оно чаще всего состояло въ общихъ фразахъ по поводу текста, но не разъясняло самаго текста: иногда же экзаменовавшіеся не имѣли никакого опредѣленнаго пониманія наиболѣе трудныхъ и важныхъ текстовъ и, если что-либо говорили для ихъ изъясненія, то видно было, что толкованіе сочиняется лишь у экзаменаціоннаго стола. Толкованія обыкновенно носили случайный характеръ, а не вытекали изъ жизненнаго уразумѣнія новозавѣтныхъ ученій въ ихъ цѣломъ. Въ отвѣтахъ было замѣтно больше гомилетики, чѣмъ экзегетики, и совсѣмъ не видно было новоза-

вѣтнаго богословія. Какъ на нѣкоторую особенность отвѣтовъ нынѣшняго года можно указать на то, что особенно плохи были отвѣты по изъясненію евангелій; многіе, какъ будто, никогда внимательно не читали евангелія.

Оцѣнивая отвѣты лишь сравнительно, а не безотносительно, комиссія ставила высокіе баллы; однако и при такой оцѣнкѣ лишь немногіе отвѣты оказалось возможнымъ признать отличными: таковы отвѣты присланныхъ Виѣанскаго Курскаго и Ярославскаго (балль 5), присланныхъ Пензенскаго и Смоленскаго и волонтеровъ Рязанскаго и Ярославскаго (балль 5—). Сорокъ три отвѣта отмѣчены хорошими баллами (6—4^{1/2}; 10—4+; 15—4; 12—4—) и двадцать девять удовлетворительными (14—3^{1/2}; 10—3+; 5—3). Средній балль всѣхъ экзаменовавшихся 3, 86. Отвѣты присланныхъ значительно были лучше отвѣтовъ волонтеровъ: средній балль 18-ти присланныхъ—4, 15, тогда какъ средній балль 61 волонт.—3,75. Можно сопоставить средній балль представителей разныхъ семинарій, давшихъ болѣе значительное количество экзаменовавшихся:

четверо виѣанцевъ—4,125
 пятеро ярославцевъ—4,1
 пятеро вологодскихъ—3,8
 пятеро волянцевъ—3,8
 шестнадцать москвичей—3,65.

Среди экзаменовавшихся было восемь лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ. Ихъ познанія въ Новомъ Завѣтѣ стояли на томъ же уровнѣ, что и всѣхъ прочихъ: средній балль восьми духовныхъ лицъ—3,8“.

Б) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по догматическому богословію*:

„Всѣхъ экзаменовавшихся по Догматическому Богословію было 79 человекъ. На экзаменѣ предлагались вопросы исключительно по программѣ и курсу семинарской Догматики. Въ общемъ отвѣты можно назвать удовлетворительными. Скажемъ только, что для нынѣшняго года характерной является какая-то безцвѣтность отвѣтовъ. Нѣкоторые видимо основательно проходили учебникъ—и только, другіе, если кое-что читали и имѣли подъ руками помимо учебника (Догматическаго Богословія), то это передавали не отчетливо, а самый учебникъ знали не твердо. Между прочимъ нужно отмѣтить,

что лучше отвѣчали въ предѣлахъ семинарской программы тѣ воспитанники, которые изучали Догматику по руководству Макарія, Арх. Литовскаго, и слабѣе тѣ, которые проходили курсъ Догматики по другимъ, болѣе новымъ учебникамъ. Первые выдѣлялись хотя тѣмъ, что лучше знали тексты Священнаго Писанія и тѣ выдержки изъ Свв. Отець, которые приведены въ курсѣ догматики Макарія въ основаніе извѣстнаго догматическаго положенія. Вторые видимо пытались избѣгать схоластической, якобы, сухости учебника Макарія, пытались развивать и раскрывать извѣстное догматическое положеніе не столько на почвѣ Свящ. Писанія и ученія Святыхъ Отець, сколько на соображеніяхъ богословской и философской мысли вообще и впадали въ опасное плаваніе, не имѣя твердой почвы въ Словѣ Божіемъ и святоотеческихъ твореніяхъ, и потому погибали. Правда, пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ воспитанники Виѣанской семинаріи, которые соединяли въ своихъ отвѣтахъ разумность и осмысленность съ хорошимъ знаніемъ текста Священнаго Писанія, хотя и проходили курсъ Догматики не по учебнику Макарія. Думается, что преподавателямъ Догматическаго Богословія въ семинаріяхъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ игнорировать учебникъ Макарія въ томъ цѣнномъ, что въ немъ есть несомнѣнно, т. е. въ основаніяхъ каждаго догматическаго положенія изъ Слова Божія и Свв. Отець, и только дополнить это уже соображеніями богословствующаго разума. Безъ текстовъ изъ Свящ. Писанія всѣ догматическія положенія висятъ на воздухѣ и кромѣ того воспитаннику духовной школы стыдно не знать Слова Божія и опредѣленій соборовъ. А между тѣмъ многіе затруднялись прочитать самые легкіе и даже краткіе тексты: таковы: волонтеръ Рязанской семинаріи, вол. Московской сем., вол. Вологодской сем., вол. Ярославской сем., присл. Самарской сем., вол. Костромской сем. Не говоримъ уже о такихъ, какъ довольно большой текстъ „зміи же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли...“, приводимый въ Догматикѣ въ поясненіе исторіи грѣхонаденія нашихъ прародителей (таковъ вол. Вологодской сем.). Многіе не могли прочитать опредѣленій собора о Лицѣ Іисуса Христа и объ образѣ соединенія въ Немъ двухъ естествъ (и объяснить термины: „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно“ (таковъ волонтеръ Московской семинаріи). Затруднялись по-

чему-то давать опредѣленія промысла Божія, несмотря на то, что это опредѣленіе есть и въ катехизисѣ и въ учебникѣ (таковъ вол. Тобольской семинаріи и Вологодской семинаріи), путались въ понятіи о церкви (таковъ присланный Калужской семинаріи, вол. Ярославской семинаріи), не могли перечислить степеней ангельскихъ чиновъ (таковъ вол. Ярославской семинаріи). Но что всего удивительнѣе, такъ это незнаніе нѣкоторыми студентами такихъ элементарныхъ вещей, какъ время совершенія хиротоніи во іерея и діакона (таковы вол. Екатеринославской семинаріи и присланный Смоленской семинаріи, присланный Подольской семинаріи и священникъ вол. Пензенской семинаріи; послѣдній не могъ прочитать молитвы „божественная благодать“... и вмѣсто „пророчествуеть“ читаль „пророчествуеть“ и пояснилъ на сдѣланное замѣчаніе, что это значить „благовѣствуеть“). Одинъ изъ волонтеровъ, объясняя цѣль сотворенія жены, объяснилъ это „скукой мужа“. Впрочемъ были и пріятные отвѣты: такъ особенно отвѣтъ прислан. восп. изъ Виѣанской семинаріи; волонт. Владимірской семинаріи прекрасно зналъ тексты и цитаты къ нимъ; вол. Калужской семин. твердо зналъ соборныя опредѣленія; вол. Волынской семин. обнаружилъ хорошее знакомство съ курсомъ.

Наглядно можно судить о достоинствѣ отвѣтовъ изъ при-
водимой здѣсь таблицы.

Балль 5	получили	10	чел.
— 5—	—	10	—
— 4 ^{1/2}	—	10	—
— 4+	—	5	—
— 4	—	11	—
— 4—	—	7	—
— 3 ^{1/2}	—	5	—
— 3+	—	5	—
— 3	—	9	—
— 3—	—	3	—“

В) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія по
всеобщей церковной исторіи:

„Къ наступающему учебному году на экзамень по древней церковной исторіи явилось 78 лицъ и, несмотря на такое сравнительно большое количество лицъ, желавшихъ стать студентами Академіи, средній балль достигъ такой

высоты, какая вообще рѣдко наблюдалась на экзаменахъ по древней исторіи, именно $4^{205/520}$, т. е. почти $4^{1/2}$. Тѣмъ не менѣе комиссія должна заявить, что получаемые отъ экзаменуемыхъ отвѣты стояли на неодинаковой высотѣ. Обыкновенно наблюдалось такое явленіе, что тотъ или другой историческій фактъ или событіе церковной исторіи, по принятой въ семинаріяхъ программѣ, излагался ими болѣе или менѣе отчетливо и ясно, но всѣ другіе вопросы, предлагаемые имъ и заимствованные изъ другихъ отдѣловъ программы, часто приводили отвѣчающихъ въ смущеніе и баллы получались болѣею частію не удовлетворительные. Такіе случаи были нерѣдко и примѣровъ ихъ можно было бы насчитать много. Но само собой понятно, что эти наблюденія нельзя обобщать. Можно указать не малое число лицъ, вполне подготовленныхъ къ экзамену и давшихъ вполне удовлетворительные отвѣты. Изъ 78 лицъ, подвергавшихся экзамену, 27 (т. е. почти $1/4$) получили баллы 5 и 5— и, если придать къ нимъ лицъ, отмѣченныхъ сравнительно хорошимъ балломъ ($4^{1/2}$, 4+, 4), то получимъ довольно солидную группу лицъ знавшихъ удовлетворительно (46, т. е. половину всѣхъ экзаменовавшихся). Отсюда и объясняется сравнительно высокій средній баллъ, какимъ отмѣченъ каждый подвергавшійся экзамену. Такимъ образомъ общій результатъ, полученный отъ экзамена по церковной исторіи, если и нельзя назвать вполне блестящимъ, то во всякомъ случаѣ нужно признать его вполне удовлетворительнымъ“.

Г) Донесеніе комиссії, производившей испытанія по греческому языку:

„Комиссія поставила экзаменовавшимся очень умѣренные требованія и не можетъ сказать, что отвѣтами она была вполне удовлетворена. Для перевода были предложены посланія Св. Ап. Павла къ Римлянамъ и первое къ Коринтянамъ. Наиболѣе удачно отвѣтившимъ предлагалось перевести какое-либо пѣснопѣніе съ греческаго на русскій и даже съ русскаго на греческій. Большинство отвѣтовъ обнаружило посредственное знаніе этимологій и слабое знакомство съ синтаксисомъ. Переводить отвѣчавшіе не затруднялись; но врядъ ли отсюда правильно было бы заключить, что они читаютъ по гречески à livre ouvert: вѣрнѣе это нужно отнести на счетъ знакомства ихъ съ славянскимъ и русскимъ тек-

тами посланій. Коммиссія очень интересовалась лексическимъ багажемъ экзаменовавшихся и признаеть, что наиболѣе употребительныя слова имъ извѣстны, хотя дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи не безъ исключеній въ худую сторону. Очень жаль, что корни словъ и ихъ основныя значенія экзаменовавшіеся представляютъ себѣ не отчетливо: это облегчило бы проникновеніе въ самыя сокровищницы языка. Коммиссія позволяетъ себѣ указать нѣкоторыя примѣры ошибокъ, которыя дѣлали отвѣчавшіе. Нѣкоторые затруднялись въ спряженіяхъ (вол. Тульск., вол. Калужск.), даже въ склоненіяхъ (вол. Вологодск., свящ. вол. Подольск.). Почему-то особенно не давались экзаменовавшимся глаголы— *πίπτω, καλέω, ἴημι, τάσσω*. Вол. Моск. *ἔκλεισεν* разобралъ, какъ аористъ отъ *καλέω*. Даже и при достаточномъ знаніи языка лучшіе изъ отвѣчавшихъ допускали ошибки въ разборѣ (*διαγγελλῆ* присл. Пенз. разбиралъ какъ будущее время дѣйств. залога). Бывало и такъ, что смѣшивали корни словъ (*ἀδιάλειπτος*, по утверженію Смол. присл. одного корня съ *λύπη*. Вол. Ярослав. *τοῖς ἀγάμοις καὶ ταῖς χήραις* въ 7, 8 I-го посл. къ Кор. перевелъ — „разумнымъ и мудрымъ“. Нѣкоторые становились въ тупикъ предъ этимологической стороной, даже важнѣйшихъ богословскихъ терминовъ (напр. *ἀμαρτία κένωσης*).

Общее впечатлѣніе отъ отвѣтовъ—ихъ посредственность. Среднихъ отвѣтовъ большинство. Коммиссія нашла возможнымъ отмѣтить высшимъ балломъ—5 лишь два серьезныхъ, безукоризненныхъ отвѣта—присл. Курск. и присл. Московскаго.

Балломъ 5— отмѣчены 12 отвѣтовъ.

„	4 ^{1/2}	„	9	„
„	4 +	„	6	„
„	4	„	12	„
„	4—	„	12	„
„	3 ^{1/2}	„	10	„
„	3 +	„	7	„
„	3	„	5	„
„	3—	„	2	„
„	1	„	1	„

Балль 1 коммиссія была вынуждена поставить волонтеру Вологодской семинаріи, который обнаружилъ совершенное незнаніе грамматики, даже въ предѣлахъ простыхъ склоненій. Въ общемъ уровень познаній экзаменовавшихся опре-

дѣляется лучше сравнительно съ прежними годами: средній выводъ всѣхъ 78-ми отвѣтовъ— $3\frac{4}{5}$ (въ частности Москов. и Виѣн. студенты имѣютъ въ среднемъ выводъ $4\frac{1}{4}$, Ярославскіе— $3\frac{3}{4}$, Волынскіе— $3\frac{2}{5}$, Вологодскіе и Тобольскіе— $3\frac{1}{4}$).

Свое донесеніе комиссія заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы впредь приходящіе къ дверямъ высшей богословской школы обладали болѣе точнымъ, детальнымъ, яснымъ и проникновеннымъ знаніемъ греческаго языка—языка первоисточниковъ знанія церковнаго“.

Д) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія *по основному богословію*:

„Лицамъ, прибывшимъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію, для сочиненія по Основному Богословію была дана тема: *Возможно ли существованіе культуры при абсолютной всеобщности невѣрія*? На данную тему было написано 81 сочиненіе, въ этихъ сочиненіяхъ не обнаружено ни особо крупныхъ достоинствъ, ни особо крупныхъ недостатковъ. Ни одно сочиненіе комиссія не нашла возможнымъ оцѣнить балломъ выше $4\frac{1}{2}$; 5 сочиненій отмѣчено неудовлетворительными отмѣтками (3—по $2\frac{1}{2}$, 2—по 2), по главнымъ образомъ не потому, чтобы они въ своемъ содержаніи были очень плохи, а потому, что авторами ихъ ничего почти не было написано.

Главными недостатками большей части сочиненій являются:

1) Отсутствие у авторовъ строгаго отношенія къ точности ихъ утвержденій и отрицаній. Многихъ авторовъ охватилъ, такъ сказать, апологетическій азартъ: они утверждали, что культура безъ религіи невозможна, что культура безъ религіи—абсурдъ, что религіозность и культурность идутъ параллельно и что это само собою ясно. Но сочиненія ихъ вызывали сомнѣнія въ томъ, чтобы это было ясно для самихъ авторовъ.

2) Авторы въ значительномъ числѣ къ терминамъ темы „культура“, „невѣріе“ отнесли какъ само собою понятнымъ. Культуру еще подраздѣляли на духовную и матеріальную, причемъ существованіе второй допускалось и при невѣріи; но въ опредѣленіяхъ вѣры и невѣрія у многихъ обнаружилась большая путаница, опредѣленія вѣры давались безспорно невѣрныя, подъ вѣрою часто разумѣвалось

просто утверждение чего-либо безъ доказательствъ, знанію вѣра противопоставалась слишкомъ радикально.

3) Во многихъ сочиненіяхъ былъ допущенъ подмѣнъ темы: вмѣсто того, чтобы говорить о связи культуры съ вѣроу, велась рѣчь о зависимости нравственного усовершенствованія отъ религіозной вѣры.

4) Многие смѣло обращались съ исторіею. Утверждали, что христіанство вездѣ поднимало культуру на высоту, ссылались на средніе вѣка, очевидно не подозрѣвая о существованіи арабской культуры и — что еще болѣе странно — не представляя отношенія христіанства къ культурѣ классической. Смѣло апеллировали къ этнографіи: некультурность дикарей объясняли ихъ безрелигіозностію; культуру американцевъ противопоставляли китайской, говоря, что американцы, благодаря христіанству, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій поднялись на культурную высоту, которой китайцы не достигли въ теченіе тысячелѣтій. Писавшіе забывали, что американская культура является достояніемъ не аборигеновъ Америки, а переселенцевъ изъ Европы.

5) Не все благополучно въ сочиненіяхъ по части грамматики. Встрѣчаются „вѣротѣрпимость“, „землетресеніе“ (неоднократно въ двухъ сочиненіяхъ), „естъ“ (—кушать), „объектъ“ (нѣсколько разъ въ одномъ сочиненіи); встрѣчается слово „агрессъ“ вмѣсто регрессъ, запятія часто оказываются въ отпуску. Но многія изъ этихъ ошибокъ можетъ быть только опіски, явившіяся вслѣдствіе спѣшности работы.

Страннымъ представляется, что между многими сочиненіями обнаруживается значительное сходство по содержанію.

Должно отмѣтить и общія достоинства сочиненій. За немногими исключеніями они характеризуются литературностію изложенія. Видно, что лица, явившіяся на пріемныя испытанія въ Академію, привыкли писать. Затѣмъ видно, что эти юные (не всѣ юные) богословы пытались самостоятельно путемъ чтенія выяснитъ себѣ понятія вѣры и невѣрія, они пользовались разными пособіями. Нельзя сказать, чтобы они достигли значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ этого выясненія, но важно, что они сознали необходимость понять, что такое вѣра, между тѣмъ какъ семинарскій курсъ Основнаго Богословія, т. е. науки объ основаніяхъ вѣры, совсѣмъ не затрогиваетъ понятія вѣры. У нѣкоторыхъ писавшихъ видна ли-

тературная и у нѣкоторыхъ философская начитанность. Цитируются на память и Достоевскій и Джемсъ и другіе. Наконецъ, должно установить, что ни одно изъ представленныхъ сочиненій не даетъ рѣшительныхъ основаній для утвержденія, что авторъ его недостаточно подготовленъ къ слушанію академическихъ лекцій“.

Е) Донесеніе комиссіи разсматривавшей сочиненія по *психологіи*:

„Письменному испытанію по психологіи подвергались 79 воспитанниковъ двадцати девяти духовныхъ семинарій, одинъ окончившій Михайловское артиллерійское Училище и одинъ абитуриентъ Тарнопольской гимназіи въ Галиціи. Изъ духовныхъ семинарій наибольшее число экзаменовавшихся дала по обыкновенію Московская (16); остальные были представлены гораздо слабѣе,—однимъ, двумя, самое большее шестью воспитанниками. Среди лицъ съ семинарскимъ образованіемъ было восемь въ священномъ санѣ (одинъ протоіерей, одинъ іеродіаконъ и 6 священниковъ). Темой для сочиненій служилъ вопросъ: „*Какое значеніе можетъ имѣть изученіе психологіи для богослова*“? Было бы естественно ожидать, что юные богословы и будущіе и настоящіе пастыри безъ труда справятся съ этимъ несложнымъ вопросомъ. Однако на дѣлѣ оказалось иное. Встрѣчались, хотя и не часто, лица, совсѣмъ затруднявшіяся отдать себѣ отчетъ въ томъ, зачѣмъ имъ нужно изучать психологію. Они цѣнили эту науку или просто какъ элементъ общаго образованія, или какъ философскую дисциплину, заключающую въ себѣ ученіе о процессахъ познанія и законахъ мышленія, съ которыми будто бы особенно приходится имѣть дѣло именно богослову. Въ послѣднемъ случаѣ задачи психологіи обыкновенно не различались отъ задачъ гносеологіи и логики. Другіе понимали, что кромѣ общеобразовательнаго и философскаго значенія психологія имѣетъ для богослова и специальный интересъ. Но этотъ интересъ сводился въ представленіяхъ ихъ обыкновенно къ тому, что психологія можетъ служить вспомогательнымъ средствомъ для чисто теоретическихъ цѣлей основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія: она помогаетъ апологету въ борьбѣ съ материализмомъ, даетъ ему психологическое доказательство бытія

Божія, позволяет уяснить природу Божества на основаніи ученія о душѣ, какъ образъ Божіемъ, облегчаетъ умозрительное раскрытіе нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ, наприм. догмата Св. Троицы, показываетъ возможность наслѣдственности первороднаго грѣха, раскрываетъ естественныя основы нравственнаго закона, и т. под. Иногда къ этому прибавлялось, что психологія открываетъ возможность сравнительнаго изученія религіи, помогаетъ уяснить характеры лицъ и причины событій церковной исторіи, выясняетъ необходимость религіознаго культа и дѣлаетъ понятнымъ ученіе Св. Писанія о душѣ и духѣ. Выдвигая на передній планъ эти теоретическія задачи, авторы сочиненій, къ сожалѣнію, не всегда умѣли разграничить область психологическаго изслѣдованія отъ проблемъ метафизики, этики и самаго богословія и приписывали психологіи рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые выходятъ за ея предѣлы и превышаютъ ея научныя средства. Такъ по ихъ мнѣнію выходило, что современная психологія не только безповоротно доказала врожденность идеи Божества, всеобщность религіи, безсмертіе души и свободу воли, но и опровергла всякія сомнѣнія въ воскресеніи Христа и въ возможности будущаго воскресенія мертвыхъ. Гораздо рѣже экзаменовавшіеся останавливались на практическомъ значеніи психологіи для богослова-пастыря, проповѣдника, миссіонера и воспитателя. Въ большинствѣ сочиненій объ этомъ или совсѣмъ не упоминалось, или говорилось очень кратко, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. „Богословъ“ представлялся исключительно теоретикомъ и мертвымъ схоластомъ; возможность живой дѣятельности въ мірѣ живыхъ душъ почему-то плохо связывалась съ этимъ понятіемъ. Любопытно, что эта важная сторона вопроса не нашла себѣ надлежащей оцѣнки даже у священниковъ. Еще удивительнѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что авторы сочиненій, за немногими исключеніями, не сумѣли оцѣнить важности психологіи для пониманія и изученія психологической стороны религіи,—ея внутренняго воспріятія и переживанія. Они почти не догадывались о томъ, какое значеніе можетъ имѣть для міровоззрѣнія, практической дѣятельности и личной религіозной жизни богослова психологія религіознаго опыта, мистическихъ переживаній, вѣры, молитвы, религіозныхъ обращеній, святости, и проч. Сочиненія, въ

которыхъ болѣе или менѣе затрогивались эти вопросы, были чрезвычайно рѣдки, да и тамъ, гдѣ они затрогивались (напр. въ сочиненіяхъ Волынскихъ семинаристовъ), ихъ постановка не отличалась ясностью и широтой. Вообще по своему содержанию большинство разсмотрѣнныхъ комиссіей сочиненій страдало бѣдностью мыслей, скудостью знаній и схоластичностью приемовъ изслѣдованія. Ихъ авторы видимо привыкли мыслить по опредѣленнымъ шаблонамъ, въ которые обыкновенно ужене вкладывалось ни личнаго чувства ни искренней вѣры. Конечно, встрѣчались исключенія, и даже выдающіяся (наприм. сочиненіе присланнаго воспитанника Курской семинаріи), но это были въ сущности оазисы въ умственной пустынь. Гораздо лучше было виѣшнее изложеніе сочиненій: въ большинствѣ случаевъ оно отличалось достаточною ясностью, связностью и послѣдовательностью. Пріятно также отмѣтить, что въ сочиненіяхъ на этотъ разъ почти не встрѣчалось грубыхъ грамматическихъ ошибокъ“.

Ж) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей *поученія*:

„Державшимъ приемные экзамены предложено было написать поученіе въ день празднованія 1600-лѣтія со времени изданія Миланскаго эдикта. Поученіе писали люди различнаго возраста, воспитанники различныхъ семинарій, уроженцы сѣвера и юга, востока и запада Россіи. Несмотря на это, большинство проповѣдей писано какъ-бы по одному шаблону. Оригинальность выбора темы и оригинальность ея раскрытія можно было наблюдать лишь въ очень немногихъ поученіяхъ. Громадное же большинство проповѣдей совпадаетъ между собой по самому выбору темы. Были жестокія гоненія, но Церковь устояла. Есть гоненія и теперь, тоже жестокія: Церковь, будемъ надѣяться, останется непоколебима. Такъ пишутъ одни. Другіе иначе. Были гоненія, но христіане оставались тверды въ вѣрѣ; теперь же христіане слабы, хотя гоненій нѣтъ и Церковь даже встрѣчаетъ поддержку со стороны государства. Шаблоны по содержанию поученія однообразны и по изложенію. Изложеніе обычно скучное и безцвѣтное. Проповѣдническое воодушевленіе замѣтно лишь въ немногихъ поученіяхъ; наоборотъ, очень много поученій, которыя похожи на проповѣдь лишь заглавіемъ да обращеніемъ: „Братіе!“, во всемъ же остальномъ представляютъ ско-

рѣе сочиненія и разсужденія церковно-историческаго характера. Да и эти разсужденія отвлеченны, бѣдны конкретными примѣрами. Элементъ современности въ проповѣдяхъ встрѣчается, но вводится не всегда удачно. Одинъ приплетаешь воздухоплаваніе, другой социализмъ, даже марксизмъ, третій газеты и литературу, а волонтеръ тобольскій упоминаетъ даже предпріимчиваго жида Битнера съ его „Вѣстникомъ Знанія“. Но все это случайно, внѣ органической связи съ темой поученія. Нельзя назвать блестящимъ и самого внѣшняго изложенія. Пишутъ въ большинствѣ случаевъ правильно, но изящество стиля—рѣдкость. Въ немногихъ поученіяхъ замѣтно довольно умѣлое пользованіе текстами Свящ. Писанія и словами церковныхъ пѣснопѣній. Къ недостаткамъ стиля можно отнести пристрастіе нѣкоторыхъ авторовъ-проповѣдниковъ къ ненужнымъ иностраннымъ словамъ: пневматики, портретъ Христовъ, прогрессироваться, процессъ „достиженія“ (?) (вол. Моск.), проанализируемъ, діагнозъ, интимный, реальный, кардинальный, санкціонировать, абсолютный, тормазъ прогресса культуры и цивилизаціи (Виѣ.), роль эдикта (вол. Пенз.), консервативный, культъ, пошлая культура (вол. Харьк.). Одинъ изъ Московскихъ волонтеровъ вставляетъ даже слова Цицерона о, tempora, о, mores! Не мало можно бы выписать весьма странныхъ фразъ, напр. „Занималась кровавая заря христіанства“ (вол. Симб.). „Христось пришелъ на землю „да съ чловѣки поживе“. „Въ римскомъ Пантеонѣ былъ положительно сбродъ всякихъ идоловъ“. „Язычество собиралось торжествовать побѣду надъ уничтоженіемъ христіанства“ (вол. Подол.—свящ.). „Миссіонерскія миссіи“ (вол. Моск.).

Около 15-ти писавшихъ поученія полагаютъ, что эдиктъ былъ изданъ не въ какой другой день, какъ именно 14 сентября 313 года.

Попадаются слѣды безграмотности: озвѣревшіе (вол. Волог. дважды), отрѣчься (вол. Tobол.), знамѣнательный (вол. Влад.), чевствуемый (вол. Костр.).

Есть странные образы, напр., кибитки (присл. Тамб.), коралловаго рифа (вол. Симб.) и под.

Сколько-нибудь выдающихся проповѣдей мало. Лишь два поученія оказалось возможнымъ отмѣтить балломъ 5 (присл. Виѣ. и Курск.), одно балломъ 5— (вол. Волянск.) и три бал-

ломъ 4½ (присл. Ярослав., вол. Волинск. и Саратовск.). Но и совершенно неудовлетворительныхъ поученій не было: лишь одно отмѣчено балломъ 2½ (вол. Калужск.) и одно балломъ 3—(вол. Костр.). Средній баллъ—3, 6. Средній баллъ 18-ти присланныхъ—3,86; 61 волонтера—3,51; 8-ми духовныхъ лицъ—3, 5. Хорошими баллами (4+, 4, 4—) отмѣчено 31 поученіе, удовлетворительными (3½, 3+, 3)—40 поученій“.

к) Представленные экзаменаціонными комиссіями списки упомянутыхъ лицъ съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ ими на письменныхъ и устныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую таблицу сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—а) § 136: „Пріемъ студентовъ въ Академію производится одинъ разъ въ году, предъ началомъ учебныхъ занятій“; б) § 137: „Къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются: 1) окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду—а) рекомендованные семинарскимъ Правленіемъ и посылаемые на синодальныя средства и б) прибывающіе къ Академію на собственныя средства, но съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищъ“; в) § 139: „Женатыя въ студенты Академій не принимаются. Исключеніе изъ этого правила допускается для всѣхъ Академій, кромѣ С.-Петербургской, но съ особаго каждаго разъ разрѣшенія Св. Синода для лицъ изъ блага духовенства, если они удовлетворяютъ требованіямъ §§ 137 и 141“; г) § 141: „Изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно“; д) § 144: „Своекоптные студенты обязаны жить въ Академіи въ качествѣ пансіонеровъ или полупансіонеровъ. Число ихъ въ каждомъ учебномъ году опредѣляется вмѣстимостію академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Въ Академіи своекоптнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ примѣчаніи 1 къ § 137“.—2) Указомъ Св. Синода отъ 9-го августа 1911 года за № 10593 постановлено было: „Въ разъясненіе § 144 (по новой нумераціи

141-го) Уст. дух. акад., по которому изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно, установить слѣдующія *правила*: 1) въ Академію принимаются получившіе по всеѣмъ устнымъ испытаніямъ и сочиненіямъ не менѣе трехъ; 2) могутъ быть, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, зачисляемы въ студенты Академіи получившіе неудовлетворительный баллъ не ниже 2 по одному изъ предметовъ устнаго испытанія, если они имѣютъ баллъ по каждому сочиненію не менѣе 3 и средній баллъ по всеѣмъ устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $3\frac{3}{4}$ и 3) получившіе на пріемныхъ испытаніяхъ двѣ двойки или одну единицу не могутъ быть принимаемы въ Академію“.—4) По § 109 лит. б. п. 6 академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи послѣ экзаменовъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея“.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXXII) академическаго курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Ефремова Ивана, присланнаго изъ Курской семинаріи,
Муравьева Сергѣя, волонтера изъ Рязанской сем.,
Соловьева Николая, присл. изъ Ярославской сем.,
Гусева Николая, присл. изъ Виѣанской сем.,
5. Добросердова Павла, вол. изъ Саратовской сем.,
Лисецкаго Николая, вол. изъ Вольнской сем.,
Скворцова Ивана, присл. изъ Вологодской сем.,
Четыркина Петра, присл. изъ Смоленской сем.,
Виноградова Сергѣя, присл. изъ Московской сем.
10. Никольскаго Николая, присл. изъ Пензенской сем.,
Рождественскаго Александра, вол. изъ Харьковской сем.,
Миловидова Алексея, присл. изъ Нижегородской сем.,
Городецкаго Анатолія, вол. изъ Симбирской сем.,
Разумовскаго Григорія, присл. изъ Московской сем.,
15. Воздвиженскаго Николая, присл. изъ Московской сем.,
Дацикова Ивана, вол. изъ Донецкой сем.,

- Кулигина Дмитрія, присл. изъ Новгородской сем.,
Вязигина Георгія, поручика, ок. к. Мих. арт. уч.,
Соколова Михаила, вол. изъ Вологодской сем.,
20. Бѣляева Сергѣя, вол. изъ Вологодской сем.,
Сафѣгу Онуфрія, галич., вол. изъ Тарнопольской гимн.,
Гусева Петра, вол. изъ Виѣанской сем.,
Іерод. Трифона (Мохора), вол. изъ Волинской сем.,
Золотницкаго Аркадія, присл. изъ Тамбовской сем.,
25. Ефремова Александра, присл. изъ Калужской сем.,
Голубева Леонида, вол. изъ Московской сем.,
Кипарисова Бориса, вол. изъ Самарской сем.,
Волкова Николая, вол. изъ Нижегородской сем.,
Калиновскаго Гавріила, вол. изъ Черниговской сем.,
30. Тихонравова Георгія, вол. изъ Тамбовской сем.,
Мефедова Герасима, вол. изъ Волинской сем.,
Прот. Мухина Іоанна, вол. изъ Костромской сем.,
Соболева Михаила, вол. изъ Московской сем.,
Карпова Івана, присл. изъ Тобольской сем.,
35. Авилкина Николая, присл. изъ Самарской сем.,
Ломакіна Николая, вол. изъ Подтавской сем.,
Сиротинскаго Алексѣя, присл. изъ Владимірской сем.,
Алмазова Александра, вол. изъ Псковской сем.,
Чирскаго Івана, присл. изъ Подольской сем.,
40. Андреева Михаила, вол. изъ Тобольской сем.,
Крылова Павла, вол. изъ Владимірской сем.,
Соколова Василія, вол. изъ Ярославской сем.,
Некрасова Платона, вол. изъ Московской сем.,
Свящ. Проталинскаго Іоанна, вол. изъ Костромской сем.,
45. Никольскаго Николая, вол. изъ Ярославской сем.,
Свящ. Никольскаго Евгенія, вол. изъ Владимірской сем.,
Свящ. Орлова Василія, вол. изъ Пензенской сем.,
Забавина Івана, вол. изъ Московской сем.,
Романовскаго Владиміра, присл. изъ Тверской сем.,
50. Глаголева Георгія, вол. изъ Тульской сем.,
Недѣльскаго Θεодосія, вол. изъ Волинской сем.,
Шуновскаго Івана, вол. изъ Московской сем.,
Доброхотова Михаила, вол. изъ Виѣанской сем.,
Кедрова Александра, вол. изъ Рязанской сем.,
55. Баяанова Николая, вол. изъ Московской сем.,
Свящ. Жданова Александра, вол. изъ Рязанской сем.,

- Суворова Николая, вол. изъ Костромской сем.,
Юакиманскаго Николая, вол. изъ Московской сем.,
Брянцева Алексѣя, вол. изъ Ярославской сем.,
60. Воскресенскаго Михаила, вол. изъ Московской сем.,
Попова Александра, вол. изъ Вологодской сем.,
Рождественскаго Николая, вол. изъ Московской сем.,
Крылова Владиміра, вол. изъ Московской сем.,
Миловидова Виктора, вол. изъ Московской сем. и
65. Свящ. Макогонскаго Григорія, вол. изъ Подольской сем.,

при чемъ, согласно § 139 академическаго устава, о принятіи имѣющихъ женъ священниковъ Евгенія *Никольскаго*, Василія *Орлова*, Александра *Жданова* и Григорія *Макогонскаго*, съ дозволеніемъ имъ проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ, — представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святейшаго Синода.

2) Остальнымъ 14-ти студентамъ духовныхъ семинарій— волонтерамъ: *Гролову* Анатолію (Калужск. сем.), *Ружницкому* Стефану (Волын. сем.), *Соколову* Михаилу (Яросл. сем.), *Милославскому* Александру (Впѣ. сем.), *Соколову* Николаю (Яросл. сем.), *Рулянцеву* Владиміру (Москов. сем.), *Чапкину* Θεодору (Екатер. сем.), *Лебедеву* Николаю (Волог. сем.), *Ситрапову* Модесту (Волог. сем.), свящ. *Бартеневу* Константину (Костр. сем.), *Крестовоздвиженскому* Михаилу (Влад. сем.), *Копылову* Евгенію (Тобол. сем.), *Счастневу* Михаилу (Моск. сем.), и *Преображенскому* Анатолію (Костр. сем.), получившимъ на испытаніяхъ по одному (на письменныхъ испытаніяхъ или на устныхъ—при среднемъ баллѣ ниже 3³/₄), по два и болѣе неудовлетворительныхъ балла, —отказать въ пріемъ по недостаточной подготовленности ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

3) За исключеніемъ вышеупомянутыхъ (п. 1) *четыре* лицъ священнаго сана, семейнаго поручика Георгія *Вязигина* и студента Виктора *Миловидова*, родители котораго имѣють постоянное жительство въ Сергіевскомъ Посадѣ, — всѣхъ остальныхъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, помѣстить въ зданіяхъ Академіи.

4) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высочайшимъ Преосвященствомъ, — представить Святейшему

Синоду свидѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ комиссій.

5) Документы воспитанника *Герасима Кюнтіева* возвратить въ Правленіе Архангельской духовной семинаріи, съ увѣдомленіемъ объ отказѣ его отъ сдачи всѣхъ, положенныхъ академическимъ уставомъ, повѣрочныхъ испытаній.

II. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора Академіи:

а) Окончившаго въ 1902 году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Московскаго Университета по юридическому факультету *Владимира Пятницкаго*:

„Желая получить высшее богословское образованіе, имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство о принятіи меня въ число своекоштныхъ студентовъ Императорской Московской Духовной Академіи, безъ экзаменовъ.“

При семь прилагаю: 1) метрическое свидѣтельство Московской Духовной Консисторіи, отъ 17 марта 1899 года за № 2942, о моемъ рожденіи; 2) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности, отъ 3 ноября 1900 года за № 146; 3) дипломъ объ окончаніи курса наукъ по юридическому факультету университета, выданный изъ Управленія Московскаго Учебнаго Округа 30 сентября 1902 года за № 18996 и 4) копію указа Святѣйшаго Синода о расторженіи брака моего, выданную изъ Московской Духовной Консисторіи 4 Мая 1912 года.“

б) Окончившаго въ 1913 году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Московскаго Университета по математическому отдѣленію физико-математическаго факультета *Владимира Сѣно*:

„Прилагая при семь: Дипломъ за № 24443, свидѣтельство о рожденіи за № 5668, свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 8094 и свидѣтельство Правленія Императорской Московской Духовной Академіи за № 1161, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство, на основаніи

§ 137-го прим. 1 Академическаго Устава, принять меня въ число своекоштныхъ студентовъ Академіи.“

Справка: Какъ видно изъ приложеннаго къ послѣднему прошенію свидѣтельства Правленія Императорской Московской Духовной Академіи за № 1161,—г. *Свѣто*, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи отъ 31 августа 1912 года, на основаніи § 137 прим. 1 академическаго устава, принять былъ, безъ повѣрочныхъ испытаній, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи, въ коей и обучался по іюнь мѣсяць 1913 года, при отлично-хорошемъ (5) поведеніи, представивъ всѣ назначенныя студентамъ I курса на 1912—1913 учебный годъ письменныя работы, именно: третныя сочиненія по исторіи древней церкви (отмѣчено балломъ 4), исторіи философіи (4+), исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій (5—) и проповѣдь (3). Устныхъ переводныхъ испытаній по предметамъ I курса студентъ (ѣто не держалъ и, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 4 іюня, уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ Академіи.

в) Окончившаго въ 1913-мъ году курсъ (съ дипломомъ 2-ой степени) Императорскаго Казанскаго Университета по юридическому факультету *Николая Шевнина*:

„Окончивъ весной текущаго года Императорскій Казанскій университетъ по юридическому факультету съ дипломомъ второй степени и желая получить высшее богословское образованіе въ Императорской Московской Духовной Академіи,—имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство о приѣмѣ и зачисленіи меня, Шевнина Николая Михайловича,—на основаніи правилъ, опубликованныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи—въ студенты I-го курса Академіи въ наступающемъ учебномъ 1913—1914 году безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштнымъ. При семъ прошеніи прилагаю слѣдующіе документы: 1) Отъ Канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа Удостовереніе объ выдержаніи государственныхъ экзаменовъ съ правомъ на дипломъ второй степени, 2) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, 3) Свидѣтельство отъ Казанскаго Ку-

печескаго Старосты, 4) Свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности.“

Справка: Устава духовныхъ академій § 137, - *примѣчаніе 1:* „Лица, окончившія съ успѣхомъ полный курсъ университета или другого высшаго учебнаго заведенія, принимаются въ Академію безъ экзамена и сверхъ нормы своекоштными, при желаніи же получить какую-либо стипендію подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ наравнѣ съ прочими.“

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшимъ Пресвященствомъ о разрѣшеніи принять окончившихъ полный университетскій курсъ—Владимира *Пятницкаго*, Николая *Шевкина* и Владимира *Сѣто*, безъ повѣрочныхъ испытаній, въ число *своекоштныхъ* студентовъ I курса Академіи:

III. а) Прошеніе на имя Пресвященнаго Ректора Академіи бывшаго вольнослушателя Академіи *Алексея Шишкина:*

„Прилагая при семъ медицинское свидѣтельство Борисоглебскаго Городскаго врача о болѣзни, препятствующей мнѣ въ настоящее время явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ Академію, осмѣливаюсь смиреннѣйше просить Ваше Пресвященство, не найдется ли возможнымъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи о сохраненіи за мною права держать вступительные экзамены въ Академію предъ началомъ слѣдующаго, 1914—15 академическаго года“.

б) Свидѣтельство Борисоглебскаго городскаго врача *И. Алексеева:*

„Выдано сіе Алексѣю Прохорову *Шишкину*, 30 лѣтъ, въ удостовѣреніе того, что 4-го сего Августа онъ заболѣлъ острымъ воспаленіемъ плевры праваго легкаго (pleuritis acuta) съ симптомами начавшагося экссудативнаго процесса (pleuritis exsudativa), по каковой причинѣ онъ не можетъ явиться въ Московскую Академію, такъ какъ экссудативный процессъ можетъ принять затяжное теченіе и большой будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ климатическому леченію въ Сухумь или Гаграхъ“.

Справка: Указомъ Святейшаго Синода, отъ 28 января те-

кущаго 1913 года за № 1817, Совѣту Академіи разрѣшено было допустить окончившаго курсъ учительскаго института *Алексѣя Шишкина*, въ видѣ изъятія, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Московской Духовной Академіи.

Опредѣлили: Въ виду постигшей г. *Шишкина* болѣзни и умолчанія въ указѣ Святѣйшаго Синода о времени допущенія его къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи, — сохранить за просителемъ право держать означенныя испытанія предъ началомъ слѣдующаго, 1914—1915, учебнаго года.

IV. а) Сданное Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 5. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 31 іюля за № 8213:

„На основаніи воспослѣдовавшаго, въ 14-й день Марта 1896 г. Высочайшаго повелѣнія о порядкѣ направленія и разрѣшенія приносимыхъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя прошеній объ оказаніи льготъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія, изъ Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній препровождено, при отношеніи отъ 12-го сего Іюля за № 64807, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода всеподданнѣйшее прошеніе священника *Василія Діаковскаго* о принятіи его, безъ экзамена, въ Императорскую Московскую Духовную Академію на казенный счетъ.

Означенное всеподданнѣйшее прошеніе имѣю честь препроводить при семъ на Ваше Архипастырское усмотрѣніе:“

б) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя священника села Елисаветградки, Александрійскаго уѣзда, Херсонской епархіи, *Василія Діаковскаго*:

„Вѣрю и правдою прослуживъ Вашему Императорскому Величеству, Церкви и Отечеству, въ селѣ Елисаветградкѣ, пятнадцать лѣтъ безъ всякаго жалованья, я жажду свѣта и высшей богословской науки, желая продолжить свое богословское образованіе. Испросивъ на это

Благословеніе моеи вдовы матери — старухи (81 г.) и тестя моего вдовца Протоіерея — Благочиннаго (75 лѣтъ), заручившись согласіемъ моеи жены (35 лѣтъ), я осмѣливаюсь сыновне смреннѣйше умолять Ваше Императорское Величество, Милостивѣйшій Монархъ и Отець—Батюшка, въ память 300-лѣтія славнаго царствованія Дома Романовыхъ, оказать мнѣ милость и назначить меня безъ экзамена въ Императорскую Московскую Духовную Академію—на миссіонерскій отдѣлъ ея, по окончаніи коеи я смогъ бы посвятить свои силы и способности на борьбу съ современнымъ невѣріемъ и сектантствомъ, въ должности епархіальнаго миссіонера. Умоляю принять меня на стипендію, или же на казенный счетъ. Съ помощію Божіею, я надѣюсь вполне оправдать сію Монаршую высокую милость, весьма добросовѣстно пройдя высшія богословскія науки, къ чему я себя приучилъ съ девяти лѣтъ моего сиротства. Указомъ Херсонской Духовной Консисторіи, отъ 15 мая 1913 года за № 13904-мъ, преподано мнѣ на сіе благословеніе и разрѣшеніе моего Милостиваго Архипастыря и Отца, Высокопреосвященнѣйшаго Назарія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго.

При семъ прилагаю точную копію моего формулярнаго списка о прохожденіи мною службы и о моемъ семейномъ положеніи, и фотографическій мой снимокъ: присовокупляя, что подъ судомъ не состоялъ и не состою“.

в) Слѣдующее Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ Серпуховскимъ, съ надписью: „1913 г. Августа 9. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 3 августа за № 8341:

„На основаніи воспослѣдовавшаго, въ 14-й день Марта 1896 г. Высочайшаго повелѣнія о порядкѣ направленія и разрѣшенія приносимыхъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя прошеній объ оказаніи льготъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія, изъ Канцелярїи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній препровождены, при отношеніи отъ 12-го мѣн. Іюля за № 64807, къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода всеподданнѣйшія

прошенія священника села Ново-Троицкаго, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической епархіи Александра *Бодина* и священника села Гавриловскаго, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской епархіи Сергѣя *Орфеева* о принятіи ихъ въ Императорскую Московскую духовную академію безъ экзамена.

Означенныя всеподданнѣйшія прошенія имѣю честь препроводить при семъ на Ваше Архипастырское усмотрѣніе.“

г) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя *священника* села Ново-Троицкаго, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической епархіи, Александра *Бодина*:

„Будучи воспитаникомъ духовной семинаріи, я стремился получить высшее духовное образованіе, дабы всецѣло посвятить себя на служеніе Церкви, Царю и отечеству. Но бѣдность родителей и постоянныя заботы о насущномъ, кускѣ хлѣба помѣшали мнѣ окончить духовную семинарію по первому разряду, и тѣмъ самымъ лишили меня возможности поступить въ духовную академію. Прослуживъ шесть лѣтъ священникомъ, я, со скорбію, все болѣе и болѣе началъ сознавать, что умственныхъ моихъ познанія не удовлетворяютъ меня, какъ пастыря и хранителя стада Христова и какъ истиннаго сына своего отечества.

На основаніи вышеизложеннаго осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество, разрѣшить мнѣ поступить въ Московскую духовную академію безъ экзамена. Получивъ высшее духовное образованіе, я смогъ бы осуществить свою завѣтную мечту и во всеоружіи знаній вступить въ ряды защитниковъ своего Возлюбленнаго Монарха, святой православной вѣры и отечества“.

д) Прошеніе на Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя *священника* села Гавриловскаго, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской епархіи, Сергѣя *Орфеева*:

„Я имѣю сильное желаніе пополнить свое богословское образованіе и для этой цѣли стремлюсь поступить въ Духовную Академію. По существующимъ правиламъ въ Академію принимаются лица, окончившія курсъ Духовныхъ Семинаріи по 1-му разряду, а я имѣю дипломъ 2-го разряда, не дающій права на поступленіе въ Академію.

На основаніи вышензложеннаго я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество, въ изытіе изъ общаго правила, въ нынѣшній историческій годъ памяти трехсотлѣтія Дома Романовыхъ, повелѣть принять меня въ число студентовъ Московской Духовной Академіи“.

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ всеподданнѣйшихъ прошеній священниковъ *Василія Діаковского*, *Сергія Орфеева* и *Александра Бодина*, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что просители, окончившіе семинарскій курсъ по 2-му разряду, по мнѣнію Совѣта Академіи, ничѣмъ не доказали своего нравственнаго права на такую высокую милость, какъ зачисленіе въ студенты Академіи безъ положенныхъ по академическому уставу повѣрочныхъ испытаній, которымъ безропотно подвергаются гораздо болѣе ихъ заслуженные священнослужители (въ текущемъ году, напр., 60-лѣтній протоіерей изъ Костромской епархіи), окончившіе, притомъ, семинарскій курсъ по 1-му разряду.—Священнику же *Діаковскому*, прежде, чѣмъ утруждать Его Императорское Величество своею необоснованною просьбою, слѣдовало бы, по мнѣнію Совѣта, предварительно справиться, есть-ли въ Императорской Московской Духовной Академіи *миссіонерскій отдѣлъ*, пройтіи курсъ котораго онъ, будто бы, такъ стремится.

V. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ программы преподаваемыхъ ими наукъ и соображенія о предполагаемомъ ходѣ практическихъ занятій на 1913—1914 учебный годъ.—На основаніи § 109 лит. а п. 4 устава духовныхъ академіи, предлагаю эти программы и соображенія на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Признавая представленныя г.г. наставниками Академіи программы преподаванія на 1913—1914 учебный годъ соотвѣтствующими указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Святѣйшимъ Синодомъ въ объяснительной запискѣ къ проекту устава духовныхъ академіи 1910 года, и научной постановкѣ предметовъ,—программы эти утвердить.

VI. Имѣли сужденіе: *О распределеніи лекцій и практическихъ занятій въ Академіи на 1913—1914 учебный годъ, причѣмъ были выслушаны нижеслѣдующія прошенія г.г. наставниковъ Академіи:*

а) О. Инспектора Академіи, доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *архимандрита Иларіона:*

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій“ покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ читать двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ посвящать практическимъ занятіямъ въ наступающемъ третьемъ году моей преподавательской службы, тѣмъ болѣе, что высшей церковной власти благоугодно было, кромѣ преподавательскихъ обязанностей, возложить на меня должность инспектора Академіи“.

б) Доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Лысогорскаго:*

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, на основаніи примѣчанія къ § 84 устава духовныхъ академій, читать въ текущемъ учебномъ году неполное количество лекцій“.

в) Доцента по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Тулицкаго:*

„Въ виду того, что исторію русской литературы, какъ самостоятельный предметъ, вслѣдствіе измѣненій въ академическомъ Уставѣ, мнѣ приходится преподавать только третій годъ, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ, примѣнительно къ § 84 Устава, примѣч., читать въ наступающемъ 1913—14 уч. годѣ, по примѣру прошлаго года, двѣ теоретическихъ лекціи и имѣть два часа практическихъ занятій“.

г) И. д. доцента по каѳедрѣ исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской, *Ө. М. Россейкина:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской

Московской Духовной Академіи назначить мнѣ, примѣнительно къ § 84 пар. Устава, примѣчаніе, въ наступающемъ 1913—14 уч. году сокращенное число лекцій, а именно— двѣ теоретическихъ лекціи и два часа практическихъ занятій въ недѣлю“.

д) И. д. доцента по кафедрѣ догматическаго богословія *А. М. Туберовскаго*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи оставить за мной то же число лекціонныхъ часовъ, какое было и въ прошломъ году (т. е. два часа для теоретическихъ и одинъ часъ для практическихъ занятій)“.

е) И. д. доцента по кафедрѣ литургіи священника *И. В. Гумилевскаго*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84-му Устава Духовныхъ Академій честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство исходатайствовать мнѣ предъ Совѣтомъ Академіи разрѣшеніе читать двѣ теоретическихъ лекціи и одну практическую“.

ж) И. д. доцента по кафедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей священника *Г. М. Смирнова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ, какъ имѣющему преподавать лишь 2-ой годъ, общее количество еженедѣльныхъ лекціонныхъ часовъ до четырехъ, изъ которыхъ два мною были бы употреблены на теоретическое изложеніе предмета, а два—на веденіе практическихъ занятій“.

з) И. д. доцента по второй кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завета *іеромонаха Варволомея (Релова)*:

„Усердно прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи на основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій“ разрѣшить мнѣ читать, какъ начинающему преподавателю, въ наступающемъ учебномъ году двѣ теоретическихъ лекціи и одну посвящать практическимъ занятіямъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій § 84, примѣчаніе: „Начинающимъ преподавателямъ Совѣтъ можетъ разрѣшить читать въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ и меньшее число лекцій“ (сравнительно съ нормою, каковою признается *пять* лекцій въ недѣлю, а по пастырскому богословію, гомилетикѣ и греческому языку—*четыре* лекцій).—2) По § 109 лит. б п. 3 и лит. а п. 3 того же устава—„опредѣленіе количества лекцій для начинающихъ преподавателей“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, а „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія“—въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

1) **Опредѣлили:** Признавая вышеизложенныя просьбы г.г. ставниковъ Академіи объ уменьшеніи числа лекціонныхъ часовъ заслуживающими (вполнѣ или частію) уваженія,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на 1913—1914 учебный годъ, сорвѣтственно числу лѣтъ преподавательской дѣятельности: о Инспектору Академіи архимандриту *Иларіону*, доценту *Н. Т. Тунницкому*, и. д. доцента—*Ө. М. Россейкину*, *А. М. Туберовскому* и священнику *І. М. Смирнову*, а также переведенному изъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи на третьемъ году преподавательской службы и. д. доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства священнику *В. І. Зыкову*—по *четыре* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и два часа на практическія занятія): доценту *Н. В. Тысогоорскому*, и. д. доцента—священнику *И. В. Гумилевскому* и іеромонаху *Варолюмою (Ремову)*, а также и. д. доцента по второй кафедрѣ патрологіи іеромонаху *Пантелеимоу (Успенскому)*, еще не возвратившемуся изъ научной командировки въ Константинополь,—по *три* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и одинъ часъ на практическія занятія).—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—распредѣлить лекціи и практическія занятія въ Академіи въ 1913—1914 учебномъ году по слѣдующей таблицѣ:

**Распределение лекцій и практических занятій въ
Императорской Московской Духовной Академіи
на 1913 — 1914 учебный годъ.**

двѣ		Ч А С Ы.	Первый курсъ.
Повѣдѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.		
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		Основное богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Основное богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		1-й групп. предметъ *) (1, 2, 3, 4)
	1 ч. 10 м.—2 ч.		1-й групп. предметъ (1, 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.		1-й групповой предметъ (1, 2, 4)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Основное богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		Основное богословіе (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.		Основное богословіе (пр. з.)
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.		Греческій языкъ
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		Греческій языкъ
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		Новые языки
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Новые языки
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		Новые языки
	1 ч. 10 м.—2 ч.		Новые языки
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.		
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Исторія философіи
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		Ист. филос. (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.		Ист. филос. (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.		Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвта I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвта I
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		Исторія философіи Педагогика
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Исторія философіи Педагогика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		Исторія древней церкви
	1 ч. 10 м.—2 ч.		Исторія древней церкви
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м.		Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвта I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.		Свящ. Писаніе Ветх. Заѣвта I (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.		Свящ. Писаніе Ветх. Заѣвта I (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.		Исторія древней церкви
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.		Исторія древней церкви (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.		Исторія древней церкви (пр. з.)

*) 1. Русская гражданская исторія.—2. Библейская исторія, въ связи съ исторіей древняго міра.—3. Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей.—4. Исторія и облаченіе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

Распределение лекцій и практических занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

дни.	ч а с ы.	Второй курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	2-я групповой предметъ *) (1, 2, 3, 4) 2-я групповой предметъ (1, 2, 3, 4)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м.	2-я групповой предметъ (2, 4) 2-я групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) 2-я групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4) Психологія Психологія
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м.	Психологія Психологія (пр. зан.) Психологія (пр. зан.) Греческій языкъ Греческій языкъ
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Заѣвѣта II (пр. з.) Патрологія I Патрологія I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія русской церкви Исторія русской церкви Патрологія I Патрологія I (пр. зан.) Патрологія I (пр. зан.)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія русской церкви Исторія русской церкви (пр. зан.) Исторія русской церкви (пр. зан.) Исторія и обличеніе русскаго раскола Исторія и обличеніе русскаго раскола Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	
	1 ч. 10 м.—2 ч.	

*) 1 Исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей.—2 Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.—3. Исторія русской литературы.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

Распределение лекцій и практических занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1913 — 1914 учебный годъ.

дни.	ч а с ы.	Третій курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и облич. русск. сектанства *). Исторія и обличеніе рус. сектанства. Свящ. Писаніе Нового Завѣта (М. Д. М.) Групповые предметы **) Групповые предметы
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Групповые предметы Групповые предметы (пр. з.) Групповые предметы (пр. з.) Ист. и обличеніе русск. сектант. (пр. з.) Ист. и обличеніе русск. сектант. (пр. з.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія II Патрологія II Патрологія II (пр. з.) Свящ. Писаніе Нового Завѣта I Свящ. Писаніе Нового Завѣта I
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта II (пр. з.) Литургика Литургика Литургика (пр. з.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Догматическое богословіе Догматическое богословіе Гомилетика Гомилетика
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Нового Завѣта I (пр. з.) Свящ. Писаніе Нового Завѣта I (пр. з.) Догматическое богословіе (пр. з.) Догматическое богословіе (пр. з.) Гомилетика (пр. з.) Гомилетика (пр. з.)

*) Въ виду двукратной смѣны преподавателей, лекціи по исторіи и обличенію русскаго сектанства въ 1913—1914 учебномъ году читаны не были.

***) Обязательна для записавшихся 1-й групповой предметъ третьей группы (Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей) —

**Распределение лекцій и практическихъ занятій въ
Императорской Московской Духовной Академіи
на 1913 — 1914 учебный годъ.**

Дни.	Ч а с ы.	Четвертый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Свящ. Писаніе Новаго Заѣта (М. Д. М.) Церковное право Церковное право
Вторникъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Церковное право Церковное право (пр. з.) Церковное право (пр. з.)
Среда	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Патрологія II Патрологія II Патрологія II (пр. з.) Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II
Четвергъ	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II (пр. з.) Свящ. Писаніе Новаго Заѣта II (пр. з.)
Пятница	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Нравственное богословіе Нравственное богословіе Гомилетика Гомилетика
Суббота	9 ч.—9 ч. 50 м. 9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м. 10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м. 11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м. 12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м. 1 ч. 10 м.—2 ч. Нравственное богословіе Нравственное богословіе (пр. з.) Нравственное богословіе (пр. з.) Гомилетика (пр. з.) • Гомилетика (пр. з.)

VII.—*О назначеніи студентамъ письменныхъ работъ на 1913—1914 учебный годъ.*

Справка: Устава духовныхъ академій—*а) § 154:* „Въ теченіе года, на первыхъ трехъ курсахъ, студентамъ назначается по три сочиненія на каждый курсъ на темы, данныя преподавателями и одобренныя ректоромъ Академіи. Кромѣ этихъ третнихъ сочиненій, для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе одной проповѣди на каждомъ курсѣ“.—*б) § 155:* „Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, изъ нихъ два сочиненія—по богословскимъ наукамъ и одно—по общеобразовательнымъ“.—*в) § 156:* „Студенты IV курса пишутъ курсовое сочиненіе для полученія степени кандидата богословія на тему богословскаго характера, одобренную ректоромъ и утвержденную Епархіальнымъ Архіереемъ. Совѣтъ Академіи озабочивается равномернымъ распредѣленіемъ труда по разсмотрѣнію сочиненій между отдѣльными преподавателями, съ такимъ расчетомъ, чтобы одному преподавателю писали не болѣе 5 человекъ“.—

Опредѣлили: 1) Назначить на 1913—1914 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

- а) По основному богословію,
- б) По I-му групповому предмету,
- в) По систематической философіи.

Во II курсѣ:

- а) По Свящ. Писанію Ветхаго Заѣта (II кан.),
- б) По исторіи русской церкви,
- в) По психологіи.

Въ III курсѣ:

- а) По Свящ. Писанію Новаго Заѣта (I кан.),
- б) По церковной археологіи,
- в) По церковному праву.

Примѣчаніе. Избранныя г.г. наставниками Академіи темы для означенныхъ сочиненій должны быть предварительно представлены ими на одобреніе Преосвященнаго Ректора Академіи.

2) Для написанія *третьихъ сочиненій* назначить студентамъ I, II и III курсовъ слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ 10 сентября по 30 октября, для втораго—съ 1 ноября по 20 декабря 1913 года и для третьяго—съ 15 января по 15 марта 1914 года.

3) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для *курсовыхъ сочиненій* изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи курсовыхъ сочиненій назначить время съ 15 апрѣля по 1 мая 1914 года, съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсоваго сочиненія безъ уважительной причины, онъ, согласно § 167 академическаго устава, будетъ выпущенъ изъ Академіи лишь съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ.

4) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить по *одной проповѣди*, съ требованіемъ, чтобы они представляли ихъ не позднѣе 10 дней до срока, назначеннаго по росписанію.—Росписаніе проповѣдей на 1913—1914 учебный годъ имѣетъ быть дано, съ одобренія Преосвященнаго Ректора Академіи, преподавателемъ гомилетики—и. д. доцента В. П. Виноградовымъ.

5) Установленные въ 1910 году Совѣтомъ Академіи *правила* относительно участія студентовъ въ *практическихъ занятіяхъ* оставить въ силѣ и на текущей учебный годъ.

6) Вышеизложенныя постановленія объявить студентамъ Академіи съ предупрежденіемъ по отношенію къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей по представленію письменныхъ работъ, участію въ практическихъ занятіяхъ и сдачѣ устныхъ испытаній къ 1 июня 1914 года, тотъ не можетъ уже рассчитывать на полученіе въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной стипендіи*.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 сент. 1913. Исполнить“.

2 сентября 1913 года.

№ 14.

Присутствовали, подъ председательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынь, ординарные профессора—С. И. Соболевскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ и А. П. Орловъ.

Слушали: 1. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „27 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 22 іюня за № 9744:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 Марта сего года № 141, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи преподавателя Волынской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Θеодора Владимірскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе „Антропология и космология Немезія, Епископа Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ“. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить преподавателя Волынской семинаріи, кандидата богословія, *Θеодора Владимірскаго* въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Преосвященнымъ Анастасіемъ, Епископомъ

Серпуховскимъ съ надписью: 1913 г. Августа 13. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа за № 12482:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 Юня сего года № 321, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента сей Академіи по кафедрѣ исторіи русской литературы, кандидата богословія, *Николая Туницкаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность“, и въ должности доцента академіи, и 2) отзывъ Преосвященнаго Финляндскаго о названномъ сочиненіи, отъ 29 Юля 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента названной академіи Николая Туницкаго въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе и въ должности доцента академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго* и преподавателя Волынской семинаріи *О. С. Владимірскаго* магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности.—2) Объ утвержденіи *г. Туницкаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 юля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 юня за № 9939:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 Мая сего года № 257, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной

академіи объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена сей академіи *Блаженнѣйшаго Григорія IV, Патріарха Антіохіи и всего Востока*. Приказали: Согласно настоящему представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить въ званіи почетнаго члена сей академіи *Блаженнѣйшаго Григорія IV, Патріарха Антіохіи и всего Востока*, во уваженіе къ высокой религіозно-просвѣтительной дѣятельности и выдающимся Архипастырскимъ трудамъ Его Блаженства на пользу Святой Церкви; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ.“

Опредѣлили: Изготовить и препроводить Его Блаженству установленный дипломъ на званіе Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 іюля 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 іюля за № 10628:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи вакантной должности епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника С.-Петербургской епархіи. Приказали: На должность епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника С.-Петербургской епархіи, освободившуюся за назначеніемъ занимавшаго сію должность *Димитрія Боголюбова* на духовно-учебную службу, назначить Московскаго епархіальнаго противосектантскаго миссіонера—проповѣдника *Ивана Айвазова*, перемѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ *Айвазова* изъ Императорской Московской духовной академіи, въ коей онъ состоитъ преподавателемъ, въ званіи и. д. доцента, по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства, на таковую же кафедру въ Императорскую С.-Петербургскую духовную академію, вмѣсто и. д. доцента *священника Владиміра Зыкова*, котораго перевести на вышеозначенную кафедру въ Императорской Московской духовной академіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству и Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указы и редакціи Церковныхъ Вѣдомо-

стей, для напечатанія о назначеніи Айвазова С.-Петербургскимъ епархіальнымъ противосектантскимъ миссіонеромъ-проповѣдникомъ, сообщить по принятому порядку, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора передать выписку изъ сего опредѣленія.“

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію, сообщить содержаніе онаго Правленію Академіи,— для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля за № 11233:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства отъ 17 Іюня сего года № 320, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи *Александрю Туберовскому* исполняющагося 16 Августа 1913 года двухгодичнаго срока для представленія магистерской диссертациі до 16 Августа 1914 г. Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства и ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной Академіи *Александрю Туберовскому* срокъ для представленія имъ магистерской диссертациі до 16 Августа 1914 г., о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 11233 объявить и. д. доцента Академіи *А. М. Туберовскому*.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля за № 11234:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего года № 338, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной

академіи о разрѣшеніи оставить при сей академіи на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ, кандидатовъ Академіи выпуска сего года *Николая Кочанова*, по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, и *Александра Ремезова*, по кафедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, безъ назначенія имъ содержанія изъ Синодальныхъ или академическихкихъ суммъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту помянутой Академіи оставить при оной на 1913—1914 учебный годъ, въ званіи сверхштатныхъ профессорскихъ стипендіатовъ, кандидатовъ академіи выпуска сего года *Николая Кочанова*, по кафедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, и *Александра Ремезова*, по кафедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, *безъ назначенія имъ содержанія* изъ Синодальныхъ или академическихкихъ суммъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „16 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 августа за № 12707:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего года за № 837, съ ходатайствомъ о назначеніи изъ суммъ Святѣйшаго Синода пособия на содержаніе оставленнаго при Императорской Московской духовной академіи, на основаніи § 76 Уст. дух. акад., въ качествѣ профессорскаго стипендіата, на 1913—1914 учебный годъ, *іеромонаха Іеронима (Чернова)*. Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить на содержаніе профессорскаго стипендіата іеромонаха Іеронима, въ теченіе 1913—14 учебнаго года, *пятьсотъ рублей*, изъ кредита по Отд. 1 § 2 специальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Справка: Утвердительная резолюція Его Высокопреосвященства на представленіи Преосвященнаго Ректора Акаде-

мін, отъ 21 іюня с/г. за № 290, о назначеніи на одну изъ положенныхъ по § 76-му академическаго устава вакансій профессорскихъ стипендіатовъ для лицъ монашествующихъ окончившаго въ текущемъ году курсъ по первому разряду кандидата богословія *іеромонаха Геронима (Чернова)*, съ исходатайствованіемъ ему на 1913—1914 учебный годъ пособия изъ суммъ Святѣйшаго Синода въ размѣрѣ 500 рублей,— послѣдовала 25 іюня с/г. за № 3402.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „22 іюля 1913. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 іюля за № 11266:

„По указу Его Императорскаго Величества. Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Іюня сего. года за № 339, по постановленію Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи съ ходатайствомъ объ утвержденіи окончившаго въ текущемъ году академическій курсъ кандидата богословія *Теодора Андреева* въ должности преподавателя названной Академіи по каедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ 16 Августа 1913 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить кандидата богословія *Теодора Андреева* въ должности преподавателя названной академіи по каедрѣ систематической философіи и логики, въ званіи и. д. доцента, съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ 16 Августа 1913 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Объ утвержденіи кандидата богословія *Т. А. Андреева*, съ 16 августа 1913 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по каедрѣ систематической философіи и логики—внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „3 авг. 1913. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 іюля за № 11914:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 17 минувшаго Іюня за № 323, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о командированіи и. д. доцента сей академіи *Протасова*, съ ученою цѣлью, за границу на 1913—14 учебный годъ, съ сохраненіемъ за нимъ правъ службы и содержанія по должности доцента академіи, съ назначеніемъ ему дополнительнаго на время командировки содержанія и съ отпускомъ въ его распоряженіе особой суммы на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ учебныхъ пособій для практическихъ занятій студентовъ академіи по исторіи христіанскаго искусства. Приказали: Обсудивъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, совокупно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи командировать и. д. доцента сей академіи Протасова за границу, для научныхъ занятій, на 1913—14 учебный годъ, съ сохраненіемъ за нимъ получаемаго содержанія и съ зачетомъ времени его командировки въ дѣйствительную службу, 2) назначить Протасову дополнительное къ получаемому имъ доцентскому окладу жалованья вознагражденіе на время командировки, по бывшимъ примѣрамъ, въ размѣрѣ *шестисотъ рублей* изъ духовно-учебнаго капитала, по Отд. 1 § 1 ст. 2 специальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода, и 3) ходатайство Совѣта названной академіи объ отпускѣ въ распоряженіе Протасова особой суммы на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ учебныхъ пособій для практическихъ занятій студентовъ академіи по исторіи христіанскаго искусства отклонить, въ виду того, что на пополненіе академическихъ библиотекъ книгами и пособиями ассигнуются по смѣтамъ академіи особые кредиты; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 11914 объявить и. д. доцента Академіи по кафедрѣ церков-

ной археологій, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасову*, съ выдачею ему потребныхъ для заграничной командировки документовъ, и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

VIII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ написаниемъ: „21 авг. 1913. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи для исполненія“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 августа за № 12924:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Товарища Оберъ-Прокурора, отъ 24 Юля сего года № 26920, въ коемъ изложено, 1) что Государственный Секретарь, въ видахъ обезпеченія на будущее время постояннаго и правильнаго пополненія бібліотеки Государственнаго Совѣта всѣми матеріалами и пособіями необходимыми для законодательныхъ работъ въ области церковно-государственныхъ вопросовъ, обратился съ ходатайствомъ о доставленіи въ бібліотеку Государственнаго Совѣта изданій Святѣйшаго Синода, въ числѣ не менѣе двухъ экземпляровъ, и 2) что въ частности изъ числа этого рода изданій за прежніе годы Государственный Секретарь выражаетъ желаніе имѣть: а) матеріалы по вопросу о церковной реформѣ (отзывы епархіальныхъ архіереевъ и журналы засѣданій Высочайше учрежденнаго предсоборнаго присутствія); б) матеріалы по преобразованію духовно-судебной части (мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ, а также духовныхъ консисторій относительно проекта сего преобразования изд. 1874 г.); в) описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, а также описанія документовъ архива Западно-Русскихъ униатскихъ митрополитовъ, т. I и II; г) собраніе мнѣній и отзывовъ по церковно-государственнымъ вопросамъ Филарета, Митрополита Московскаго; д) собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія; е) опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ указателями къ ней, и ж) отчеты Оберъ-Прокурора

Святѣйшаго Синода, а также повременныя изданія: „Церковныя Вѣдомости“, „Церковный Вѣстникъ“ и „Богословскій Вѣстникъ“. Приказали: Выслушавъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ, на основаніи бывшихъ сужденій, опредѣляетъ: 1) поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ сдѣлать распоряженіе а) о доставленіи въ бібліотеку Государственнаго Совѣта имѣющихся въ настоящее время изъ упомянутыхъ изданій при Святѣйшемъ Синодѣ за прежніе годы въ количествѣ двухъ экземпляровъ и б) о доставленіи въ ту же бібліотеку въ будущемъ печатныхъ изданій при Святѣйшемъ Синодѣ въ означенномъ количествѣ, и 2) поручить Вашему Преосвященству, Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому и Кіевскому и Преосвященному Казанскому сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ бібліотеку Государственнаго Совѣта издающихся при Императорскихъ духовныхъ академіяхъ журналовъ какъ за текущій годъ и въ будущее время, такъ, если окажется возможнымъ, и за прежніе годы, въ одномъ экземплярѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство, Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго и Кіевскаго и Преосвященнаго Казанскаго указами.“

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода сообщить, къ исполненію, редакціи академическаго устава „Богословскій Вѣстникъ“.

IX. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 31 мая, 5 и 7 іюня, за №№ 6, 7, 8 и 9: „17 іюня 1913. Исполнить“.

б) 10 іюня № 10: „3 іюля 1913. Исполнить“.

в) 10 іюня № 11: „25 іюня 1913. Исполнить“.

г) 10 іюня № 12: „25 іюня 1913. Согласенъ“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

X. Сообщение Правленія Академіи:

„Въ собраніи 6 марта 1909 года Правленіемъ Московской Духовной Академіи были выслушаны:

а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи

Г. Прокурора Московскаго Окружнаго Суда, отъ 24 февраля 1909 года за № 2626:

„На основаніи 1901 ст. I ч. X т. Свод. Закон. изд. 1900 года, препровождая при семь выписку изъ представленнаго къ утвержденію въ Московскій Окружный Судъ духовнаго завѣщанія священника Алексѣя Александровича *Соболева*, имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что душеприказчиками по сему завѣщанію состоятъ: протоіерей Угличскаго Богоявленскаго женскаго монастыря Константинъ Михайловичъ Ярославскій и крестьянинъ Николаѣй Степановичъ Головновъ, жительство имѣютъ: 1-ый въ г. Угличѣ и 2-й въ деревнѣ Тифоницахъ, Ильинской волости, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи“.

б) Выписка изъ духовнаго завѣщанія священника Алексѣя Александровича *Соболева*:

„.....половинную часть всего остального капитала, какой окажется послѣ моей смерти, на учрежденіе двухъ стипендій моего имени для выдачи преимущественно уроженцамъ Ярославской губерніи бѣднѣйшимъ студентамъ Московской и С.-Петербургской Духовныхъ Академій по равной части на каждую стипендію“.

Въ виду неопредѣленности извѣщенія Г. Прокурора, Правленіе Академій, отношеніемъ отъ 21 марта 1909 года за № 136, просило перваго душеприказчика по завѣщанію—о. протоіерея Константина *Ярославскаго* „сообщить Правленію по возможности подробныя свѣдѣнія о личности завѣщателя, размѣръ причитающагося на долю Академій капитала и о положеніи дѣла относительно утвержденія завѣщанія“.

Отвѣта на означенное отношеніе со стороны о. протоіерея *Ярославскаго* не послѣдовало.—Между тѣмъ до Академій стали доходить слухи, что завѣщаніе священника *Соболева* уже утверждено и денежныя суммы находятся въ распоряженіи душеприказчиковъ.—Тогда Преосвященный Ректоръ Академій счелъ своимъ долгомъ обратиться къ Высокопреосвященному Тихону, Архіепископу Ярославскому и Ростовскому, съ письмомъ отъ 14 августа 1910 года за № 372, въ коемъ, изложивъ обстоятельства дѣла, просилъ Его Высокопреосвященство „оказать Академій свое Архипастырское содѣй-

ствіе и побудить о. протоіерея Ярославскаго къ исполненію его долга по отношенію къ ней“.

Въ отвѣтъ на это письмо Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Тихономъ, при отношеніи отъ 4 октября 1910 года за № 13351/71109, препровожденъ былъ Преосвященному Ректору Академіи (въ копіи) *рапортъ о. протоіерея Ярославскаго* на имя Ярославской Духовной Консисторіи, отъ 16 сентября 1910 года, слѣдующаго содержания:

„Вслѣдствіе указа Ярославской Духовной Консисторіи отъ 27 августа 1910 г. за № 11542/071109 почтительнѣйше сообщая слѣдующее. Духовное завѣщаніе священника (умершаго въ санѣ протоіерея) Алексѣя Соболева Окружнымъ Судомъ утверждено и нѣкоторая часть суммъ, именно опредѣленно означенныхъ въ его завѣщаніи, выдана разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Но затѣмъ въ виду возникшихъ заявленій устныхъ и письменныхъ, чрезъ подлежащія правительственныя учрежденія, о выдачѣ тѣмъ же лицамъ и учрежденіямъ дополнительныхъ суммъ и даже объ измѣненіи назначеній завѣщанныхъ суммъ, на основаніи дополнительнаго завѣщанія протоіерея А. Соболева, произошла приостановка выдачъ суммъ, какъ опредѣленно означенныхъ въ его завѣщаніи, такъ, тѣмъ болѣе, неопредѣленно означенныхъ, о коихъ въ завѣщаніи сказано, напримѣръ: „выдать четвертую, половинную часть остального капитала.“—Въ виду невозможности опредѣленно установить: какой останется капиталъ послѣ удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, коимъ завѣщаны опредѣленные суммы, какъ ранѣе не было возможности, такъ и въ настоящее время представляется невозможнымъ произвести выдачу суммы на стипендію протоіерея Алексѣя Соболева въ Московскую Духовную Академію. Доставка изъ „остального капитала“ суммъ на стипендіи произведена будетъ послѣ безспорнаго удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, получающихъ по завѣщанію опредѣленные суммы“.

Прошло еще 2½ года, а суммъ на учрежденіе при Академіи стипендіи имени протоіерея Соболева въ Правленіе Академіи по прежнему не поступало.—Тогда Правленіе рѣшило обратиться ко второму душеприказчику—крестьянину Николаю *Головнову* и отношеніемъ отъ 26 марта текущаго 1913 года за № 453 просило его вступить въ дѣло и при-

нять съ своей стороны какія-либо мѣры къ исполненію воли завѣщателя.

Письмомъ отъ 26 мая с./г. крестьянинъ Головновъ увѣдомилъ Правленіе, что, послѣ личныхъ переговоровъ и письменныхъ запросовъ къ о. протоіерею Ярославскому, онъ, Головновъ, все-таки „ничего удовлетворительнаго отвѣтить не можетъ“ и „въ виду неопредѣленности положенія рѣшилъ обратиться съ прошеніемъ къ Высокопреосвященному Архіепископу Тихону Ярославскому и Ростовскому,“ присовокупивъ, что по приблизительному разсчету, насколько онъ можетъ судить, сумма, причитающая на долю Московской Духовной Академіи „должна быть не менѣе 4700 рублей процентными бумагами“.

Наконецъ, по прошествіи свыше 4-хъ лѣтъ послѣ смерти завѣщателя, отъ душеприказчика—протоіерея Угличскаго Богоявленскаго женскаго монастыря Константина *Ярославскаго* поступило въ Правленіе Академіи отношеніе, отъ 18 іюня текущаго 1913 года, слѣдующаго содержанія:

„Въ духовномъ завѣщаніи священника (умершаго въ санѣ протоіерея) церкви села Ильинскаго въ Порѣчьѣ, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Алексѣя Александровича Соболева, между прочимъ, сообщается въ пунктѣ 17, б:..... „половинную часть на учрежденіе двухъ стипендій моего имени для выдачи преимущественно уроженцамъ Ярославской губерніи бѣднѣйшимъ студентамъ Московской и С.-Петербургской Духовныхъ Академій по равной части на каждую стипендію“, и, далѣе, въ пунктѣ 18: „Всѣ денежныя выдачи, перечисленныя съ перваго по семнадцатый пунктъ сего завѣщанія включительно, должны быть произведены процентными бумагами по номинальной ихъ стоимости, которыя и должны быть внесены въ одно изъ кредитныхъ учрежденій вкладами на храненіе, съ которыхъ и выдавать только проценты учрежденіямъ, священнослужителямъ..... церквей и монастырей въ ихъ пользу за вѣчное поминовеніе меня,—Іерея Алексѣя, Анны, Протоіерея Александра, Екатерины, Протоіерея Гавріила и сродниковъ моихъ“.

Въ рапортѣ моемъ на имя Ярославской Духовной Консistorіи отъ 16 сентября 1910 года сообщено было для извѣщенія Московской Духовной Академіи, что до времени удовлетворенія всѣхъ учрежденій и лицъ, коимъ завѣщаны